

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

На правах рукописи

Абрамкина Елена Евгеньевна

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР ПРОТОКОЛА ДОПРОСА:
ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Тимофеева Мария Кирилловна,
доктор филологических наук, доцент

Новосибирск – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. РЕЧЕВОЙ ЖАНР ПРОТОКОЛА ДОПРОСА И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРСТВА	17
1.1. ПОНЯТИЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	17
1.1.1. <i>Представление о природе и структуре речевого жанра в современной лингвистике</i>	17
1.1.2. <i>Первичные и вторичные речевые жанры</i>	21
1.2. АВТОРОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ.....	24
1.2.1. <i>Предмет и задачи судебной автороведческой экспертизы</i>	24
1.2.2. <i>Идентификационная автороведческая экспертиза</i>	28
1.2.3. <i>Понятие идентификационного признака в судебной автороведческой экспертизе</i> .	29
1.2.4. <i>Методика идентификационной автороведческой экспертизы</i>	34
1.2.5. <i>Источники обновления методологической базы автороведческой экспертизы</i>	36
1.3. МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ АВТОРОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ.....	38
1.3.1. <i>Основные свойства официально-деловых текстов</i>	38
1.3.2. <i>Официально-деловой текст как объект лингвистической и автороведческой экспертизы</i>	39
1.4. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В АСПЕКТЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	42
1.4.1. <i>Протокол допроса в кругу жанров, связанных с расследованием преступления</i>	42
1.4.2. <i>Структурные особенности протокола допроса</i>	43
1.4.3. <i>Фиксация текста протокола допроса</i>	46
1.4.4. <i>Протокол допроса как вторичный жанр процессуальных документов</i>	47
1.4.5. <i>Протокол допроса и принцип кооперации Г.П. Грайса</i>	50
1.4.6. <i>Проблема установления авторства протокола допроса</i>	53
1.4.7. <i>Освещение проблемы автороведческого анализа протоколов допросов в исследовательской литературе</i>	55
1.4.8. <i>Задачи идентификационной экспертизы протоколов допроса</i>	58
1.5. ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ЗАДАЧ	61
1.5.1. <i>Существующие подходы к описанию речевого жанра</i>	61
1.5.2. <i>Построение модели речевого жанра протокола допроса</i>	65

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	68
ГЛАВА 2. ЖАНРОВЫЕ И АВТОРСКИЕ ЧЕРТЫ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА.....	69
2.1. ОПИСАНИЕ ЖАНРА ПРОТОКОЛА ДОПРОСА.....	69
2.1.1. Система «автор-адресат» в речевом жанре протокола допроса.....	69
2.1.1.1. Коммуникативная ситуация протокола допроса.....	69
2.1.1.2. Автор и адресат внешней и внутренней коммуникативной ситуации	70
2.1.2. Структура речевого жанра протокола допроса.....	73
2.1.3. Языковая организация протокола допроса.....	74
2.1.3.1. Лексико-семантическая организация протокола допроса	75
2.1.3.2. Уточнения как семантическая особенность протокола допроса.....	79
2.1.3.3. Синтаксическая организация текста протокола допроса	97
2.1.3.4. Стилистическая организация протокола допроса.....	100
2.1.3.5. Прагматическая организация протокола допроса.....	101
2.2. АВТОРСКАЯ РЕЧЬ В ПРОТОКОЛЕ ДОПРОСА.....	103
2.2.1. Представление об авторской речи в тексте протокола допроса.....	103
2.2.2. Авторская речь на лексико-семантическом уровне.....	105
2.2.2.1. Авторская речь и семантические уточнения.....	110
2.2.3. Авторская речь на синтаксическом уровне.....	114
2.2.4. Авторская речь на стилистическом уровне.....	120
2.2.5. Неоднородность авторской речи в тексте протокола допроса.....	121
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	129
ГЛАВА 3. МЕТОДИКА АВТОРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА.....	131
3.1. ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА.....	131
3.2. МЕТОДИКА РЕШЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ЗАДАЧ В АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА.....	137
3.2.1. Этапы автороведческого анализа текстов протоколов допроса для решения задач определения принадлежности нескольких текстов одному лицу и верификации автора	137
3.2.2. Решение задачи определения принадлежности нескольких текстов протоколов допросов одному лицу на примере исследования протоколов допросов по делу о взятке	141
3.2.3. Решение задачи верификации авторства текста протоколов допросов на примере исследования двух протоколов допросов свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова	162

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	192
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	197
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	214
Приложение 1. Структура протокола допроса.....	214
Приложение 2. Идентификационные признаки протоколов допросов Свидетелей №2 и №3	220

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению речевого жанра протокола допроса, который рассматривается в аспекте решения задач идентификационной автороведческой экспертизы текста. Работа включает построение и описание модели жанра с позиции идентификационной экспертизы, а также разработку на ее основе методики решения разных типов задач идентификационной автороведческой экспертизы текстов протокола допроса. В качестве основополагающего принципа автороведческой экспертизы текстов этого жанра предлагается характеристика жанровых языковых черт и составление на их основе классификации идентификационных признаков.

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами.

Прежде всего, это включенность работы в междисциплинарные исследования, направленные на освещение проблемных точек современной автороведческой экспертизы, разработку новых подходов и методов ее проведения. Будучи актуальной и востребованной областью прикладных лингвистических исследований, играющих важную роль в расследовании уголовных преступлений, автороведческая экспертиза сегодня переживает трудные времена, связанные как с появлением новых объектов, так и с накопленным багажом нерешенных вопросов анализа объектов, уже ставших традиционными для данной области. Соответственно, можно условно выделить два глобальных направления научных разработок в сфере автороведческой экспертизы: разработка методов анализа новых объектов (к которым, прежде всего, относятся тексты интернет-коммуникации) и разработка и совершенствование методов исследования уже известных, но сложных для изучения объектов. Настоящая работа относится ко второму направлению и сконцентрирована вокруг проблемы установления авторства протоколов допроса.

Второй фактор актуальности базируется на специфике самого объекта. Протокол допроса является одним из ключевых процессуальных документов уголовного судопроизводства, основная задача которого состоит в фиксации показаний допрошенных лиц. Он является важным доказательством в суде, с опорой на зафиксированные в протоколе показания выносятся судебные решения. Значимость протокола допроса для судебного процесса определяет необходимость достоверности показаний, которые в нем содержатся, – опираясь на протокол допроса как одно из ключевых доказательств по делу, судья должен быть уверен в том, что его содержание принадлежит именно допрошенному лицу, а не составившему протокол следователю. Эта важность актуализируется в случаях, когда допрошенный отказывается от данных им ранее и зафиксированных в протоколе допроса показаний и утверждает, что протокол составлен без его участия или какие-то

моменты искажены. Учитывая, что ведение аудио- или видеофиксации хода допроса является не обязательным, а лишь возможным по инициативе следователя или ходатайству допрашиваемого (п. 4 ст. 189 УПК РФ), отказ допрошенного от показаний при отсутствии возможности сопоставить протокол с аудио или видеозаписью допроса, составляет серьезную проблему. В таких случаях для разрешения споров может назначаться судебная автороведческая экспертиза. В современной научной и методической литературе методы автороведческой экспертизы текстов жанра протокола допроса подробно не описаны, методика анализа таких текстов отсутствует, соответственно, разработка подходов к автороведческому исследованию текстов этого жанра представляется важной и актуальной.

Третий фактор – сложность исследования текстов протоколов допроса, связанная как с малым объемом, так и с неизбежным искажением речи допрашиваемого составителем протокола. Первый момент ограничивает возможности использования статистических методов, основанных на анализе больших объемов текста; второй ограничивает круг задач идентификационной автороведческой экспертизы, которые могут решаться при проведении автороведческого исследования текстов данного жанра. Соответственно, важным является определение круга задач, решаемых в рамках идентификационной автороведческой экспертизы протокола допроса, и разработка методики их решения.

Еще один фактор актуальности – подход к автороведческой экспертизе протокола допроса через анализ его жанра, что включает настоящее исследование в число работ, связанных с таким активно развивающимся сегодня направлением лингвистики, как теория речевого жанра. Исследование протокола допроса как речевого жанра проводилось в работе Н.М. Татарниковой [Татарникова, 2004], однако в ней решались сугубо жанроведческие задачи, вопрос о возможности применения анализа жанра для решения задач других направлений лингвистики в данном исследовании не ставился. Между тем, специфика стиля и жанра протокола допроса оказывает сильное влияние как на набор идентификационных признаков, так и на методы автороведческого анализа, поэтому учет жанровых черт при проведении экспертизы представляется продуктивным. Выход за пределы конкретного направления, использование его методов описания для решения задач другой области лингвистики сегодня, наряду с междисциплинарными исследованиями, является востребованным подходом к исследованию сложных для анализа, проблемных объектов, к которым, несомненно, относится протокол допроса.

Степень разработанности темы диссертационного исследования

Настоящее диссертационное исследование построено на сближении нескольких направлений лингвистических исследований: теории речевых жанров, документной лингвистики и исследований, посвященных установлению авторства. Соответственно, разработанность темы связана как с развитостью этих направлений в целом, так и с изучением жанра протокола допроса в рамках каждого из них.

Изучение речевых жанров базируется на работах М.М. Бахтина, впервые описавшего это понятие и выделившего некоторые его ключевые черты [Бахтин, 1979]. Описанию природы речевого жанра (К.А. Долинин, К.Ф. Седов, А. Вежбицкая, М.А. Кантурова, Т.И. Стексова и др.), его ключевых черт (В.В. Дементьев, А.Г. Баранов, Т.В. Шмелева и др.), исследованию отдельных речевых жанров (Н.В. Орлова, Т.Г. Рабенко, С.Е. Тупикова и др.) посвящены работы многих отечественных ученых. Одним из центральных понятий в теории речевых жанров является понятие модели, то есть некоего образца построения текстов, обусловленного типом общения, коммуникативной ситуацией и рядом других факторов (В.В. Дементьев, Т.В. Шмелева, С. Гайда). Модели речевого жанра строятся с опорой на разные основания и для решения разных задач. Коммуникативный подход предполагает в качестве основополагающего признака коммуникативную интенцию автора (К.Ф. Седов, Т.В. Шмелева), социокультурный подход направлен на описание современности через набор функционирующих в ней жанров (В.В. Дементьев), когнитивно-коммуникативный строится на когнитивных основах взаимодействия субъектов речи (К.А. Долинин) и т.д.

Исследование протокола допроса в теории речевых жанров основано на коммуникативном подходе [Татарникова, 2004]. Работа Н.М. Татарниковой является единственным подробным описанием протокола допроса, основанным на модели речевого жанра, предложенной Т.В. Шмелевой. Эта работа дает представление о сфере функционирования речевого жанра протокола допроса, некоторых особенностях автора и адресата текстов этого жанра, структуре и основных лексических чертах. В то же время данное исследование не имело целью установление авторства текстов.

Следующая область, с которой связано настоящее диссертационное исследование, - документная лингвистика. Это прикладная лингвистическая дисциплина, нацеленная на изучение официально-деловых текстов и правил их составления. Исследования в этой области, прежде всего, связаны с работами С.П. Кушнерука, сформулировавшего теоретические основы документной лингвистики. Документная лингвистика тесно связана с изучением жанров и стилей речи, языковых особенностей как официально-делового стиля в целом, так и его отдельных жанров (Косова М.В., Краснова О.Н. и др.). Анализу

документных текстов в аспекте лингвистической экспертизы посвящены работы М.В. Косовой, О.Н. Кушнир, А.М. Плотниковой и др.

Другой аспект данной работы – автороведческая идентификационная экспертиза – активно развивается с начала XX в. в рамках криминалистических исследований. Первично установление авторства касалось преимущественно графического исследования почерка исполнителя текста. С 1940 гг. XX в. начинаются исследования письменной речи автора спорного текста. Первыми в этой области являются работы А.И. Винберга [Винберг, 1940], Г.Д. Марковой [Маркова, 1956], Б.М. Комаринца [Комаринец, 1957], заложившие основу анализа собственно лингвистических признаков авторства.

Выделение автороведческой экспертизы в самостоятельный вид криминалистических экспертиз происходит в 70-е гг. XX в [Саун, 2010]. К этому периоду относятся первые работы С.М. Вула, который, по мнению многих современных ученых и криминалистов, заложил основы судебной автороведческой экспертизы в современном ее виде. Разработанная им методика анализа [Вул, 2007] и классификация идентификационных признаков [Вул, 1973] используется в судебном автороведении по сей день, наряду с более новыми разработками, например, методикой экспертов МВД [Рубцова, Ермолова, Безрукова и др., 2007].

Помимо собственно-языковых методов установления авторства, в настоящее время активно развивается атрибуция текста, основанная на математических, статистических методах. В этой области выделяются, прежде всего, стилеметрические исследования В. Диттенбергера, [Dittenberger, 1881], Н.А Морозова [Морозов, 1915], А.А. Марков [Марков, 1915], Г.Я. Мартыненко [Мартыненко, 1988], [Мартыненко, 1999]. Разработке методики автороведческой экспертизы с использованием стилеметрического подхода посвящена диссертация Э.У. Бабаевой [Бабаева, 1970].

Наряду с атрибуцией и судебным автороведением изучением личности автора текста занимается такая лингвистическая дисциплина, как теория языковой личности и лингвоперсонология. Эта дисциплина оформилась на рубеже XX – XXI вв., её основоположником в отечественной лингвистике считается Ю. Н. Караулов, разработкам в этой области посвящены работы И.В. Башковой, Л.Н. Чурилиной, Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой, Л.Г. Ким, Г.В. Напреенко и др. Одной из ключевых задач этого направления является типологизация языковых личностей и определение типа конкретной языковой личности. Использованию лингвоперсонологического метода для установления авторства текстов посвящены работы Н.Д. Голева, [Голев, 2010], Л.Г. Ким [Ким, 2013], Г.В. Напреенко [Напреенко, 2015].

Изучение протокола допроса в аспекте установления авторства получило весьма слабое освещение. Одна из первых работ в этой области – статья С.М. Антоновой «Протокол как паспорт языкового сознания: опыт двух лингвистических экспертиз» [Антонова, 2010], в которой автор отмечает сложность проведения автороведческих экспертиз таких текстов и указывает в качестве основных методов исследования статистический (количественный) и качественный лингвистический анализ.

Описанию решения проблемы установления авторства на примере конкретных протоколов допросов посвящены статьи Т.А. Распоповой [Распопова, 2015], где тексты протоколов допроса выступают в качестве демонстрационного материала для методики автороведческой экспертизы, и Л.М. Месропян [Месропян, 2017], где отмечается ряд проблем, связанных с идентификационной автороведческой экспертизой текстов этого жанра, и описывается конкретный случай из экспертной практики.

Как видно из краткого обзора, описание жанра протокола допроса, предназначенное для определения методов его идентификационной экспертизы, в научной и методической литературе отсутствует. Вместе с тем, жанровая и стилевая специфика текстов официально-делового стиля учитывается рядом экспертов при определении авторства. Тем не менее, подробной разработки вопроса об анализе жанра в автороведческой экспертизе официально-деловых текстов в научной литературе не представлено.

Объектом исследования является речевой жанр протокола допроса.

Предмет исследования – жанровые черты текстов протокола допроса как основа для создания методики автороведческого анализа

Цель работы – описание речевого жанра протокола допроса с позиции идентификационной автороведческой экспертизы, разработка методики автороведческого анализа текстов этого жанра.

Достижение этой цели требует решения следующих **задач**:

1. Анализ существующих подходов к определению речевого жанра.
2. Определение места протокола допроса в системе речевых жанров официально-делового стиля.
3. Характеристика методов и задач идентификационной автороведческой экспертизы.
4. Анализ проблем и методов автороведческого исследования текстов протокола допроса.
5. Разработка и описание модели речевого жанра протокола допроса, ориентированной на автороведческий анализ.

6. Определение возможностей проявления речи автора в текстах протоколов допроса.
7. Разработка классификации идентификационных признаков протокола допроса.
8. Разработка и описание методики автороведческого анализа текстов протокола допроса.
9. Демонстрация эффективности разработанной методики на материале анализа текстов протоколов допросов свидетелей по разным делам.

Материалами исследования послужили 152 протокола допроса свидетелей, подозреваемых и обвиняемых по разным делам, начиная с 50-х гг. XX в. и заканчивая 2019 г. Объем протоколов варьировался от 160 до 5000 словоупотреблений.

Часть протоколов представляют собой исторические документы. Это, прежде всего, протоколы допросов свидетелей по делу Берии (1953 – 1956 гг.) и делу о гибели экспедиции Дятлова (1959 г.).

Использование текстов протоколов допросов по делу о гибели экспедиции Дятлова в качестве материалов для исследования обусловлено рядом причин. Во-первых, эти протоколы представляют собой исторические документы по неполитическому делу, соответственно, достоверность авторства протоколов сомнению не подлежит. Во-вторых, протоколы выполнены разными составителями, причем каждым из них составлено несколько документов, что позволяет проследить воспроизводимость не только жанровых, но и авторских черт в текстах. В-третьих, среди протоколов по данному делу есть такие, которые содержат показания одного допрашиваемого (информанта), зафиксированные разными составителями, что позволяет проследить воспроизводимость черт речи информанта и степень их проявления в текстах разных составителей. Наконец, эти тексты находятся в свободном доступе в сети Интернет, что облегчает их использование. Ссылка на сайт с протоколами допросов по делу о гибели экспедиции Дятлова: <https://sites.google.com/site/hibinaud/home>.

Протоколы допросов по делу Л.П. Берия также представляют собой исторические документы. Тексты протоколов, наряду с другими документами по этому делу, были опубликованы в 2012 г. в сборнике «Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит» [Дело Берия, 2012] и находятся в свободном доступе, что также облегчает их использование в качестве материалов. Среди всех протоколов нами были отобраны только те, которые выполнены в монологической форме, поскольку именно такие тексты чаще всего становятся объектами автороведческой экспертизы. Протоколы допроса по делу Берии позволяют составить представление о жанровых чертах протокола допроса, кроме

того, они содержат несколько протоколов, выполненных одним составителем, что позволяет проследить воспроизводимость черт его письменной речи.

Помимо исторических документов, в качестве материалов использовались протоколы уголовных дел начала XXI в. Прежде всего, это дело против неонацистской группировки «Linkoln-88», которое завершилось в 2011 г. обвинительным приговором. На момент проведения исследования протоколы также находились в открытом доступе. Эти тексты позволяют подробно исследовать характеристики протокола допроса подозреваемого и обвиняемого на современном этапе развития этого жанра, кроме того, выполненные преимущественно одним составителем, они позволяют определить воспроизводимость авторской речи и характерные для конкретного составителя способы передачи речи информанта.

Еще одну группу современных протоколов допросов составляют документы по делу о ДТП в Москве на Лиговском проспекте в 2010 г. Эти документы также отражают актуальное состояние жанра протокола допроса и позволяют проследить ключевые жанровые черты. Тексты находятся в свободном доступе в сети Интернет на сайте «Эхо Москвы»: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/708901-echo/>.

Помимо материалов, доступных в сети Интернет, в основу исследования положены документы из личной экспертной практики автора и его коллег. Сюда относятся, прежде всего, группа протоколов допросов по делу о распространении сильнодействующих ненаркотических веществ (ст. 234 УК РФ) 2014 г. и протоколов допросов по делу о взятке 2019 г., а также 50 протоколов допросов по разным делам 2010 – 2019 гг.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных исследователей в следующих областях:

- теория речевых жанров (М.М. Бахтин, В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, К.А. Долинин, Т.В. Шмелева, А. Вежбицкая);

- прагматика (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева), в том числе коммуникативные максимы (Г.П. Грайс, St. Levinson), теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, А. Вежбицкая);

- теория языковой личности (Ю.Н. Караулов), лингвоперсонология (Н.Д. Голев, Л.Г. Ким, Г.В. Напреенко);

- судебное автороведение (Э.У. Бабаева, Г. Д. Маркова, С.М. Вул, А.А. Леонтьев, Е.И. Галяшина, А.Н. Баранов, А.М. Плотникова, И.В. Огорелков);

- судебная лингвистическая экспертиза текста, юрислингвистика (Баранов А.Н., Голев Н.Д., Бринев К.И., Плотникова А.М., Бутакова Л.О., Галяшина Е.И., Чернышова Т.В.)

- исследование официально-деловых текстов и документная лингвистика (С.П. Кушнерук, С.Л. Ария, М.В. Косова, О.Н.Краснова, О.Н. Кушнир, А.М. Плотникова, И.В. Палашевская, Т.В. Дубровская);

- криминалистика и судебная экспертиза (Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Е.Р. Россинская);

- стилистика (Н.С. Валгина, В.В. Виноградов, А.Н. Гвоздев, Т.Г. Винокур, В.В. Одинцов);

- теория языка (К. Бюлер, Р.А. Будагов);

- семантика (Б.Л. Уорф, И.М. Кобозева, М.А. Кронгауз, А. Вежбицкая, Л.А. Новиков, Н.Д. Арутюнова, Д.Н. Шмелев, А.В. Федоров).

Методы исследования включают как общенаучные, так и собственно лингвистические.

К общенаучным методам, которые применялись в настоящем исследовании, относятся индукция, дедукция, анализ, синтез, систематизация и классификация.

Из лингвистических методов использовались:

– сопоставительный метод для выявления особенностей жанра протокола допроса по сравнению с жанром допроса,

– метод лингвистического описания для поуровневой характеристики жанровых особенностей протокола допроса,

– метод дискурс-анализа для определения особенностей функционирования протокола допроса как жанра судебно-следственного дискурса,

– лингвоперсонологический метод для описания языковой личности информанта и составителя протокола,

– метод лингвистического моделирования для создания модели речевого жанра.

Научная новизна исследования определяется несколькими факторами.

1. Впервые теоретически обоснован и применен жанровый подход для решения задач установления авторства текстов протокола допроса.

2. Обнаружены и описаны уникальные для текстов протокола допроса языковые черты разных уровней.

4. Разработана классификация идентификационных признаков текстов жанра протокола допроса, которая может быть использована при решении автороведческих задач.

5. Создана методика решения задач идентификационной автороведческой экспертизы, продемонстрировано применение этой методики на материале анализа нескольких протоколов.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие ряда научных направлений.

Результаты исследования обогащают методологическую базу автороведческой экспертизы текстов с соавторством, текстов, записанных с чужих слов, а также низкоинформативных текстов малого объема.

Разработка модели жанра протокола допроса вносит вклад в исследования теории речевых жанров, предлагая дополнительный аспект применения этой области лингвистики, новый взгляд на задачи построения модели жанра.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования разработанной методики анализа при производстве автороведческой экспертизы протоколов допроса, а также в рамках учебных курсов по лингвистической и автороведческой экспертизе для студентов высших учебных заведений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Речевой жанр протокола допроса описывается трехчастной моделью, включающей взаимодействие автора и адресата в двойственной коммуникативной ситуации, структуру жанра и его языковую организацию. Комплексный анализ этих компонентов позволяет обозначить границы авторской речи, отделив ее от жанрового шаблона, и выделить идентификационные признаки, релевантные для этого жанра.

2. Авторская речь в протоколе допроса представляет собой набор языковых черт, характеризующих языковую личность составителя и информанта. Она имеет следующие особенности:

- Проявляется на всех языковых уровнях как конкретная реализация жанровых черт или отступления от жанрового канона;

- Характеризуется неоднородностью – смешением признаков речи информанта и составителя, – что проявляется эксплицитно (несоответствием языковых явлений внутри одного языкового уровня и между уровнями) и имплицитно (наличием дополнительных коммуникативных целей и нарушение коммуникативных максим).

3. При проведении идентификационной автороведческой экспертизы текстов протокола допроса решаются два типа задач 1) определение принадлежности нескольких текстов одному лицу и 2) верификация авторства. В обоих случаях анализ направлен, в первую очередь, на характеристику языковой личности составителя. Языковая личность информанта непоследовательно проявляется в тексте протокола, поэтому может быть

предметом автороведческого анализа только в случае собственноручного заполнения протокола последним.

4. Методика установления авторства протокола допроса имеет комплексный характер, поскольку базируется на совмещении методов идентификационной (анализ идентификационных признаков и признаков переработки другого текста) и диагностической (анализ уровня языковой компетенции и признаков неоднородности авторской речи) автороведческой экспертизы.

Достоверность исследования подтверждается опорой на теоретические исследования в релевантных областях лингвистики, обширной выборкой материала, а также применением комплексного подхода к исследованию.

Апробация результатов исследования. Основные положения и промежуточные результаты работы были изложены в докладах на всероссийских и международных конференциях:

- III Международная научно-практическая конференция «Язык. Право. Общество». г. Пенза, 13-14 мая 2015 г.
- VI Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и право: Актуальные проблемы взаимодействия». г. Ростов-на-Дону, 16 ноября 2016 г.
- Международная научно-практическая конференция «Один пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия». г. Екатеринбург, 16-21 октября 2017 г.
- Международная конференцию «Ломоносовские чтения на Алтае». г. Барнаул, 14-17 ноября 2017.
- V Международная научно-практическая конференция «Язык. Право. Общество». Г. Пенза, 22-25 мая 2018 г.
- Международная научная конференция «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация». г. Екатеринбург, 10-14 октября 2018 г.
- Международная молодежная научная конференция «День науки-2019». г. Барнаул, 20 апреля 2019 г.
- Международная научная конференция «Теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы». г. Москва, 1-2 октября 2019 г.
- XV Международная научная конференция «Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития». г. Екатеринбург, 27-28 ноября 2019 г.
- Международная научная конференция «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот». г. Екатеринбург, 29-30 ноября 2019 г.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 10 публикациях, в том числе 4 в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, 2 в научных журналах, входящих в базу Web of Science.

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. Абрамкина Е.Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томского государственного университета, № 415. – Томск, 2017. – С. 158 – 163. (WoS)

2. Абрамкина Е.Е. Модель аргументации как элемент авторской картины мира в автороведческой экспертизе процессуальных документов // Политическая лингвистика, № 5 (65), 2017. – С. 234 – 240.

3. Абрамкина Е.Е. Модели аргументации в автороведческой экспертизе процессуальных документов. // Вестник Томского государственного университета, № 425. – Томск, 2017. – С. 5 – 11. (WoS)

4. Абрамкина Е.Е. Идентификационные признаки протокола допроса и методика автороведческого анализа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 17, №3. - Новосибирск, 2019 г. – С. 97 – 108.

Статьи в научных изданиях, входящих в базу РИНЦ:

1. Абрамкина Е.Е. Аргументация в помощь атрибуции. // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы VI-й Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 6. - Ростов н/Д, 2016. – С. 7 – 12.

2. Черкашина Е.Ф., Абрамкина Е.Е. Модели отрицания как способ определения авторства текста. // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы VI-й Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 6. - Ростов н/Д, 2016. – С. 180 – 183.

3. Абрамкина Е.Е. Автороведческая экспертиза процессуальных документов на основе логико-прагматического анализа. // Избранные труды международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования», Барнаул, 14-17 ноября, 2017. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. – Часть 2. – С. 142 – 144.

4. Абрамкина Е.Е. Особенности автороведческой экспертизы вторичных жанров процессуальных документов // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество». – Пенза. 2018. – С. 3-6.

5. Абрамкина Е.Е. Автороведческая экспертиза заключения эксперта-лингвиста: проблемы и особенности анализа // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация: материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 10-14 октября 2018 г.). – Екатеринбург, 2018. С. 7-9.

6. Абрамкина Е.Е. Протокол допроса как объект автороведческой идентификационной экспертизы: задачи, проблемы, методика анализа // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. - С. 492 – 506.

Структура работы

Настоящее диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Глава 1 посвящена теоретическому освещению актуальных подходов к определению речевого жанра, модели речевого жанра; в этой же главе дается характеристика автороведческой экспертизы как направления прикладных лингвистических исследований, анализируются задачи и существующие методы установления авторства. Объединяющим компонентом этой главы является рассмотрение речевого жанра протокола допроса в аспекте идентификационной автороведческой экспертизы и построение модели речевого жанра протокола допроса, ориентированной на установление авторства текстов этого жанра.

Глава 2 содержит подробный анализ предлагаемой модели, детальное описание языковых черт жанра протокола допроса и признаков авторской речи.

Глава 3 посвящена описанию методики решения основных для данного жанра автороведческих задач. Представлена классификация идентификационных признаков протокола допроса, разработан алгоритм решения задач определения принадлежности нескольких текстов одному лицу и верификации авторства, продемонстрировано применение предлагаемой методики на материале анализа нескольких текстов протоколов допросов.

В заключении делаются выводы, подводится общий итог проведенного исследования, освещаются основные перспективы разработки темы.

В приложении представлены образцы текстов протоколов допросов, таблицы, отражающие результаты разных этапов автороведческого анализа текстов протоколов допросов.

Список литературы содержит 205 наименований.

ГЛАВА 1. РЕЧЕВОЙ ЖАНР ПРОТОКОЛА ДОПРОСА И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРСТВА

1.1. Понятие речевого жанра в современной лингвистике

1.1.1. Представление о природе и структуре речевого жанра в современной лингвистике

Понятие речевого жанра сегодня прочно закрепилось в разных областях не только лингвистики, но и других гуманитарных наук и используется для характеристики собственно текста, коммуникации в целом и т.п. Не остается без внимания речевой жанр и в вопросах, касающихся определения авторства текста, выступая как опора для выделения идентификационных признаков [Ким, 2013], однако этот аспект применения теории речевых жанров мало представлен в исследовательской литературе и требует более подробного изучения.

Сегодня речевой жанр определяется и исследуется под разными углами зрения, но центральным компонентом жанра считается его ориентация на человеческую коммуникацию. Основы такого понимания были заложены М.М. Бахтиным, который рассматривал речевые жанры как «относительно устойчивые типы высказываний», характерные для определенной сферы общения, в которые «отливается» наша речь в определенных коммуникативных ситуациях [Бахтин, 1979]. Сфера общения, для которой характерны эти типы высказываний, соотносится с понятием стиля, а коммуникативные ситуации, в которых функционируют те или иные «типы высказываний», - с понятием речевого жанра. Жанр рассматривается в современной науке как единица меньшая по объему и больше связанная с конкретными типами коммуникативных ситуаций, тогда как стиль — более абстрактное понятие, определяемое сферой общения и включающее разные жанры.

Коммуникативная направленность, существование в рамках коммуникации и следование участников коммуникативным целям принимается как жанрообразующий компонент многими современными исследователями. Рассматривая речевой жанр в контексте коммуникации, К.А. Долинин характеризует его как определенную ментальную схему, формирующую не только сценарий речевых действий автора, но и определенные сценарные ожидания адресата общения [Долинин, 1999]. Жанры «присутствуют в сознании языковой личности в виде готовых сценариев, фреймов, влияющих на процесс

разворачивания мысли в слово», - писал К.Ф. Седов, характеризуя речевые жары [Седов, 2002, с. 40]. И эти схемы, фреймы, сценарии формируют «жанровое ожидание» слушающего [Седов, 2002, с. 42], т.е. его нацеленность в коммуникативной ситуации конкретного типа на восприятие определенной схемы коммуникации. Соблюдение этой схемы автором является неотъемлемой составляющей успеха коммуникации, игнорирование жанровых ожиданий может вести к коммуникативной неудаче, возникновению конфликтной ситуации.

Зависимость речевого жанра от коммуникативной ситуации была использована А. Вежбицкой при описании жанра в терминах теории семантических примитивов. При таком подходе речевой жанр рассматривается как определенный набор интенций говорящего, уникальный для каждого жанра [Вежбицкая, 1997]. Например, речевой жанр вопроса приобретает следующий вид:

«ВОПРОС

хочу, чтобы ты представил себе, что я не знаю того, что знаешь ты, и что ты хочешь мне это сказать

говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне это сказал» [Вежбицкая, 1997, с. 104].

Таким образом, речевой жанр понимается исследователями как обусловленная сферой и ситуацией общения условная схема построения речевого произведения, существующая как в сознании говорящего, так и в сознании воспринимающего.

Однако вопрос о формальных характеристиках и структуре речевого жанра решается исследователями не столь единогласно, что связано, в том числе, с неоднозначностью определения этих факторов М.М. Бахтиным, заложившим основы изучения речевого жанра. В частности, М.М. Бахтин, с одной стороны, относил к речевым жанрам «короткие реплики бытового диалога..., и бытовой рассказ..., и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализованный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов... и разнообразный мир публицистических выступлений <...> и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [Бахтин, 1979, с. 238], с другой, - определял речевые жанры как типы высказываний. Последнее дало основание ряду ученых (А. Вежбицкая, В.В. Дементьев, Т.В. Шмелева) отождествлять речевой жанр с речевым актом.

Понятие «речевой акт» было введено Дж. Остином в середине XX века. Речевой акт рассматривается как минимальная единица коммуникации, действие посредством произнесения тех или иных высказываний [Остин, 1986]. Он выделяет в структуре речевого акта такие компоненты, как локуция, иллюкуция и перлокуция [Остин, 1986].

Под локуцией — или локутивным актом — Дж. Остин понимал сам акт говорения, произнесения предложения с определенным смыслом и референцией, под иллокуцией — произнесение высказывания, обладающего конвенциональной силой (приказ, просьба, предупреждение, вопрос и т. п.), под перлокуцией — достижение конкретной цели посредством произнесения высказывания [Остин, 1986].

Как отмечала А. Вежицкая, и речевой акт, и речевой жанр равны «интегрированному пучку ментальных актов» [Вежицкая, 1997], они определяются направленностью на коммуникативную цель и на коммуникацию в целом. Т.В. Шмелева отмечает, что у этих понятий общий объект, разница заключается лишь в разном направлении внимания теории речевых актов и теории речевых жанров — первая направлена на действие, а вторая — на текст как результат этого действия [Шмелева, 1990].

Такое отождествление, как считает С. Дённингхауз [Дённингхауз, 2002], не лишено смысла, поскольку между простыми речевыми жанрами, которые, по мнению Бахтина, равны предложению, и речевыми актами много общего: функциональный аспект простого жанра и речевого акта, их целенаправленность и интенциональность. Однако, когда речь заходит о более сложных жанрах, равных скорее тексту, отождествление уже не кажется столь очевидным. А. Вежицкая вписывает сложные жанры в свою концепцию трехступенчатой структуры: иллокутивный акт (одиночный мотив, интенция говорящего) – речевой акт и равный ему простой речевой жанр (последовательность интенций говорящего, подчиненных достижению одной коммуникативной цели) – сложный речевой жанр, или собственно речевой жанр (последовательность речевых актов, подчиненных достижению одной коммуникативной цели). Вероятно, такое разделение восходит к выделению в структуре речевого акта локуции, иллокуции и перлокуции [Остин, 1986], однако классификация А. Вежицкой строится на других основаниях, хотя терминология частично пересекается. Такой взгляд на понятие речевого жанра нередко приводит к терминологической путанице, смещению границ понятий.

По мнению исследователей, разделяющих речевой жанр и речевой акт, у этих понятий не только разный объем, но и разные основания выделения. Если речевой акт связан с действием и рассматривается как речевое действие, речевой жанр связан с ситуацией в целом, в понятии «речевой жанр» акцент переносится с собственно акта на его структуру, композицию и сферу общения [Долинин, 1999]. Кроме того, речевой жанр рассматривается и М.М. Бахтиным, и другими исследователями не только с позиций коммуникации и выражения интенции, но и с позиций стилистики [Кожина, 1999], тогда как в теории речевых актов делается акцент на коммуникативный и грамматический

аспект. Таким образом, согласно этому подходу, речевой акт и речевой жанр – это разные грани описания текста, разные подходы к моделированию человеческого общения.

Своего рода компромиссную точку зрения предложил А.Г. Баранов, выделяя 4 вида речевых жанров, так или иначе отраженных в концепции М.М. Бахтина:

- «1) первичные (простые) речевые жанры близки речевым актам;
- 2) первичные (сложные) речевые жанры равны диалогическому тексту;
- 3) вторичные (простые) речевые жанры – функционально-смысловые элементарные тексты – описание, повествование и др.;
- 4) вторичные (сложные) речевые жанры – тексты, включающие низшие речевые жанры в трансформированном виде» [Баранов, 1997, с. 7].

Таким образом, А.Г. Баранов, во-первых, расширяет понимание высказывания, выводя его за рамки принятого сегодня в лингвистике понимания высказывания как «актуализированного предложения» [Падучева, 1984, с. 29], во-вторых, разрабатывает бахтинское представление о первичных и вторичных жанрах, отмечая, что простыми и сложными могут быть как те, так и другие. При этом для А.Г. Баранова важно понимание того, что жанр ограничен конкретной сферой предметной деятельности. Более подробно концепция первичных и вторичных жанров А.Г. Баранова будет рассмотрена в параграфе 1.1.2.

Похожего взгляда придерживается К.Ф. Седов, выделяя три ступени текстовой деятельности: субжанр, жанр и гипержанр [Седов, 2004]. Субжанр характеризуется ученым как минимальная, одноактная жанровая единица, равная речевому акту. Субжанры по отношению к жанру могут быть ядерными, определяющими основные тактики жанра, его «портрет», и факультативными, не играющими принципиальной роли для выделения жанра в ряду других, зависящими, главным образом, от автора и ситуации общения. Гипержанры рассматриваются как речевые формы, «которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров» [Седов, 2004, с. 70]. Собственно, жанр занимает промежуточное положение, характеризуясь, с одной стороны, более сложной, чем у субжанра, структурой, наличием в своем составе нескольких субжанров, с другой, обслуживанием одного типа коммуникативной ситуации.

Как видно из краткого обзора, речевой жанр сегодня трактуется как некая схема или фрейм, существующий в рамках человеческой коммуникации в определенной сфере общения, неоднородный по своей природе, имеющий разные уровни организации – от простого высказывания до целого текста.

В настоящем диссертационном исследовании мы будем исходить из представления о неравнозначности речевого жанра и речевого акта и рассматривать речевой жанр протокола допроса как «ментальную схему», существующую в ситуации официального общения и обладающую сложной структурой (вторичный сложный речевой жанр по А.Г. Баранову, собственно жанр по К.Ф. Седову).

1.1.2. Первичные и вторичные речевые жанры

Идея разделения речевых жанров на первичные и вторичные впервые также встречается в работах М.М. Бахтина, который рассматривал первичные жанры как простые, а вторичные как сложные [Бахтин, 1996, с. 159], отмечая, что вторичные формируются в условиях более сложной коммуникации и вбирают в себя первичные жанры (жанры непосредственного бытового общения), перерабатывая их. М.М. Бахтин выдвигает два критерия разделения жанров на первичные и вторичные: производность одного жанра от другого и сложность вторичного жанра по сравнению с первичным, включенность первичных жанров во вторичные. К первичным М.М. Бахтин, таким образом, относит преимущественно жанры бытового общения, ко вторичным – основанные на них жанры более сложной и стандартизированной коммуникации – деловой, научной, художественной.

В современной науке представление о первичных и вторичных жанрах значительно расширилось, однако единого мнения о ключевых параметрах их разграничения до сих пор нет. Можно выделить несколько точек зрения, по-разному отражающих взаимодействие жанров, процессы их заимствования и перехода из одной сферы в другую.

Первый подход основан на онтологическом критерии, на фактической производности вторичного жанра от первичного. Этот подход напрямую продолжает идею Бахтина и рассматривает вторичные жанры как жанры более сложной коммуникативной ситуации, имеющие в своей основе жанры разговорной речи. При таком подходе основное различие между жанрами будет заключаться в сфере функционирования или стилевой принадлежности. Рассматривая в рамках этого подхода первичные и вторичные жанры обвинения и осуждения, Н.В. Орлова отмечала, что вторичные речевые жанры сохраняют «иллокутивную структуру и особенности диктума» первичных жанров [Орлова, 1999], однако степень эксплицированности интенции, соотношение когнитивного и прагматического, стилистическая окраска лексики меняются. То есть, вторичные жанры, которые функционируют в другой сфере общения, сохраняют событийное содержание и целевую установку первичного жанра, однако

переход в сферу более стандартизированной и сложной коммуникации накладывает отпечаток на языковые средства и прагматику текста.

Второй подход связан с разной сложностью композиционных характеристик текстов. В рамках этого подхода вторичный речевой жанр рассматривается как сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов. Здесь основное различие между первичными и вторичными речевыми жанрами уже не в онтологической производности, а в структурной сложности вторичного жанра и включении в него как структурной единицы первичного жанра. Данный взгляд исходит из отождествления речевого жанра и речевого акта, где речевой акт рассматривается как первичный жанр, а сложное (как правило диалогическое) образование, состоящее из нескольких речевых актов, как вторичный речевой жанр. В рамках этого подхода М.Ю. Федосюк предлагает деление речевых жанров на элементарные и комплексные, относя к первым типы текстов, в составе которых нет компонентов, обладающих завершенностью, свойственной самостоятельным текстам, а ко вторым – тексты, включающие в свой состав относительно завершенные компоненты, самостоятельные тексты определенного жанра [Федосюк, 1997, с. 104]. То есть, комплексные жанры, по его мнению, состоят из единиц того же уровня (других жанров).

Оба эти подхода так или иначе исходят из производности вторичного жанра по отношению к первичному. В первом случае эта производность достигается непосредственным изменением одного первичного жанра за счет смены формы речи, сферы функционирования и т.п., во втором речь идет о сложении нескольких первичных жанров для создания вторичного.

Третий подход, основан уже не на идее производности, а на идее различия жанров как разных ступеней формирования текста, разных уровней абстракции текстовой деятельности. В.В. Дементьев называет классификации жанров в рамках этого подхода «вертикальными моделями» [Дементьев, 1999]. Эти уровни, трансформируясь, включаются один в другой и формируют основу для порождения и восприятия коммуникативной ситуации. Этот подход представляет А.Г. Баранов, выделивший 4 типа жанров (первичные простые, первичные сложные, вторичные простые, вторичные сложные) и 5 «ступеней» текстовой деятельности: «текстотип», «суб-тип», «жанр», «когнио-тип», «текст» [Баранов, 1997]. Свою концепцию А.Г. Баранов строит, исходя из представления о языке как о системе «ресурсов для выражения смыслов в текстовой деятельности, управляемой конвенциональными правилами и стратегиями» [Баранов, 1997], в противоположность структурной лингвистике, рассматривающей язык как систему единиц и правил их использования для порождения текста. Человеческая

текстовая деятельность представляется как целенаправленное поведение, в основе которого лежат стратегии, конвенции и правила. Наиболее абстрактной единицей текстовой деятельности А.Г. Баранов считает когнитотип – «это фрейм, отражающий инвариантные ментально-лингвистические характеристики массива текстов определенной предметной области», «ментально-лингвистическая заготовка текстовой деятельности» [Баранов, 1997]. Когнитотип в конкретной коммуникативной ситуации преобразуется субъектом текстовой деятельности (на основе конвенций и правил) либо сразу в готовый самостоятельный текст (первичный текст), либо в часть более сложной текстовой структуры (вторичный текст). К этому же подходу можно отнести концепцию А. Вежбицкой, выделяющей иллокутивный акт, речевой акт и жанр [Вежбицкая, 1997].

В рамках данного подхода интерес вызывает также рассмотрение понятия «вторичный текст», которое предлагает С.В. Ионова [Ионова, 2006]. Она определяет вторичный текст как «производные речевые произведения, представляющие собой результат вторичной текстовой деятельности разных типов, ... вторичные тексты являются способом интерпретации информации и ее адаптации к новым условиям коммуникации» [Ионова, 2006, с. 69]. Одной из ключевых особенностей вторичного текста, по ее мнению, является его двойная направленность – на первичный текст, на базе которого он образован, и на чужую речь. С.В. Ионова предлагает две модели образования вторичного текста.

Первая модель подобна построению первичного текста как ментальной проекции ситуации действительности, только основой для создания текста становится уже не сама ситуация, а ее ментальная проекция в первичном тексте. Данная модель включает этапы концептуализации информации и определения способа вербализации данной информации, вторичный текст также образуется путем выделения ключевой информации первичного текста и ее разворачивания с помощью привычных для автора языковых средств [Ионова, 2006, с. 72].

Вторая модель представляет собой переосмысление и переработку первичного текста. Здесь вторичный текст строится на основе трансформации поверхностной структуры первичного текста. В качестве примеров вторичных текстов, образованных по данной модели, С.В. Ионова приводит подражание и переложение. Для данных типов вторичных текстов, как отмечает исследователь, «характерно использование готового речевого образца и актуализация формы этого произведения: его синтаксической структуры, стилистических особенностей и отдельных значимых лексем» [Ионова, 2006, с. 74].

Таким образом, все подходы к определению первичности-вторичности речевых жанров предполагают производность вторичных текстов от первичных, но если первые два подхода делают акцент на непосредственной онтологической производности, то третий подход обращается к понятию абстракции текстовой деятельности и рассматривает вторичность как результат переосмысления первичного жанра на другом уровне абстракции.

Анализируя рассмотренные выше подходы, В.В. Дементьев отмечает, что они соответствуют типам косвенности, а само разделение первичных и вторичных жанров – противопоставлению жанров прямой и непрямой коммуникации [Дементьев, 1999]. Первый подход в терминах Дементьева представляет различие первичного и конечного значения жанра. В качестве примера он приводит косвенную просьбу или метафору. Второй подход – отношение части и целого, где первичный жанр может выступать и как самостоятельное целое, и как часть другого, более сложного целого.

В научной литературе анализ протокола допроса с позиции первичности-вторичности представлен в работе Н.М. Татарниковой [Татарникова, 2004], которая относит его ко вторичным жанрам и определяет отношение между первичным жанром допроса и вторичным протоколом допроса с позиции онтологической производности, отмечая, однако, их тесную связь и взаимное влияние. Также Н.М. Татарникова рассматривает протокол допроса и в рамках второго подхода - как комплексный речевой жанр, состоящий из более простых: разъяснения (вступительная часть протокола допроса), обсуждение (заключительная часть) и собственно допрос [Татарникова, 2004, с. 74-75].

На наш взгляд, протокол допроса, безусловно, является вторичным жанром, однако характер его отношений с первичным жанром допроса сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Подробное рассмотрение протокола допроса как вторичного речевого жанра представлено в параграфе 1.3.4.

1.2. Автороведческая экспертиза и проблемы исследования текстов официально-делового стиля

1.2.1. Предмет и задачи судебной автороведческой экспертизы

Автороведческая экспертиза представляет собой один из видов прикладных лингвистических исследований с целью установления «фактических данных об авторе письма» [Вул, 1978, с. 104] в рамках судебного процесса или вне его.

В качестве объекта автороведческой экспертизы выступает текст, отражающий письменную речь автора или составителя. Объектами автороведческого исследования могут быть письменные тексты разных функциональных стилей, обладающие достаточным объемом и информативностью.

Предметом автороведческой экспертизы являются данные о навыках письменной речи автора. Эти навыки складываются в процессе обучения и использования письменной коммуникации и отражают особенности усвоения и использования автором языковых, речевых и мыслительных норм того языка, носителем которого он является [Рубцова, Ермолова, Безрукова и др., 2007, с. 6]. Так, с языковой нормой связано представление о грамотности речи автора, владении правилами фонетики, орфографии и пунктуации, морфемики и словообразования, лексики и синтаксиса. Нормы речи отражают владение тем или иным функциональным стилем, особенности, связанные с употреблением стилей в разных коммуникативных ситуациях. Нормы мышления исследуются в тех случаях, когда можно говорить об индивидуальных особенностях логического построения текста, способов аргументации, эмоциональной насыщенности речи. Показательным с точки зрения информации об авторе могут быть как соблюдение тех или иных норм, так и устойчивые отклонения от них — индивидуальным является навык владения перечисленными нормами.

Теоретическими основаниями автороведческой экспертизы являются представления о том, что в процессе обучения языковым нормам и становления личности каждый человек формирует уникальный набор речемышлительных навыков (языковых привычек, по словам Э. Сепира), обладающих относительной устойчивостью и слабо контролируемых автором. Эти навыки, включающие как элементы языковой нормы, так и устойчивые отклонения от нее, отражают ключевые характеристики конкретной языковой личности и могут служить как для идентификации автора, так и для определения речевого портрета автора анонимного текста.

К основным методам анализа в судебной автороведческой экспертизе можно отнести следующие:

1. Тематический анализ, который используется для определения тематической направленности исследуемых текстов;
2. Лексико-семантический анализ, необходимый для выявления лексико-семантических особенностей в текстах каждого автора;
3. Синтаксический анализ, с помощью которого устанавливаются индивидуальные признаки на синтаксическом уровне, а также определяются индивидуальные синтаксические ошибки.

4. Стилистический анализ, который применяется для определения соответствия текста заданному стилю, а также для установления индивидуальных стилистических особенностей речи автора.

5. Логико-структурный анализ текста используется для определения последовательности разворачивания темы, особенностей аргументации в тексте.

6. Сравнительный анализ, применяемый для сопоставления навыков письменной речи, отразившихся в исследуемых текстах.

В качестве дополнительных могут использоваться методы контент-анализа, а также различные статистические методы, однако их применение лишь дополняет собственно лингвистический анализ и корректно при достаточно большом объеме текстов.

Выделяется два типа задач, которые решаются в рамках судебной автороведческой экспертизы:

1. Идентификационные задачи направлены на установление тождества или различия навыков письменной речи, отразившихся в текстах. Эти задачи связаны с ситуациями, в которых необходимо проверить, является ли автором представленных текстов один и тот же человек, написан ли весь текст одним человеком, а также, является ли автором и составителем текста одно и то же лицо [Распопова, 2015, с. 134]. Особенностью текстов, поступающих на идентификационную экспертизу, является то, что предполагаемый автор известен.

2. Диагностические задачи направлены на установление социально-биографических характеристик автора документа, а также условий создания документа [Огорелков, 2019б]. Они решаются в тех случаях, когда предполагаемый автор документа неизвестен, необходимо с помощью набора его речемыслительных навыков определить реальные особенности личности. Кроме того, в рамках диагностической автороведческой экспертизы решаются вопросы о маскировке навыков письменной речи, редактировании текста, его исполнении в необычно психофизиологических условиях и т. д.

Для решения задач идентификационной экспертизы в качестве материала на исследование предоставляется не только сам спорный текст, но и образцы письменной речи предполагаемого автора, то есть тексты, о которых достоверно известна их принадлежность конкретному лицу.

Выделяется несколько типов образцов: свободные, условно-свободные и экспериментальные. Свободные образцы письменной речи — это тексты предполагаемого автора, написанные независимо от дела, по которому назначена экспертиза, и до возбуждения этого дела. Они должны соответствовать спорному тексту по следующим параметрам [Рубцова, Ермолова, Безрукова и др...., 2007, с. 81 – 82]:

- язык (образец должен быть выполнен на том же языке, на котором выполнен спорный текст);
- функциональный стиль (нет смысла сравнивать навыки письменной речи, отразившиеся в тексте официально-делового и художественного стилей, поскольку разные стили имеют разный набор идентификационных признаков, кроме того, степень владения автором разными стилями может существенно различаться);
- время составления текста (навыки письменной речи изменчивы во времени, поскольку формируются в процессе обучения и использования языка, поэтому между созданием спорного текста и текста-образца не должно пройти много времени);
- тип адресата и характер речевого сообщения (степень знакомства автора с адресатом, статусно-ролевые отношения между ними, личный или публичный характер сообщения оказывают влияние на выбор речевых средств и стиль изложения);
- наличие или отсутствие обработки текста другим лицом (тексты, подвергшиеся редактуре или корректуре, написанные в соавторстве или под диктовку будут существенно отличаться как по степени, так и по характеру проявления навыков письменной речи от текстов, написанных собственноручно и единолично);
- психофизиологическое состояние автора (психологически и физиологически необычное состояние автора существенно отражается на выраженных в тексте навыках письменной речи, поэтому если спорный текст написан в необычном психофизиологическом состоянии, желательно предоставление образцов, написанных в таком же состоянии).

Другой тип образцов — условно-свободные. Они уже имеют отношение к делу, по которому проводится экспертиза, это могут быть различные жалобы, ходатайства, обращения и т. п. Последний тип - экспериментальные образцы. Это тексты, составленные предполагаемым автором специально для проведения экспертизы.

Автороведческая экспертиза обладает определенной спецификой, отличающей её от других видов речеведческих экспертиз. Формируясь параллельно с почерковедческой и имея сходные цели, она, однако, отличается от нее как методологической базой, так и самим предметом исследования. Как отмечает Т.А. Распопова, почерковедческая экспертиза анализирует графический облик текста, его внешнее исполнение, тогда как автороведческая обращена к лингвистическим особенностям личности автора [Распопова, 2015, с. 133].

От других видов речеведческих экспертиз автороведческая отличается спецификой задач и методами исследования. Автороведческая экспертиза связана с установлением комплекса языковых навыков автора, поэтому для решения каждого вида задач используется целый комплекс методов анализа разных языковых уровней. Кроме автороведческой только фоноскопическая экспертиза предполагает анализ текста на разных языковых уровнях, в лингвистической же экспертизе, как отмечал К.И. Бринеv, языковой уровень, который анализируется, зависит от решаемых задач: «Так, при исследовании текста на предмет наличия угрозы исследуется интенционально-жанровый срез речевого произведения, а при исследовании товарных знаков – эмический уровень системы номинаций товаров, услуг, названий фирм и т.п.» [Бринеv, 2009, с. 51].

1.2.2. Идентификационная автороведческая экспертиза

Вопросы идентификации авторства — самые распространенные в судебном автороведении. Они возникают в ситуациях, когда необходимо проверить принадлежность текста авторству конкретного лица, когда необходимо установить факт принадлежности нескольких текстов одному автору, и т.п. Выделяется несколько направлений идентификационной автороведческой экспертизы.

1) *Верификация автора* — это проверка того, написан ли текст предполагаемым лицом. Такая экспертиза представляет собой сравнение по образцу, когда эксперту предоставляются образцы письменной речи конкретного лица и ставится задача определить, принадлежит ли ему спорный текст. Для сравнения по образцу производится сперва отдельный анализ спорного текста и образцов, дается характеристика навыков письменной речи автора образцов и автора спорного текста, затем эти навыки сравниваются.

2) *Идентификация авторства* — это установление того, кому из множества предполагаемых авторов принадлежит спорный текст. В этом случае необходимо исследовать образцы речи каждого из множества авторов и сравнить навыки письменной речи каждого автора с навыками письменной речи автора спорного текста. Эта задача реже встречается в идентификационной автороведческой экспертизе и тесно соприкасается с диагностической экспертизой, различаясь, по сути, лишь одним — в рамках идентификационной экспертизы речь может идти только о замкнутом множестве эталонов, когда круг возможных авторов определен, и есть образцы их письменной речи; в рамках диагностической экспертизы исследование происходит на открытом множестве авторов и, соответственно, без каких-либо образцов речи. Результат также будет разным:

при идентификационной экспертизе происходит выбор конкретного автора из ряда предложенных или определение того, что текст не принадлежит ни одному из них; диагностическая экспертиза в качестве результата предоставит описание навыка письменной речи автора и впишет его в какую-либо социальную группу (например, автором может быть лицо мужского пола с высшим образованием, экономической сферой профессиональной деятельности, входящее в возрастную группу 25-50 лет).

3) Еще одна задача идентификационной автороведческой экспертизы, которая часто встречается при исследовании официально-деловых текстов, - *определение принадлежности нескольких текстов одному лицу*. Решение этой задачи существенно отличается от процедур верификации и идентификации, поскольку отсутствуют образцы письменной речи предполагаемого автора. Для каждого из спорных текстов определяется навыки письменной речи автора, которые затем сравниваются.

Помимо названных, А.Н. Баранов выделяет такую ситуацию идентификационной автороведческой экспертизы, как *«множественная неопределенность»* [Баранов, 2001, с. 44], – несколько спорных текстов нужно «распределить» по нескольким авторам, чьи образцы письменной речи представлены для исследования.

Таким образом, в отличие от экспертизы диагностической, нацеленной на характеристику социальных, биографических, психологических и других характеристик автора, которые могут устанавливаться комплексно в рамках одной экспертизы и необходимы для составления речевого портрета автора, идентификационная экспертиза имеет несколько разнонаправленных задач, которые чаще решаются независимо друг от друга.

1.2.3. Понятие идентификационного признака в судебной автороведческой экспертизе

Одним из ключевых понятий автороведческой экспертизы является понятие идентификационного признака. Этот термин заимствован автороведением из криминалистики и означает черту, характеризующую речь автора текста на том или ином уровне. Основными критериями идентификационного признака в криминалистике [Эксархопуло, 2002, с. 31] считаются:

- 1) оригинальность признака, то есть его способность наиболее полно и точно отражать свойства исследуемого объекта;
- 2) воспроизводимость признака, то есть его способность многократно проявляться в письменной речи автора;

3) относительная устойчивость признака к изменениям, то есть относительная неизменность признака в сходных условиях;

4) частота встречаемости признака у других объектов – чем реже встречается признак у однородных объектов, тем большее значение он имеет для идентификации;

5) степень зависимости признака от других – чем меньше изменения конкретного признака зависят от изменений других признаков, тем большую идентификационную значимость он имеет.

В автороведческой экспертизе последний критерий тяжелее всего соблюсти, так как признаки разных языковых уровней взаимосвязаны, их соотносимое проявление показывает уровень грамотности языковой личности, уровень культуры речи, нарушение соотносимости признаков одного или разных уровней чаще всего служит показателем того, что речь подверглась редактированию или намеренному изменению.

Идентификационные признаки разделяют на *общие*, характеризующие уровень владения речью в целом, и *частные*, характеризующие определенные аспекты владения речью. С.М. Вул выделяет три уровня владения тем или иным навыком письменной речи: высокий, средний и низкий. К общим признакам речевых навыков С.М. Вул относит степень развития навыков на пяти языковых уровнях: орфографическом, пунктуационном, лексико-фразеологическом, синтаксическом и стилистическом [Вул, 1969, с. 220]. В качестве частных признаков С.М. Вул рассматривает конкретные свойства и особенности структуры того или иного навыка, например, преимущественное использование конкретных языковых средств, устойчивые отклонения от речевой нормы, соотношения в использовании речевых средств.

Общие идентификационные признаки, таким образом, позволяют отнести автора к той или иной группе (социальной, гендерной, профессиональной и т.п.), частные же признаки позволяют выделить более индивидуальные черты речи автора, на основании которых можно отождествлять или устанавливать различие навыков письменной речи, отраженных в текстах.

Исследование идентификационных признаков в советской науке идет с 40-х гг. XX в., постепенно переходя от анализа сугубо графических к анализу собственно языковых признаков орфографического, пунктуационного, лексического, синтаксического и стилистического уровней (Г.Д. Маркова, С.М. Вул). Сегодня используется, в основном, две классификации идентификационных признаков.

Одна из наиболее крупных и глубоких классификаций предложена специалистами ЭКЦ МВД России И.И. Рубцовой, Е.И. Ермоловой, А.И. Безруковой, И.В. Огорелковым и М.П. Захаровым. Она основана на понятии речемыслительного навыка, содержание

которого составляют усвоенные человеком нормы речи, языка и мышления, а также сформировавшиеся у него устойчивые отклонения от этих норм. Все свойства речемыслительного навыка составляют основу для определения тождества или различия отразившихся в спорном тексте и текстах-образцах речемыслительных навыков. Авторы методики представляют три уровня проявления речемыслительного навыка:

1. Уровень набора норм, которыми человек владеет, т.е. та совокупность языковых, речевых и мыслительных норм из всего множества, которую он усвоил в процессе формирования личности. Так, один человек может владеть свободно нормами научного стиля, а другой — нормами официально-делового и ораторского.

2. Уровень набора свойств норм отражает избирательное использование человеком компонентов нормы. Так, один из владеющих ораторским стилем может в своей речи использовать единоначатие, вводные слова и перечисления, а другой - цепочки синонимов, уточнения и т.п.

3. Уровень набора языковых средств выражения свойств норм содержит конкретные слова и словосочетания, конкретные типы вводных конструкций и т.п. Так, один из ораторов может использовать преимущественно вводные слова «во-первых», «следовательно», «однако», а другой - «вероятно», «прежде всего», «наконец» и т.п. [Рубцова, Ермолова, Безрукова и др...., 2007, с. 11].

Для анализа текста по этим уровням авторы методики предлагают использовать следующие группы признаков [Рубцова, Ермолова, Безрукова и др...., 2007, с. 13]:

- смысловые (тематические), отражающие общую тематическую направленность текста (бытовая, военная, экстремистская);
- текстологические (логико-структурные), связанные со структурой и логикой построения текста;
- лексические, отражающие особенности лексико-семантического выражения мыслей автором;
- синтаксические, которые характеризуют особенности синтаксического оформления мыслей;
- стилистические, отражающие степень владения тем или иным стилем и средствами выразительности;
- орфографические, отражающие степень грамотности автора;
- пунктуационные, характеризующие также степень грамотности и уровень владения языком;
- психолингвистические, связанные с выражением субъективного начала в

тексте, его эмоциональной наполненностью.

Данная классификация позволяет учитывать значительное число навыков разного уровня, являясь своего рода обобщением накопленного в автороведении опыта.

Не обходит вниманием методика МВД также разделение на общие и частные признаки, однако сам принцип выделения отличается от описанного С.М. Вулом. По мнению авторов методики, общие признаки являются количественными показателями владения автором текста языковыми нормами того или иного уровня [Рубцова, Ермолова, Безрукова и др..., 2007, с. 23]. В след за С.М. Вулом, И.И. Рубцова с соавторами предлагают выделить три степени развития навыков письменной речи: высокую, среднюю и низкую, при этом, ссылаясь на расчеты А.Ю Комиссарова, они отмечают, что высокая степень развития навыка того или иного уровня характеризуется наличием не более 3 типов ошибок соответствующего уровня на 200 словоформ, средняя – от 4 до 6 ошибок, низкая – более 6 ошибок [Комиссаров, 2001]. Таким образом, общий признак навыка письменной речи позволяет оценить использование автором той или иной нормы по шкале «правильно-неправильно». Частные признаки отражают качественные характеристики навыков письменной речи автора, И.И. Рубцова с коллегами выделяет их более 200 на всех уровнях. Таким образом, еще одной особенностью данной классификации является разграничение общих и частных признаков по принципу «количество - качество».

Предложенная И.И. Рубцовой и соавторами классификация достаточно детальна и разностороння, чтобы максимально полно отражать навыки письменной речи автора, однако эта детальность и всеохватность имеет и другую сторону – экспертиза приобретает очень трудоемкий и сложный характер. Кроме того, классификация не обладает терминологической точностью наименования уровней, в результате чего может возникнуть путаница и некорректный вывод. Так, психолингвистика – это наука о порождении и восприятии речи, и сводить психолингвистический уровень к анализу проявления в речи эмоционального состояния человека некорректно, поскольку это лишь частный случай психолингвистического исследования текста. Тем более, что психолингвистические методы используются при решении диагностических задач для определения биографических и социальных характеристик автора. Уровень выражения эмоций более корректно назвать эмотивным, именно это название мы и будем использовать в дальнейшем. Аналогичное терминологическое несоответствие имеет место в названии текстологического уровня. Текстологический анализ – это восстановление судьбы литературного произведения, доказательство или опровержение его принадлежности приписываемому автору и т.п. В методике МВД на этом уровне

анализируется структура текста, его развертывание, логическое строение, поэтому этот уровень более корректно было бы назвать структурно-текстовым. Помимо указанных неточностей, данная классификация не учитывает прагматические характеристики текста.

Уточнение терминов и понятий, а также расширение уровней анализа позволяет нам составить следующий перечень уровней, необходимый для анализа текста с позиции идентификационного автороведения:

- структурно-тестовый уровень - признаки этого уровня характеризуют логику построения текста, его архитектонику, особенности композиции текста и т.п.;
- орфографический уровень – орфографические ошибки автора;
- пунктуационный уровень – особенности пунктуации и устойчивые пунктуационные ошибки;
- лексико-семантический уровень – характерные типы лексики, части речи, лексические средства связи и ошибки;
- синтаксический уровень – особенности построения словосочетаний, предложений, сложного синтаксического целого;
- стилистический уровень – черты стиля и связанные с ними жанровые особенности;
- эмотивный уровень – способы выражения эмоций в тексте;
- коммуникативно-прагматический уровень – следование принципу кооперации или отступления от него, нарушения коммуникативных максим (Г.П. Грайс), цели участников коммуникации и т.п.

Ещё одна классификация, которая часто используется при производстве автороведческих экспертиз, основана на работах Г.Д. Марковой и С.М. Вула. Об этой классификации пишет Е.И. Галяшина в работе «Основы судебного речеведения», выделяя пять уровней анализа текста: пунктуационный, орфографический, лексико-фразеологический, синтаксический и стилистический [Галяшина, 2003, с. 123]. Характеристика этих уровней, с незначительными изменениями (выделение грамматического уровня, объединение орфографического и пунктуационного в один) содержится в статье Т.А. Распоповой «Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования» [Распопова, 2015]. Анализ этих исследований позволяет выявить следующие идентификационные признаки каждого уровня:

1. Исследование текста с точки зрения пунктуации предполагает анализ особенностей употребления знаков препинания и выявление характерных для данного автора пунктуационных ошибок.

2. Анализ текста на орфографическом уровне учитывает типичные ошибки в написании слов.

3. На синтаксическом уровне анализируются следующие показатели: особенности построения предложений, предпочтение тех или иных языковых конструкций, употребление времен, предпочтительное употребление залога, порядок слов, характерные синтаксические ошибки.

4. Изучение лексико-фразеологического уровня текста связано с анализом таких показателей, как словарный запас автора, особенности использования слов и выражений, склонность к использованию редких, иностранных, диалектных, архаичных слов, профессионализмов, навыки употребления фразеологических единиц.

5. При стилистическом анализе текста учитывается его жанровая принадлежность и соответствие текста заявленному жанру, общая структура и композиция текста, а также стилистические фигуры и другие средства выразительности.

Данная методика позволяет достаточно быстро проводить идентификационную экспертизу текстов с хорошо выраженными признаками авторской речи, однако для текстов малоинформативных или с маскировкой/редактированием содержания, а также в других случаях, когда индивидуальные признаки письменной речи выражены слабо, требуется более глубокое исследование.

Таким образом, сегодня существует несколько подходов к выделению идентификационных признаков, однако они не универсальны. В частности, для жанров официально-делового стиля, с одной стороны, не все признаки релевантны, с другой, жанр и стиль могут требовать выделения других идентификационных признаков, которые не учитываются в рассмотренных классификациях.

1.2.4. Методика идентификационной автороведческой экспертизы

Идентификационная автороведческая экспертиза предполагает исследование спорного текста и образцов (если они есть) в несколько этапов:

1. Оценка пригодности текстов для проведения исследования.

Этот этап представляет собой анализ, главным образом, формальных показателей текстов: объема, жанра, стиля, качества копии и т.п. Согласно методике МВД, объем текста для исследования должен содержать не менее 100 – 150 слов, быть свободным высказыванием автора и обладать высокой информативностью, т.е. в нем должны хорошо проявляться индивидуальные признаки письменной речи автора [Рубцова, Ермолова, Безрукова и др..., 2007, с. 81]. К показателям низкой информативности относится, в числе

прочего, шаблонный характер, обилие клише и принадлежность к официально-деловому стилю.

Необходимый объем образцов письменной речи зависит от информативности и объема спорного текста. Для высокоинформативного текста, если образцы совпадают с ним по функциональному стилю и, желательно, жанру, объем образцов должен превышать объем спорного текста в 10-15 раз. Для низкоинформативных текстов этот показатель увеличивается еще в 2-5 раз [Рубцова, Ермолова, Безрукова и др...., 2007, с. 83]. Таким образом, спорный текст официально-делового стиля требует объем образцов письменной речи в 25-50 раз больше, чем объем самого спорного текста.

2. Раздельное исследование спорного текста и текстов-образцов.

На этапе раздельного анализа спорный текст и образцы письменной речи независимо исследуются на разных языковых уровнях в соответствии с принятой классификацией идентификационных признаков. Итогом этой стадии является составление перечня отразившихся в каждом тексте идентификационных признаков.

3. Сравнительное исследование признаков, отразившихся в текстах.

Этот этап предполагает сопоставление наборов идентификационных признаков, выделенных для спорного текста и текстов-образцов. В итоге составляется список признаков, совпадающих в спорном тексте и образцах письменной речи, и различающихся.

4. Оценка результатов сравнения и формулировка выводов.

Анализ наборов совпадающих и различающихся признаков текстов, их информативности составляет последний этап исследования. В соответствии с методикой МВД, набор сравниваемых признаков должен включать не менее 20 высокоинформативных признаков.

В экспертной практике выделяется несколько типов выводов: категорический (положительный либо отрицательный), вероятностный (также положительный или отрицательный, означающий, что большая часть критериев указывает на положительный или отрицательный вывод, но этих критериев недостаточно для уверенного ответа на поставленный вопрос) и вывод о невозможности ответа на поставленный вопрос по тем или иным не зависящим от эксперта причинам. Для категорического положительного вывода необходимо совпадение на всех уровнях (набора норм, набора свойств норм, набора средств выражения свойств норм), при совпадении только на первых двух уровнях положительный вывод будет носить вероятностный характер; различия на первых двух уровнях являются показателем вероятностного отрицательного вывода, а различия на всех трех – категорического отрицательного [Рубцова, Ермолова, Безрукова и др...., 2007, с.

127]. Однако не все типы текстов можно исследовать подобным образом — для текстов низкоинформативных жанров возможен только вероятностный вывод.

Таким образом, методика автороведческой экспертизы включает собственно анализ текстов и оценку соответствия текстов неким заданным критериям.

1.2.5. Источники обновления методологической базы автороведческой экспертизы

Методы судебного автороведения обогащаются за счет других лингвистических дисциплин. Одним из источников новых подходов к анализу авторства является лингвоперсонология. Как было отмечено во введении, задачами этой дисциплины является составление типов языковых личностей и анализ конкретной языковой личности.

В рамках лингвоперсонологии выделяются направления, связанные с исследованием разных аспектов языковой личности: социолингвистическое, лингвокультурологическое (И.В. Башкова, Л.Н. Чурилина), разработка лингвоперсонологической теории функционирования языка (Н.Д. Голев и др.). Кроме того, в лингвоперсонологии в целом можно выделить два исследовательских подхода: с позиции личности (дедуктивный подход) и с позиции языка (индуктивный подход) [Голев, 2007]. В рамках этих подходов основы теории языковой личности применяются при производстве судебной автороведческой экспертизы [Голев, 2010], [Ким, 2013], [Напреенко, 2015].

В частности, Н.Д. Голев в статье «Сравнительное лингвистическое и автороведческое исследование трех текстов» [Голев, 2010] отмечает, что лингвоперсонологический метод может давать эффективные результаты в условиях текстов малого объема, при этом задачей эксперта становится определение способности или неспособности предполагаемого автора создать спорный текст [Голев, 2010, с. 383].

Л. Г. Ким применяет метод реконструкции типа языковой личности при исследовании текста жалобы, анализируя такие показатели, как целевая установка текста, характер автора и адресата [Ким, 2013]. Для решения идентификационной задачи она определяет совпадение или различие типа языковой личности в представленных на исследование текстах. Кроме того, Л.Г. Ким указывает на характерные черты текстов данного жанра, а также на отступление от канона официально-делового стиля и конкретного жанра как авторскую особенность.

Г.В. Напреенко в диссертационном исследовании рассматривает языковую личность в идентификационном аспекте и отмечает, что с этой позиции она «представляет собой набор индивидуальных лексико-квантитативных и лексико-ранговых

закономерностей», определение и описание которых на основе формально-количественных методов позволяет установить авторство текста [Напреенко, 2015, с. 192].

Таким образом, лингвоперсонология находит применение при проведении судебной автороведческой экспертизы как один из методов анализа текстов.

Другим источником обновления методологической базы судебного автороведения являются статистические и компьютерные методы атрибуции текста. Начало использования математических методов для исследования спорного авторства связано со стилиметрией, возникшей в конце XIX века в Германии в работах В. Диттенбергера, посвященных атрибуции текстов Платона [Dittenberger, 1881]. В России появление и развитие стилиметрии связано, прежде всего, с именами таких исследователей, как Н.А. Морозов и А.А. Марков, Г.Я. Мартыненко. При идентификации авторства Н.А. Морозов предлагал вести подсчет употреблению служебных слов автором текста, отмечая, что, в отличие от употребления знаменательных частей речи, частота служебных слов не контролируется автором сознательно [Морозов, 1915].

Вместе с Н.А. Морозовым к вопросу использования математической статистики при определении авторства обращается А.А. Марков [Марков, 1913]. Разработанный им метод сегодня известен как метод «цепей Маркова» и используется не только при атрибуции. Предложенный А.А. Марковым метод основан на учете статистики употребления пар букв. На основе текстов, достоверно принадлежащих автору, создаются матрицы переходных частот пар букв, оценивается вероятность перехода из одной буквы в другую для каждого из рассматриваемых авторов, вычисляется оценка вероятности авторства для каждого автора. Автором спорного текста считается тот, для кого вычисленная оценка вероятности выше.

Разработке методики автороведческой экспертизы с использованием стилиметрического подхода посвящена диссертация Э.У. Бабаевой [Бабаева, 1970]. В своей работе она указывает основные стадии производства автороведческой экспертизы (осмотр, раздельное исследование, сравнительное исследование и выводы), излагает требования, предъявляемые к материалам исследования. Что касается самой методики, автор указывает на необходимость исследования текстов в психологическом и лингвостилистическом аспектах. В основу лингвостилистического анализа автор предлагает положить составление частотных словарей спорного текста и образцов. Бабаева настаивает на необходимости использования количественных методов, выделяя в качестве ключевого длину слов.

Значительный вклад в развитие стилиметрии внес отечественный исследователь Г.Я. Мартыненко. Именно в его работах стилиметрия оформляется как цельная область

исследования текстов, решающая не только задачи атрибуции, но и периодизации, датировки художественных текстов и т.п. [Мартыненко, 1988, 1999 и др.].

Большой популярностью сегодня пользуются компьютерно-статистические методы атрибуции текста (А.Н. Баранов, М.А. Марусенко, Т.В. Назарова, С.И. Красса, Верховин С.С., Литвинова Т.А., Т.В. Хмелев, Т.В. Батура, А.А. Романов, Н.С. Васюков и др.), поскольку они позволяют анализировать объемы, ранее не доступные для анализа, и существенно ускорить процедуру атрибуции. Для атрибуции текста сегодня используется метод статистического анализа формальных характеристик текста [Баранов, 2004, с. 30], лингво-статистический анализ неполнозначной лексики [там же, с. 31] и другие методы.

При производстве судебных автороведческих экспертиз иногда используются такие компьютерные программы, как «Лингвоанализатор» (Д.В. Хмелев), «СМАЛТ» (А.А. Рогов и соавторы) и др., однако в практике российского автороведения преобладают не автоматизированные методы анализа. Это связано, прежде всего, с характеристиками самих объектов – на экспертизу, как правило, попадают тексты небольшого объема, обладающие жанровой и стилевой спецификой. Как отмечал Е. Ворончак, минимально пригодный для анализа статистическими методами объем текста – 5 тысяч словоформ, что редко встречается в автороведческой экспертизе официально-деловых текстов.

Таким образом, обновление методов автороведческой экспертизы связано как с привнесением количественного анализа, так и с новыми методами качественного анализа текста, основанными на исследованиях в области лингвоперсонологии и теории языковой личности.

1.3. Методы и проблемы автороведческого исследования официально-деловых текстов

1.3.1. Основные свойства официально-деловых текстов

Официально-деловой текст сегодня вызывает возрастающий интерес у лингвистов в разных аспектах его исследования. Изучению этих текстов посвящено отдельное научное направление – документная лингвистика. Как отмечает С.П. Кушнерук, документная лингвистика изучает официально-деловые тексты в аспекте коммуникативных ситуаций, в которых они создаются, закономерностей создания документов, особенностей функционирования языковых средств в таких текстах [Кушнерук, 2007, с. 10]. С этой позиции официально-деловой текст (или документный текст, согласно терминологии С.П. Кушнерука) представляет собой систему общеязыковых и внутриязыковых, стилевых, жанровых норм и правил [Кушнерук, 2007, с. 111 – 112].

Эти правила и нормы диктуют ряд особенностей документных текстов:

1. «Устойчивость композиционных структур», присущая официально-деловым текстам вне зависимости от жанра и сферы функционирования [Кушнерук, 2007, с. 113]. Это означает, что текст каждого подстиля и жанра должен иметь четко определенную композиционную структуру. В случаях с правовыми документами это свойство поддерживается жесткой законодательной регламентацией структуры текста, в других текстах структурные схемы сохраняются в представлении носителей языка, то есть являются «ментальными схемами», существующими в сознании говорящего и слушающего.

2. Синтаксическая неоднородность текстов, обусловленная неоднородностью самих жанров официально-деловых документов, разной степенью регулируемости отдельных жанров, разной логико-доказательной базой и т.п. Однако, по мнению С.П. Кушнерука, всё же возможно выделить некоторые синтаксические черты официально-деловых текстов, в частности:

– Высокая частотность сочинительных и подчинительных словосочетаний с отглагольными существительными;

– Подчинительные цепочки имен в родительном падеже.

3. Термины, которые являются обязательным лексико-фразеологическим компонентом официально-деловых текстов.

4. Обилие лексических штампов, клише, речевых формул также относится к числу наиболее характерных признаков официально-деловых текстов.

5. Нейтральность тона документа, которая задает специфику языковых средств.

6. Адресность документа - текст того или иного документа всегда кому-то адресован, даже если этот адресат предельно размыт и обобщен.

В текстах разных подстилей и жанров степень проявления указанных черт неодинакова, в связи с этим и возникает необходимость учета жанровых особенностей при лингвистическом и автороведческом исследовании документов.

1.3.2. Официально-деловой текст как объект лингвистической и автороведческой экспертизы

Официально-деловые тексты нередко становятся объектами внимания лингвистов в связи с судебными делами и другими аспектами их юридического функционирования. В лингвистической экспертизе официально-деловые тексты анализируются в двух разных аспекта [Плотникова, 2016].

Во-первых, тексты документов исследуются при возникновении спорной ситуации, связанной с возможностью их неоднозначного толкования [Бринев, 2008], [Кушнир, Мартюшев, 2017]. Ошибки или намеренные неточности при составлении документа могут стать причиной неоднозначности его прочтения, двоякого толкования сроков, границ объектов и т. п. [Кушнир, 2015]. В этом случае исследование проводится, главным образом, методом семантического анализа [Бельчиков, Горбаневский, Жарков, 2010], [Кушнерук, 2008].

Другой аспект — лингвистическая экспертиза законопроектов, которая проводится на стадии подготовки текста и имеет целью определить соответствие нормам современного русского языка и требованиям стиля и жанра документа [Кушнир, Мартюшев, 2017].

Автороведческая экспертиза официально-деловых текстов проводится, главным образом, для решения идентификационных задач. И в данном аспекте тексты документов представляют серьезную сложность, прежде всего, при выделении идентификационных признаков. Как отмечал С.М. Вул, значимость того или иного признака письменной речи во многом зависит от типа коммуникативной ситуации и ситуативного контекста. По мнению исследователя, «анализ ситуативного контекста дает возможность установить, в какой мере характер употребления языковых средств обусловлен внутренними и внешними факторами речевой ситуации, в какой мере — факторами, инвариантными для автора, и в какой — факторами, присущими лишь данной ситуации общения...» [Вул, 1978, с. 105]. Как отмечает Вул, один и тот же частный признак может иметь и не иметь идентификационную значимость в зависимости, в том числе, от стиля документа. Соответственно, идентификационные признаки, применимые при исследовании текстов разговорного или публицистического стилей, не всегда применимы при анализе официально-деловых текстов. В современной научной и методической литературе нет обобщающего исследования особенностей установления авторства официально-деловых текстов, однако есть работы, в которых освещается автороведческий анализ отдельных жанров в конкретных исследовательских ситуациях.

Как отмечает А.М. Плотникова в статье «Документный текст как объект судебной лингвистической и автороведческой экспертизы» [Плотникова, 2016], индивидуально-авторские признаки документных текстов обнаруживаются, главным образом, на орфографическом, пунктуационном, синтаксическом и, отчасти, лексическом уровнях. Также важное идентификационное значение имеют иностилевые вкрапления (как разговорного, так и художественного стиля), особенности композиции и графического оформления документов. Навыки дискурсивного мышления авторов таких текстов

проявляются в композиционном построении текста, характере логических и текстовых связей, особенностях рубрикации и выбора заголовка и подзаголовка [Плотникова, 2016, с. 41].

Одной из первых работ, описывающих автороведческий анализ официально-делового текста, стала статья А.В. Морозова, посвященная установлению авторства текста договора [Морозов, 2004]. В ней автор отмечает высокую степень стандартизации языковых средств официально-делового стиля и слабую выраженность авторского стиля. Это, по мнению исследователя, существенно усложняет установление авторства документов и делает его возможным лишь на уровне допущений.

В качестве основных методов анализа А.В. Морозов указывает нормативно-стилистический и статистический, в том числе предложенный его известным однофамильцем – основателем отечественной стилеметрии Н.А. Морозовым - метод подсчета частоты использования служебных слов. В качестве релевантных собственно языковых признаков А.В. Морозов предлагает использовать главным образом лексические, синтаксические и грамматические особенности [Морозов, 2004, с. 291]:

- устойчивые орфографические ошибки;
- устойчивые пунктуационные ошибки;
- частое использование определенных служебных слов и наречий;
- устойчивые стилистические ошибки;
- особенности построения предложений (длинные сложные предложения с несколькими придаточными).

При статистическом анализе исследователь производит подсчет частотного распределения союзов определенной семантики в каждом тексте. Однако, как отмечает А. В. Морозов, метод статистического анализа может выступать лишь как вспомогательный, поскольку небольшой объем текста не позволяет получать категоричные статистические результаты.

Статья Л. Г. Ким [Ким, 2013] посвящена установлению авторства текстов жалобы и обращения. В статье Л.Г. Ким, опираясь на теорию языковой личности, дает характеристику особенностям установления авторства текстов обращений в официальную инстанцию. Большое внимание автор уделяет жанровым характеристикам текста, отмечая его целевую направленность и полуофициальный характер с присущими ему отступлениями от норм официально-делового стиля и небольшим временным промежутком между инициировавшим текст событием и написанием текста [Ким, 2013, с. 98]. Л.Г. Ким обращает внимание на графические средства выражения субъективности в

тексте, к которым в представленных примерах относится использование прописных букв для выделения наиболее важной, по мнению автора, информации.

Как видно из анализа исследовательской литературы, тексты официально-делового стиля обладают рядом черт, которые накладывают отпечаток на методы и возможности их лингвистического анализа. Если в случае с лингвистической экспертизой черты стиля выступают опорой как при анализе законодательных актов, так и при семантическом исследовании текстов, то в случае с автороведческой экспертизой стиль существенно ограничивает возможности анализа. Авторская индивидуальность в таких текстах может проявляться на уровне орфографии, пунктуации, синтаксиса, в меньшей степени — лексики, на стилистическом уровне показательными могут быть иностилевые вкрапления.

Тексты официально-делового стиля не однородны, разные жанры имеют разную степень стандартизации и шаблонности, разные возможности для проявления индивидуально-авторских черт, соответственно, для анализа разных жанров могут использоваться разные методы исследования, о чем свидетельствуют рассмотренные работы.

1.4. Протокол допроса в аспекте идентификационной автороведческой экспертизы

1.4.1. Протокол допроса в кругу жанров, связанных с расследованием преступления

Протокол допроса – жанр юрисдикционной разновидности официально-делового стиля. Документы этого жанра составляются в ходе следствия по делу и являются результатом письменной фиксации допроса свидетеля, подозреваемого или обвиняемого. В связи с этим, основная задача протокола допроса – зафиксировать информацию, полученную в ходе допроса, и сделать ее доступной для хранения и передачи лицам, которые имеют право с ней знакомиться. Закрепленная документально в тексте протокола допроса, эта информация становится основой для других следственных и судебных действий, базой для юридической квалификации расследуемых событий.

Протокол допроса может составляться на нескольких стадиях расследования преступления: на первой стадии в числе документов, формирующих основу для возбуждения уголовного дела, на других стадиях для уточнения и пояснения показаний, их подтверждения и т.п. Выделяют несколько видов протокола допроса в зависимости от роли допрашиваемого в расследуемом деле.

1) Протокол допроса свидетеля представляет собой фиксацию информации, полученной в ходе допроса свидетеля, то есть, лица, которому могут быть известны какие-то обстоятельства, важные для расследования дела (ст. 56 УПК РФ).

2) Протокол допроса потерпевшего — это фиксация показаний лица, которому в результате совершения преступления причинен физический, моральный или имущественный вред (ст. 42 УПК РФ).

3) Протокол допроса подозреваемого и протокол допроса обвиняемого — документы, фиксирующие показания лица, подозреваемого в совершении преступления (этот статус фигурирует на стадии предварительного следствия, дознания), либо обвиняемого в его совершении (процессуальный статус стадии расследования преступления).

С позиции лингвистического анализа различий между протоколами допросов свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого нет.

Кроме того, протоколы допроса разделяются на протокол первичного и повторного допроса, основного и дополнительного. В протоколе повторного допроса фиксируются показания, уточняющие отдельные моменты первичного допроса, в протоколе дополнительного допроса фиксируется информация, о которой на первичном допросе речи не шло.

Протокол допроса как один из письменных жанров юридического дискурса является частью юридической ситуации допроса и представляет собой статическую фиксацию, «отпечаток реальной ситуации» [Палашевская, 2010, с 31]. К этой же ситуации относится устный речевой жанр допроса, который отражает ситуацию в динамическом аспекте и, как следствие, имеет менее жесткий шаблон и требования к конкретному языковому выражению информации.

1.4.2. Структурные особенности протокола допроса

Структура протокола допроса достаточно шаблонная, содержание каждой части определено законодательством.

В тексте протокола допроса можно выделить три части — вводную, описательную и удостоверяющую — отличающиеся как по цели, так и по степени выраженности признаков авторской речи.

Вводная часть содержит реквизитные данные протокола, анкетные данные допрашиваемого, уведомление о применении технических средств и разъяснение статуса информанта.

Под реквизитными данными понимаются данные, включающие название населенного пункта, в котором производилось следственное действие; день, месяц, год, время начала и окончания допроса (в часах и минутах); должность, звание, фамилию и инициалы лица, составившего протокол; адрес, включая номер кабинета, где был

произведен допрос; ссылки на ст. 189 и 190 УПК РФ, а при допросе несовершеннолетнего и на ст. 191 УПК РФ и номер дела, в рамках расследования которого осуществлен допрос.

Анкетные данные допрашиваемого должны содержать, как минимум, информацию о фамилии, имени и отчестве информанта, дне, месяце и годе его рождения, месте рождения, месте жительства и регистрации, гражданстве, образовании, семейном положении и составе семьи, месте работы или учебы, отношении к воинской обязанности и наличии/отсутствии судимости. Кроме того, в протоколе допроса указываются паспортные данные допрашиваемого лица. В качестве примера анкетной составляющей вводной части можно рассмотреть фрагмент протокола допроса свидетеля по делу о гибели экспедиции Дятлова.

«10 марта 1959 г. прокурор-криминалист Свердловской области мл. советник юстиции Иванов допросил в г. Ивдель в качестве свидетеля, с соблюдением ст.162-168 УПК РСФСР.

- 1. Фамилия, имя и отчества Масленников Евгений Поликарпович*
- 2. Год рождения 1924*
- 3. Место рождения д. Лубна, Фоленский район Кировской области.*
- 4. Национальность: русский.*
- 5. Партийность: КПСС с 1957.*
- 6. образование (какое учебное заведение окончил и когда): В 1948 г. Уральский политехнический институт.*
- 7. Занятие: а) в настоящее время – место работы и занимаемая должность: Зам. гл. механика ВИЗа. б) в момент, к которому относятся показания: тоже.*
- 8. Судимость: не судим.*
- 9.Постоянное место жительства (точный адрес и № телефона): г.Свердловск, Заводская, 32, кв.84.*
- 10. Паспорт: -*
- 11. В каких отношениях состоит с обвиняемым: -».*

Помимо анкетных данных вводная часть содержит уведомление о применении технических средств и разъяснение статуса допрашиваемого. Их структура и содержание определяются статьей 190 УПК РФ. Рассмотрим в качестве примера фрагмент допроса свидетеля по делу о финансовых махинациях

«Перед началом допроса мне разъяснены права и обязанности свидетеля, предусмотренные частью четвертой ст. 56 УПК РФ:

1) отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4. ст. 5 УПК РФ.

При согласии давать показания я предупрежден о том, что мои показания могут быть использованы в качестве доказательства по уголовному делу, в том числе и в случае моего последующего отказа от этих показаний;

- 2) давать показания на родном языке или языке, которым я владею;*
- 3) пользоваться помощью переводчика бесплатно;*
- 4) заявлять отвод переводчику, участвующему в допросе;*
- 5) заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда;*
- 6) являться на допрос с адвокатом в соответствии с частью пятой ст. 189 УПК РФ;*
- 7) ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных частью третьей ст. 11 УПК РФ*

Об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ предупрежден».

Завершает вводную часть подпись допрашиваемого, удостоверяющая его ознакомленность с правами и обязанностями, соответствующими его процессуальному статусу, а также условиями проведения допроса (ведение видеозаписи и т.п.).

Описательная часть протокола допроса отличается большей свободой в плане формы и содержания документа. Как отмечает А.П. Рыжаков, вслед за словами «по существу уголовного дела могу показать следующее» излагаются собственно показания допрашиваемого, которые он дает в форме свободного рассказа, поставленные перед ним вопросы и ответы на них. Здесь же описываются действия, осуществляемые в процессе допроса (изготовление схем, чертежей, рисунков, диаграмм и т.п.) [Рыжаков, 2017]. Что касается формы изложения, в ч. 2 ст. 190 УПК РФ указана необходимость фиксации показаний от первого лица и «по возможности дословно».

Удостоверительная часть содержит сведения о поступлении или не поступлении заявлений от участников следственного действия, содержание поступивших заявлений, удостоверенные подписями участников допроса, указание на способ ознакомления с протоколом, отметка о правильности изложения показаний («с моих слов записано верно»), поступившие дополнения и уточнения, (указание на отсутствие замечаний) и подписи всех участников допроса.

Заполнение каждой части протокола допроса происходит, как правило, по шаблону, в котором отмечено, какие сведения необходимо указать в каждом пункте. Относительной свободой заполнения обладает лишь описательная часть (Приложение 1, рис. 1).

1.4.3. Фиксация текста протокола допроса

Протокол допроса в большинстве случаев составляется тем, кто ведет допрос, со слов допрашиваемого, текст пишется от первого лица. При этом к протоколу предъявляются требования максимально точной, по возможности, дословной передачи речи допрашиваемого [Рыжаков, 2017]. Однако на деле это не всегда оказывается возможно и необходимо, поскольку, во-первых, в задачи составителя протокола входит приведение текста в соответствие с требованиями официально-делового стиля, во-вторых, протокол должен фиксировать важную для конкретного дела информацию, а не имеющие информационного значения особенности речи нет необходимости отражать в тексте документа, фиксация информации осуществляется в такой форме, чтобы показания допрашиваемого можно было проверить на соответствие действительности, то есть, из всего потока информации вычлняются факты, которые, после их проверки, могут стать основой для обвинения или защиты. В результате «точность фиксации речи» переходит в «точность фиксации значимого содержания речи», а решение о том, насколько необходимо записывать слова допрашиваемого дословно, остается за составителем документа.

Случаи, когда допрашиваемый сам заполняет протокол допроса, встречаются крайне редко и, чаще всего, касаются заполнения определенного шаблона, в который нужно вставить лишь уникальную информацию. Например, в шаблонный протокол допроса по делу о краже велосипедов потерпевший вставляет марку велосипеда, цвет и несколько отличительных признаков, остальная часть текста повторяется из одного протокола в другой. Конечно, встречаются ситуации, когда текст протокола самостоятельно составляется допрашиваемым и, таким образом, отражает навыки его письменной речи, но они достаточно редки.

Еще один интересный вариант записи протокола – фиксация лицом, не принимающим непосредственное участие в процедуре допроса. Как правило, таким лицом становится помощник следователя, который фиксирует ход допроса в протоколе.

Форма фиксации текста описательной части протокола допроса также может отличаться. Если сам допрос имеет вопрос-ответную форму (следователь задает вопросы, информант на них отвечает), то протокол допроса может иметь форму диалога, монолога или смешанную. В первом случае (диалогическая форма) протокол отражает ход допроса и содержит вопросы следователя и ответы допрашиваемого в той последовательности, в которой они были в допросе, однако встречается такая форма достаточно редко (Приложение 1, рис. 2). Наиболее распространенная форма описательной части протокола

допроса – монологическая. Такой протокол содержит рассказ человека о событиях, которые представляют интерес для следствия (Приложение 1, рис. 3). В некоторых случаях монологический протокол дополняется вопрос-ответной частью (Приложение 1, рис. 4).

1.4.4. Протокол допроса как вторичный жанр процессуальных документов

Протокол допроса включен в последовательность жанров процессуальных документов, которые обслуживают процесс расследования уголовного дела и вынесения приговора по нему. Согласно требованию законодательства РФ, каждый этап следствия и суда, каждое решение по делу в обязательном порядке должны закрепляться в письменной форме, это порождает набор документов, которые являются результатом фиксации устной информации в письменной форме, производными от устных текстов и в этом смысле вторичными. К таким текстам относятся протоколы судебных заседаний, очной ставки, к ним же относится и протокол допроса.

Содержательным и языковым материалом для текста протокола допроса выступает текст допроса (в форме стенограммы или аудио-, видеозаписи). Текст допроса при этом претерпевает несколько существенных преобразований: во-первых, из устной формы в письменную, во-вторых, из диалога в монолог (исключая случаи диалогической и смешанной формы записи).

Письменная форма протокола допроса предполагает, помимо выборочной фиксации содержания допроса, указание тех компонентов ситуации, которые очевидны для участников устного общения (например, место и время проведения допроса), или тех компонентов, которые передаются с помощью жестов (например, указание жестом расположения автомобилей на схематичном изображении ДТП). Кроме того, сама письменная речь требует более точного и завершенного формулирования мыслей, поэтому перенесение информации из устной формы в письменную неизбежно предполагает добавление к исходной речи компонентов, обеспечивающих завершенность и связность, либо полную переформулировку речи.

Перевод речи из диалогической идет путем преобразования вопросов следователя в своеобразный «план», по которому строится рассказ допрашиваемого. То есть, в тексте протокола допроса сами вопросы следователя, как правило, отсутствуют, но их последовательность можно примерно восстановить, анализируя логику описания событий в рассказе допрашиваемого. Таким образом, составитель протокола уже в процессе

допроса формирует последовательность изложения мыслей допрашиваемого, которая затем будет отражена в протоколе.

Однако говорить о простой производности «письменный текст – устный текст», «диалог - монолог» в случае с протоколом допроса не совсем корректно. Отношения между жанрами допроса и протокола допроса намного сложнее. Как отмечено в исследовании Н.М. Татарниковой, для текстов протокола допроса характерен также другой тип «вторичности» - наличие в протоколе допроса в качестве составных элементов других речевых жанров (разъяснения, обсуждения и собственно допроса) [Татарникова, 2004, с. 74-75]. Однако и этим специфика протокола допроса в системе первичных и вторичных жанров не ограничивается. Протокол допроса также оказывает влияние на первичный жанр допроса, отчасти формируя его структуру и последовательность изложения.

Протокол допроса имеет жесткую структуру, которая не может не отражаться и в речевом событии допроса: вопросы вводной и удостоверительной частей задаются следователем в той последовательности, которая задается протоколом, также сама формулировка вопросов предполагает письменную фиксацию ответов. Соответственно, протокол допроса выступает ориентиром структуры допроса. В этом смысле жанр протокола допроса соответствует представлениям К.А. Долинина о природе и роли жанра: речевой жанр «не конструкт (не только конструкт), не продукт отвлеченного теоретизирования лингвистов, а реально присущие речевой компетенции носителей языка образцы (модели) говорения и письма» [Долинин, 1999]. Жанр протокола допроса действительно присущ языковой компетенции как следователя (как носителя профессионального правового сознания), так и допрашиваемого (как носителя обыденного правового сознания), и реальным образом задает некую модель коммуникации в рамках некой типовой ситуации.

Протокол допроса воспринимается следователем как закономерный продукт коммуникативного события допроса, требование законодательства письменно фиксировать все процессуальные действия не позволяет ему рассматривать допрос и составление протокола допроса как отдельные самостоятельные события. Соответственно, задавая вопросы и уточняя слова допрашиваемого, следователь всегда ориентируется на то, что это необходимо отражать в протоколе. Иногда составитель даже советуется с допрашиваемым о том, каким образом лучше зафиксировать его слова. Н.М. Татарникова приводит пример, когда следователь в процессе допроса советуется со свидетелем, каким образом лучше записать его слова: *«Сл.: ...Я здесь записала, когда мы приехали к должнику то я не понял, что это именно тот дом / куда мы с Рудь ехали за*

магнитофоном/поскольку подъезжали с разных сторон да?» [Татарникова, 2004, с. 64 – 65].

Допрашиваемый, в свою очередь, также воспринимает протокол допроса как конечный продукт допроса, о чем может свидетельствовать, например, просьба поговорить без протокола:

«Сл.: ... на мои ряд вопросов, которые я для себя наметила вы будете молчать да?»

А: Ну... время покажет //Мы /можем и ответить на ваши вопросы // Мы можем ответить на них без протокола если это такие вопросы, которые...» [Татарникова, 2004, с. 63].

Кроме того, поскольку протокол заполняется в основном в процессе допроса, информант видит факт фиксации его показаний, что еще раз подчеркивает осознание им того, что его речь будет зафиксирована в письменной форме. Характерное для допроса «подстраивание» информантом стиля своей речи под официально-деловой, под стиль речи следователя [Татарникова, 2004, с. 33] также связано с осознанием письменной фиксации как конечного этапа допроса.

Таким образом, протокол допроса воспринимается и допрашивающим, и допрашиваемым как закономерный продукт, результат допроса, что накладывает отпечаток и на структуру допроса, и на речь обоих участников, приближая её к письменной. Отношение речевых жанров допроса и протокола допроса нельзя в полной мере считать отношением производности. Составление протокола допроса не является простым переводом устной речи в письменную, диалога в монолог, поскольку речь обоих участников в процессе допроса ориентирована на ее фиксацию в письменной форме. В результате допрос как коммуникативное, речевое событие приобретает характер соавторства, совместного составления протокола следователем и допрашиваемым, когда каждый ориентируется на то, что его слова будут записаны, вольно или невольно подстраивая свою речь под эту форму.

Протокол допроса является вторичным жанром в том смысле, в котором вторичен письменный текст по отношению к устному, монологическая запись по отношению к диалогу, однако он не является полностью производным от жанра допроса, эти жанры взаимодействуют и оказывают взаимное влияние. Однако, что касается содержания, допрос представляет собой более развернутый текст, из которого следователем осуществляется отбор важной для следствия информации при составлении протокола, протокол допроса содержательно значительно уже, он является результатом отбора информации, полученной в ходе допроса. С другой стороны, протокол допроса как документ с четкой структурой и формой выражения мысли ставит определенные рамки

допросу, заставляя обоих участников коммуникации подстраивать свою речь под его стиль.

1.4.5. Протокол допроса и принцип кооперации Г.П. Грайса

Предложенный Г.П. Грайсом [Грайс, 1985] принцип кооперации предполагает, что коммуниканты ведут себя таким образом, чтобы достигнуть общей, принятой обоими цели, то есть, это собеседники настроены на сотрудничество и соответствующее этому поведение. Принцип кооперации связан с соблюдением нескольких групп постулатов, или максим, которые призваны обеспечить это сотрудничество. Нарушение той или иной максимы влечет появление имплицатуры – части смысла высказывания, выраженного не прямо, «what is meaning» Грайса [Grice, 1975]. На нарушении максим строятся многие художественные приемы (ирония, аллегория, метафора и т. д.), однако в ситуации официального, делового, а тем более юридически нормированного общения их нарушение может приводить к непониманию слушающим информации, возможности ее неоднозначного толкования. Между тем, для официально-деловых текстов, особенно тех, которые функционируют в сфере юридического дискурса, однозначность толкования является одним из важнейших условий их успешного функционирования, и появление имплицатур часто приводит к нарушению принципа кооперации.

Г.П. Грайс выделял следующие группы максим общения:

1. Группа максим количества предполагает сообщение достаточного, но не избыточного количества информации и включает две максимы: 1) «не говори меньше, чем требует цель диалога», 2) «не говори больше, чем требует цель диалога» [Грайс, 1985]. Недосказанность, равно как и излишки нерелевантной информации приводят к возникновению имплицатуры, что в ситуации делового общения может повлечь непонимание или запутывание.

2. Группа максим качества связана с достоверностью сообщаемой информации и постулирует необходимость 1) избегать говорить заведомо ложную информацию и 2) избегать говорить ту информацию, в достоверности которой говорящий не уверен. Нарушение максим этой группы — сообщение ложной или непроверенной информации — в условиях официально-делового общения вводит собеседника в заблуждение. В ситуации допроса сообщение свидетелем недостоверных сведений может повлечь уголовное наказание, тогда как сообщение подозреваемым или обвиняемым ложной информации считается средством защиты и не влечет ответственности, однако может вызвать недоверие и дополнительные вопросы со стороны ведущего допрос следователя, которые

вскроют недостоверность информации, чаще всего в этом случае ложная информация не фиксируется в протоколе допроса. Все это приводит к тому, что нарушение максимы качества, которая постулирует не сообщать то, что ложно, достаточно редко встречается в текстах протоколов допросов.

3. Группа максим способа требует от говорящего 1) избегать непонятных выражений, 2) избегать неоднозначности, 3) избегать ненужного многословия и 4) быть организованным. Эта группа максим тесно связана с требованием однозначности и точности официально-делового текста, поэтому ее нарушение может повлечь непонимание со стороны собеседника. Между тем, в протоколе допроса третья из этой группы максим регулярно нарушается.

4. Группа максим релевантности призывает 1) не отклоняться от темы общения и 2) сообщать только то, что к ней непосредственно относится. Ее нарушение редко фиксируется в протоколе допроса, поскольку составителем отбирается преимущественно та информация, которая, по его мнению, относится к существу дела.

Таким образом, нарушение коммуникативных максим в тексте протокола допроса может приводить к нарушению принципа кооперации. Однако вопрос о том, приводит ли это к тому, что протокол допроса можно рассматривать как жанр некооперативный, необходимо рассмотреть отдельно.

Жанр допроса, который, во многом, является первичным для жанра протокола допроса, относится к числу некооперативных жанров. Однако, как было показано в работе Н.М. Татарниковой, это разные жанры, которые, согласно модели Т.В. Шмелевой, имеют разных автора, адресата, образ коммуникативного прошлого и будущего и разное, хотя и пересекающееся содержание [Татарникова, 2004]. По нашему мнению, некооперативным является собственно жанр допроса, а не протокола допроса.

Для жанра допроса характерна жесткая фиксация социальных ролей — один из собеседников является следователем, другой свидетелем, потерпевшим, подозреваемым или обвиняемым — и эта фиксация детерминирует цели и позиции собеседников в диалоге. Цель следователя — получить максимум информации об обстоятельствах, связанных с преступлением. Эта цель определяет его активную позицию в диалоге. Цель допрашиваемого может быть разной в зависимости от его роли в деле и от ряда других факторов. Это может быть цель оправдаться, выгородить кого-то другого, пожаловаться на несправедливые действия какого-то лица и т. п. Конечно, информант может быть настроен кооперативно, но поскольку его роль предполагает возможность наличия другой цели, допрашивающий вынужден всегда воспринимать диалог как некооперативный.

На некооперативный характер указывает и общий дискомфорт ситуации допроса для допрашиваемого: сама ситуация преступления может быть ему неприятна, его желание может не соответствовать необходимости сообщать правдивую информацию, кроме того, он несет уголовную ответственность за свои слова (если выступает в роли свидетеля). При этом следователь, поскольку его задачей является получение информации от допрашиваемого, будет принуждать последнего сообщить её. Таким образом, сама ситуация допроса предполагает довлеющую позицию одного собеседника и подневольную другого.

Роль допрашиваемого сводится к достаточно пассивной передаче информации, тогда как роль следователя — инициатор и ведущий в разговоре. Позиции следователя и информанта при допросе отличаются степенью их активности, довлеющей ролью одного из них, неодинаковой с точки зрения комфортности общения коммуникативной ситуацией и детерминированностью этих факторов выполнением определенной социальной роли в рамках коммуникации. Все это характеризует коммуникацию как некооперативную (но неконфликтную), а речевой жанр допроса как некооперативный.

Иначе обстоит дело с протоколом допроса. С одной стороны, будучи письменной фиксацией результатов допроса, он также фиксирует некооперативный характер этого жанра и самого события. Закрепление некооперативного характера речевого события происходит, во-первых, с помощью названия жанра «протокол допроса», которое прямо отсылает нас к некооперативному событию допроса. Кроме того, в протоколе допроса закрепляются социальные роли и активный характер действий одного из участников по отношению к другому, что выражается на семантическом и синтаксическом уровне в традиционной для протокола допроса фразе «следователь (дознаватель, прокурор и т. п.) такой-то допросил свидетеля/подозреваемого/обвиняемого такого-то». Слово «допросить» имеет значение: «1) Для выяснения обстоятельств дела, преступления подвергнуть расспросам. 2) Расспросить, заставить подробно ответить на вопросы» [Ушаков, 2007]. В обоих значениях глагол «допросить» указывает на принуждение одним собеседником другого к передаче информации.

С другой стороны, основная коммуникативная ситуация протокола допроса принципиально отличается от коммуникативной ситуации допроса. Если в допросе автор и адресат информации меняются местами (в зависимости от того, кто говорит в конкретный момент времени), то в протоколе адресатом, прежде всего, являются уполномоченные законом лица, а непосредственным автором — следователь, который пересказывает или цитирует речь допрашиваемого. И автор, и адресат протокола допроса принадлежат к одной профессиональной группе и преследуют одну коммуникативную

цель — сделать картину преступления максимально понятной, чтобы можно было на ее основе принять какое-то решение. Соответственно, оба участника коммуникации настроены кооперативно, и задача следователя состоит в том, чтобы, соблюдая принцип кооперации, передать в протоколе некооперативную ситуацию общения.

Таким образом, сам протокол допроса как отдельный от допроса жанр является кооперативным жанром интрапрофессионального общения. Однако ситуация, которая фиксируется и отражается в протоколе допроса, является некооперативной, что накладывает отпечаток на текст протокола и приводит к нарушению коммуникативных максим и, часто, принципа кооперации в нем.

1.4.6. Проблема установления авторства протокола допроса

Основная проблема установления авторства протокола допроса связана со сложностью определения идентификационных признаков. Корни этой проблемы лежат в сфере функционирования протокола допроса и специфике ситуации, в которой он создается. Деловая, юридическая сфера, принадлежность к официально-деловому стилю определяют использование языковых средств, а ситуация допроса — отражение в тексте языкового сознания и допрашивающего (составителя текста), и допрашиваемого (информанта). Также играет роль малый объем текстов протоколов, как правило, такой текст редко доходит до 5000 слов.

Эти факторы приводят к тому, что универсальные идентификационные признаки, традиционно используемые в автороведческой экспертизе (например, признаки, выделенные С.М. Вулом, или авторами методики ЭКЦ МВД), при попытке их применения к текстам протоколов допросов перестают соответствовать необходимым критериям.

Так, малый объем текстов протоколов влечет нарушение критериев воспроизводимости и устойчивости — на малом объеме сложно делать вывод о том, насколько регулярно в речи автора встречается тот или иной признак, и, следовательно, насколько он устойчив. Нарушение критерия частотности связано с клишированностью деловой речи и, соответственно, высокой частотностью в текстах официально-делового стиля стандартных формул, терминов, профессионализмов, которые практически не заменяются синонимами. Сложности возникают и с соблюдением критерия оригинальности. Это обусловлено малым спектром синонимов для некоторых понятий, специфической терминологией и т. п., что оставляет автору мало возможностей для выражения своей языковой личности. Кроме того, сама функция протокола допроса,

нацеленность составителя на фиксацию текста в определенной форме, ограничивает выбор языковых средств.

Наличие в тексте протокола допроса языковых черт как речи составителя, так и речи информанта усложняет выделение признаков авторской речи, создает трудности разделения черт разных языковых личностей. Это усугубляется отмеченным выше подстраиванием речи допрашиваемого под речь следователя: «допрашиваемые обнаруживают стремление подстроиться под языковой опыт следователя и используют выражения, характерные для его профессиональной сферы» [Татарникова, 2004, с. 33].

С другой стороны, это же подстраивание задает направление исследованию, так как если навык владения официально-деловым стилем у составителя и информанта не совпадает, в тексте протокола могут наблюдаться ошибки лексической и стилистической сочетаемости, употребления слова в несвойственном значении и т.п. Например, в следующих высказываниях из протоколов допросов свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова заметно смешение разговорного и делового стилей: *«Но они ничего не знали в отношении гибели туристов»*, *«Труп брата осматривал врач, фамилию не знаю и он сделал замечание, что брат мой не был убит, признаков насильственной смерти не имеется»*. Такое смешение, с одной стороны, позволяет говорить о неоднородности авторской речи, что само по себе уже является признаком того, что составитель при фиксации протокола как минимум опирался на показания информанта, с другой стороны, создает сложности с определением границы речи каждого из участников допроса.

Такая стандартизация и формализация речи и со стороны следователя, и со стороны допрашиваемого в совокупности с другими факторами заставляет многих экспертов отказываться от проведения идентификационного исследования, полагая, что тексты протоколов допросов являются недопустимым объектом автороведческой экспертизы. Однако обращение к задачам речевого жанра протокола допроса и предъявляемым законодательством требованиям позволяет нам утверждать, что в самом жанре заложена возможность идентифицировать не только составителя, но и, отчасти, информанта протокола допроса.

Для обоснования нашей позиции обратимся к жанровым задачам протокола допроса, которые выделяет Н.М. Татарникова. Она указывает две основные задачи: познавательную и удостоверительную.

В рамках решения познавательной задачи составитель отбирает информацию из допроса, соотнося её с законом, с юридической характеристикой типовых для той или иной категории дел ситуаций, оценивая её с позиции существенности для расследования дела. То есть, отбор информации должен быть обусловлен не просто субъективными

представлениями следователя и его стремлениями, а определенными правилам и законодательными требованиями.

Удостоверительная задача связана с необходимостью доказать, что показания даны именно допрашиваемым и допрос проведен в соответствии с соблюдением всех юридических норм [Татарникова, 2004, с. 62]. Кроме того, её решение обязывает составителя передавать показания информанта таким образом, чтобы их принадлежность последнему не вызвала сомнения. Следовательно, составитель должен не только отбирать информацию, но и направлять свои усилия на то, чтобы сохранять в определенной мере индивидуальные качества речи допрашиваемого.

Также стоит отметить, что протокол допроса обычно составляется либо в процессе допроса, либо сразу после завершения последнего, то есть в условиях ограниченного времени, когда нет возможности обдумать и сформулировать мысль наилучшим образом, поэтому информация либо фиксируется наиболее привычным для составителя способом (и в этом отражается авторская индивидуальность составителя), либо, при отсутствии такого способа в конкретной речевой ситуации, дословно записываются показания допрашиваемого.

Таким образом, требование верифицируемости информации о допрашиваемом [Рыжаков, 2017] и ограниченное время создания протокола позволяют утверждать, что сам речевой жанр предопределяет наличие в тексте протокола допроса идентифицирующих признаков речи допрашиваемого.

Специфика автороведческой экспертизы протокола допроса обусловлена сферой функционирования текстов этого жанра (и, следовательно, стилем) и отражением языкового сознания двух языковых личностей. Проявление индивидуально-авторских черт речи составителя и, отчасти, информанта, заложено в требованиях, предъявляемых законом к текстам протоколов, и в условиях создания этих текстов.

1.4.7. Освещение проблемы автороведческого анализа протоколов допросов в исследовательской литературе

В научной литературе проблема автороведческого анализа протоколов допроса получила освещение лишь в последние годы. Главным образом это статьи, посвященные анализу конкретной экспертной ситуации, в которых отмечаются проблемы конкретных текстов и предлагаются частные методы их решения.

Наиболее детальный анализ протокола допроса представлен в статье С.М. Антоновой «Протокол как паспорт языкового сознания: опыт двух лингвистических

экспертиз» [Антонова, 2010]. Исследователь отмечает несколько важных жанровых черт протокола допроса, касающихся возможности установления его автора. Во-первых, Антонова пишет, что единственным автором текста протокола допроса является следователь, который не только осуществляет фиксацию текста, но и выступает как «коммуникативный лидер, <...> ведущий диалоговое развитие темы», «следователь управляет языковым сознанием и личностью свидетеля с помощью своего языкового сознания» [Антонова, 2010, с. 165]. Во-вторых, несмотря на приоритет языковой личности составителя, в протоколе находят отражение картины мира и допрашивающего, и допрашиваемого как подтверждение того, что текст написан именно со слов последнего. Основываясь на этом, С.М. Антонова исследует около 50 протоколов допросов свидетелей по одному делу. В ходе анализа она пользуется методами «когнитивной интерпретации текста» [Антонова, 2010, с. 163], анализируя как дословные совпадения во всех текстах, так и особенности языковой личности. С.М. Антонова отмечает отсутствие неоднородности языковой личности, несоотнесенность речи языковой личности с уровнем языковой компетенции, сферой профессиональной деятельности и другими социокультурными данными допрошенных. На основании этих параметров Антонова делает вывод о том, что исследованные ею протоколы допросов были переписаны с одного. Отметим, что автор рассматривает проблемы установления авторства протокола с позиции языковой личности и отраженной в тексте картины мира, обращает внимание, что в тексте, созданном при участии разных лиц, реконструируемая языковая личность не может быть однородной в силу разных картин мира участников и почти бесконечных возможностей передачи словами одной мысли [Антонова, 2010, с. 166]. Этот подход кажется нам продуктивным, он требует глубокого изучения и разработки методов определения неоднородности языковой личности в тексте.

Тексты протокола допроса приводятся в качестве иллюстрации методики автороведческой экспертизы в статье «Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования» Т. А. Распоповой [Распопова, 2015]. Автор статьи отмечает, что тексты протокола допроса отличаются «высоким уровнем стандартизации и унификации излагаемого материала» [Распопова, 2015, с. 137], что особенно ярко выражено во вводной и заключительной частях, в связи с этим Т. А. Распопова полагает пригодной для автороведческого анализа лишь описательную часть протокола допроса. При определении авторства текстов этого жанра она опирается, прежде всего, на статистические показатели текстового и языкового уровня. Т.А. Распопова сравнивает такие текстовые характеристики, как количество страниц, количество слов, количество знаков (с пробелами и без них), количество абзацев и строк и такие языковые характеристики, как

количество лексем и словоформ разных разрядов, количество тех или иных типов предложений и т.п. Также рассматривается общий уровень грамотности автора протокола, наиболее типичные для него ошибки разных языковых уровней [Распопова, 2015, с. 141]. Автор статьи не обращается к жанровым особенностям протокола допроса и понятию языковой личности, концентрируя внимание на статистических и некоторых языковых показателях.

К проблеме установления авторства протоколов допроса обращается Л. М. Месропян в статье «Лингвистическая экспертиза протокола допроса: идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений» [Месропян, 2017]. Автор обращает внимание на отсутствие четких границ возможного искажения речи допрашиваемого в протоколах, в результате чего речь допрашиваемого обезличивается, теряет индивидуальные особенности. Это создает трудности при производстве автороведческой экспертизы, поскольку нивелирует большинство идентификационных признаков. Говоря о жанровых особенностях протокола допроса, Л.М. Месропян повторяет тезис о границах авторского текста, считая пригодной для исследования только описательную часть протокола допроса. Кроме того, автор также указывает на ограниченную применимость принятых в автороведении уровней анализа при исследовании протокола допроса. Так, исследование текста на уровне выявления орфографических и пунктуационных ошибок мало применимо к протоколам допросов для определения признаков речи информанта, поскольку информант и составитель таких текстов, как правило, различается. Таки образом, по мнению Л.М. Месропян, учитываются только лексико-фразеологический, синтаксический и стилистический уровни.

В качестве дополнительного критерия Л.М. Месропян приводит уровень владения русским языком, который в рассматриваемом ею случае отразился в достоверительной части в виде рукописно выполненного фрагмента, в котором допрашиваемый отмечает, что не имеет заявлений и возражений по ходу допроса. Дело в том, что, по ее наблюдениям, данный фрагмент написан в разрез с нормами русского языка, причем нарушает их не свойственным для носителей языка образом. Однако рассматривать проявившийся в разных частях документа уровень владения языком как идентификационный признак, универсальный для всех (или хотя бы большей части) текстов протокола допроса, было бы некорректно, поскольку всё, кроме подписи допрашиваемого, в большей части текстов выполнено на компьютере.

Проблема определения перечня возможных для решения в рамках жанра протокола допроса задач идентификационной экспертизы в статье Л.М. Месропян не ставится, автор

рассматривает лишь задачу собственно идентификации автора, которая достаточно редко встречается для текстов этого жанра.

Проанализированные статьи демонстрируют сложность автороведческого анализа текстов протокола допроса и отмечают ограниченную применимость существующих методов, авторы стремятся ввести дополнительные методы для повышения точности результатов. В одном случае используется моделирование языковой личности автора текста, в другом акцент делается на статистическом анализе, в третьем оценивается уровень владения русским языком. Однако ни одна из статей не ставит своей целью разработку универсальных для текстов этого жанра идентификационных признаков, ограничиваясь описанием частных экспертных ситуаций.

1.4.8. Задачи идентификационной экспертизы протоколов допроса

На наш взгляд, к решению идентификационного вопроса текстов протокола допроса необходимо подходить с учетом двух факторов. Во-первых, это понимание типов задач в рамках идентификационной экспертизы, которые могут решаться для текстов жанра протокола допроса, во-вторых, - это определение того, чье авторство требуется установить.

Не все задачи, которые ставятся в идентификационной автороведческой экспертизе (см. п. 1.2.2.), применимы к текстам протокола допроса. Это закономерно следует из невозможности четкого разделения речи информанта и составителя в тексте протокола и сложности выделения идентификационных признаков. Среди задач, которые решаются для текстов этого жанра, можно указать, главным образом, две: определение принадлежности нескольких текстов одному лицу и верификацию авторства.

Решение задачи определения принадлежности нескольких текстов одному лицу заключается в установлении тождества навыков письменной речи, отразившихся в предоставленных на исследование текстах. Оно включает в себя выделение признаков авторской речи в каждом тексте и их сопоставление. Также в рамках решения этой задачи часто производится анализ дословных совпадений в текстах. Решение этой задачи не предполагает четкое разделение признаков речи информанта и составителя текста, следовательно, проблема недостаточного количества идентификационных признаков стоит не так остро. Наибольшую сложность при решении этой задачи могут представлять этапы отделения авторских черт от жанровых и определения признаков неоднородности авторской речи. Подробному рассмотрению и решению в том числе этой проблемы посвящены 2 и 3 главы настоящего исследования. Задача определения принадлежности

нескольких текстов одному лицу самая распространенная в автороведческой экспертизе протоколов допроса.

Вторая задача, которая решается в автороведческой экспертизе протокола допроса, – верификация авторства. В этом случае, помимо самого текста протокола, на исследование предоставляются образцы письменной речи предполагаемого автора (п. 1.1.2). Решение этой задачи сложнее предыдущей. Прежде всего, это связано с определением пригодных для исследования образцов, их качества и объема. Само решение также построено на отделении авторских черт от жанровых и определении признаков неоднородности в тексте протокола допроса, однако анализ образцов письменной речи вызывает больше вопросов, поскольку необходимо учитывать только те идентификационные признаки, которые будут релевантны и для спорного протокола, и для образцов, которые могут быть выполнены в другом жанре.

Задача собственно идентификации (определение, кому из возможных авторов принадлежит текст) для текстов протокола допроса встречается крайне редко. Даже вопрос о потенциальной возможности такого исследования приводит к однозначному выводу. Во-первых, если вопрос ставится о том, следователь или допрашиваемый является автором протокола, ответ очевиден. Безусловным автором протокола допроса является следователь, речь допрашиваемого присутствует в нем, в лучшем случае, в форме цитат или пересказа. Поэтому вопрос о том, кто является автором протокола допроса, ставить смысла нет. Если задача заключается в выборе из нескольких информантов, как потенциальных «соавторов», она либо сводится к первой (один информант или разные), либо не решается вообще, поскольку возникает проблема с образцами речи допрашиваемых. Единственная ситуация, в которой может быть в полной мере решена задача идентификации авторства, – когда текст протокола позиционируется как записанный информантом собственноручно. В этом случае задача состоит в том, чтобы сравнить навык письменной речи, отразившийся в протоколе допроса и в образцах. Здесь вновь возникает сложность с выбором образцов, вызванная стилем и характерным для жанра протокола допроса подстраиванием речи допрашиваемого под стиль речи следователя. Но эта задача ставится крайне редко.

Таким образом, из всего спектра задач, связанных с идентификационной автороведческой экспертизой, для текстов протокола допроса характерны задачи определения принадлежности нескольких текстов одному автору и верификация авторства.

Второй фактор, на который необходимо обратить внимание при производстве экспертизы, — это определение того, чье авторство требуется установить. Задача

определения принадлежности нескольких текстов одному лицу решается, в большинстве случаев, для подтверждения или опровержения того факта, что несколько протоколов написаны самим следователем без опоры на показания информантов или с опорой на показания только одного из них. Для задачи верификации ситуация аналогична — определяется, записан ли текст конкретным составителем. Это может быть актуально в случаях, когда несколько протоколов подписаны разными допрашиваемыми и следователями, но их сходство вызывает сомнение в том, что писали действительно разные лица. Решение этой задачи в случае, если предполагаемым автором считается допрашиваемый, сложнее, поскольку возникает проблема с образцами. Дело в том, что протокол допроса хоть и является жанром письменной речи, фиксирует результат устной беседы следователя и допрашиваемого. Даже учитывая подстраивание речи информанта под стиль речи следователя и ориентацию на письменный текст как конечный продукт, нельзя утверждать, что текст протокола отражает навыки именно письменной речи допрашиваемого, поскольку общение в рамках допроса происходит в устной, хотя и стандартизированной, форме. Поэтому решение вопроса о том, что можно рассматривать в качестве образцов письменной речи допрашиваемого (особенно свободных и условно-свободных), не очевидно.

Из этих двух факторов, а также из рассмотренных свойств протокола допроса формируется третий фактор автороведческого анализа текстов этого жанра — необходимость жанрового подхода, то есть анализа жанровых черт и на их основе выделения релевантных идентификационных признаков. Специфика жанра как ограничивающий фактор автороведческой экспертизы неоднократно отмечался в статьях по установлению авторства протокола допроса [Антонова, 2010], [Месропян, 2017], детальный анализ жанра может стать необходимой базой для определения идентификационных признаков и создания методик работы с текстами протокола допроса.

Таким образом, сложность автороведческого исследования текстов протокола допроса связана с жанровой и стилевой спецификой используемых языковых средств и наличием в тексте протокола черт двух языковых личностей. Всё это накладывает ограничения на круг решаемых задач идентификационного исследования, оставляя возможными, главным образом, две задачи: определение принадлежности нескольких текстов одному лицу и верификацию авторства. Кроме того, названные задачи могут решаться, главным образом, для языковой личности составителя текста, либо для определения наличия двух языковых личностей. В целом идентификационное исследование протокола допроса должно строиться на определении жанровых черт и выделении на их основе набора идентификационных признаков. Следовательно, для

решения вопроса об идентификации необходимо провести анализ жанровых черт протокола допроса на всех языковых уровнях и определить признаки авторской речи в тексте. Наиболее удобным способом описания жанра в этом ключе будет построение модели речевого жанра протокола допроса.

1.5. Построение модели речевого жанра протокола допроса для решения идентификационных задач

1.5.1. Существующие подходы к описанию речевого жанра

Способ описания речевого жанра во многом определяется целью этого описания. В целом, описание жанра, построение его модели — это указания его общих (позволяющих отнести его к определенному стилю) и уникальных (отделяющих от других жанров) свойств. Поскольку наше исследование посвящено вопросам установления авторства текста, модель речевого жанра в нашем случае должна содержать не только общие и уникальные характеристики жанра, но и описание вариативности тех или иных признаков с точки зрения возможности проявления в них авторского начала.

В современной лингвистике существует несколько подходов к описанию речевого жанра и построению модели жанра.

Одна из наиболее популярных сегодня моделей речевого жанра предложена Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1997] и основывается на коммуникативном подходе к жанру, описании его с позиции функционирования в коммуникации. Шмелева называет следующие компоненты модели:

1. Коммуникативная цель, которая рассматривается как ключевой, жанрообразующий компонент.

По характеру коммуникативной цели Т.В. Шмелева выделяет 4 типа речевых жанров:

- информативные (оперирование информацией: запрашивание, сообщение, удостоверение и т. д.),
- оценочные (оценка говорящим предмета речи по шкале «хорошо — плохо»),
- императивные (ориентация на действия: просьба, обещание, приказ и т. п.),
- ритуальные (обслуживают социальное взаимодействие людей, ритуализированную часть этого взаимодействия: приветствие, прощание и т. п.).

2. Образ автора. Это компонент также погружен в ситуацию общения и тесно связан со следующим.

3. Образ адресата. Здесь речь не о конкретном адресате-человеке, а о типичном для каждого речевого жанра обобщенном образе адресата, с ориентацией на который создается текст. Именно взаимодействие автора и адресата, их иерархические отношения и социальный статус формируют содержательные и формальные характеристики жанра. Особенно ярко это проявляется в жанрах императивных и ритуальных, где форма и содержание жанра зависят от соотношения автора и адресата.

4. Событийная основа (диктум) речевого жанра включает характер и количество событий, которые отражены в речевом жанре.

5. Фактор прошлого. Он включает те коммуникативные события, которые предшествовали данному речевому жанру. С точки зрения наличия или отсутствия этого фактора жары разделяют на инициальные (в которых фактор прошлого отсутствует, они являются первыми в коммуникации, иницируют ее) и реактивные (которые иницируются другим речевым жанром или коммуникативным событием, появляются как реакция на коммуникативное событие или другой речевой жанр).

6. Фактор будущего. Совместно с фактором прошлого он позволяет включить речевой жанр в процесс коммуникации и проследить, на какие речевые реакции и перлокутивный эффект данный жанр ориентирован.

7. Формальная, языковая организация речевого жанра включает набор характерных для речевого жанра клише, синтаксических конструкций, последовательности коммуникативных ходов и других языковых средств.

Модель речевого жанра Т.В. Шмелёвой используется Н.М. Татарниковой для описания протокола допроса как речевого жанра. Она характеризует протокол допроса следующим образом:

- это информативный жанр, целью которого является передача информации,
- образ автора осложнен авторским вкладом следователя и допрашиваемого, играющими разные роли в создании текста протокола,
- адресат протокола – официальное лицо из правоохранительной сферы,
- диктум – речевое событие допроса,
- фактор прошлого – жанр допроса,
- фактор будущего – заключение по делу,
- языковая организация определяется набором жанрово-стилевых лексических и синтаксических черт, связанных с реализацией точности и конкретности содержания текста [Татарникова, 2004].

Представленный подход активно используется для различия речевых жанров, соотношения жанра с коммуникативной ситуацией и расположения жанра в «цепи общения» [Бахтин, 1996], однако для решения задач определения авторства текста, с одной стороны, не все элементы предложенной модели имеют определяющее значение, а с другой, некоторые элементы важны в другом аспекте. Так, не имеют решающего значения для решения указанной задачи образ прошлого и будущего речевого жанра, поскольку в этих параметрах не может содержаться информации о признаках речи автора. Образ будущего, в той мере, которая определяет речевое поведение составителя текста, заложен в образе адресата и коммуникативной цели. Образ прошлого также включен в образы автора и адресата и тесно связан с коммуникативными целями следователя и допрашиваемого и коммуникативной ситуацией их общения. Образ адресата, диктумное содержание и коммуникативную цель необходимо рассматривать в ином ключе, чем в модели Шмелевой, с ориентацией на конкретное языковое воплощение этих параметров, а языковая организация жанра должна рассматриваться более детально и охватывать не только лексику и синтаксис, но и другие уровни функционирования языковых единиц. Таким образом, модель речевого жанра, предложенная Т.В. Шмелёвой и примененная Н.М. Татарниковой для описания жанра протокола допроса, не отвечает поставленным перед нами задачам. Необходима разработка модели жанра протокола допроса с более глубоким анализом языковой организации.

Модель, основанную на исследовании картины «речежанровой современности», предлагает В.В. Дементьев. Он призывает исследовать не жанр в отрыве от реальности, а реальность через призму системы речевых жанров, определяя наиболее характерные для той или иной эпохи явления в этой сфере. Он выделяет следующие параметры жанровой модели [Дементьев, 2015, с. 84]:

1. Предмет речи, куда, помимо самого предмета, включает прагматические характеристики, связанные с целью сообщения предмета, контекст его упоминания, оценку, с которой подается информация о предмете и т.п.;
2. Коммуникативная тональность (в том числе степень серьезности общения), или стиль речи, где также делается акцент на прагматическую составляющую (ситуация общения, «стиль речевого жанра» по Бахтину);
3. Лексика, под которой Дементьев понимает набор лексических реперезентантов каждого жанра, те слова и выражения, которые наиболее часто ассоциируются с данным жанром;
4. Особенности синтаксической структуры (как на уровне предложения, так и на уровне текста);

5. Целеполагание, которое он рассматривает как жанрообразующий компонент. В этот параметр Дементьев также включает социально-ролевую структуру и контекст общения;

6. Социальный и аксиологический факторы, которые связаны с владением определенными жанрами и оценкой обществом факта владения или невладения этими жанрами, престижность владения тем или иным жанром;

7. Культурная парадигма (внешнекультурная и внутреннекультурная), с которой связаны процессы жанрового заимствования и трансформация жанров на чужой культурной почве;

8. Основные коммуникативные сферы, в которых в данный исторический период идут наиболее активные жанровые процессы;

9. Источники материала, например, корпуса текстов сегодня.

Эта модель действительно отражает не один жанр, а сосуществование жанров в определенный исторический период, тем не менее, важные для отдельных жанров компоненты (предмет речи, коммуникативная тональность, целеполагание, лексика и синтаксис) также в ней содержатся. Большое значение имеет акцент на прагматическую составляющую каждого параметра, что позволяет рассматривать жанр не только с позиции социальной коммуникации (как в модели Шмелёвой), но и с точки зрения собственно языкового общения. Анализа жанра протокола допроса по данной модели в литературе не представлено, полагаем, это возможно лишь для какого-то конкретного временного периода, однако внимание к прагматике жанра, его цели и коммуникативной тональности могут использоваться при построении модели этого жанра для решения идентификационных задач.

Еще одну модель жанра предлагает К.А. Долинин [Долинин, 1999]. Она имеет когнитивно-коммуникативную основу, и освещает жанр уже не столько с позиции его роли в социальном взаимодействии, сколько с точки зрения структуры коммуникативного акта, его когнитивных основ. К.А. Долинин расширяет набор участников коммуникации и аспекты их освещения, получая двухуровневую классификацию параметров жанра:

1. Адресант, которого К.А. Долинин рассматривает с нескольких позиций:
 - Как носителя определенного статуса (гендерного, возрастного, социального и т.п.);
 - Как играющего определенную конвенциональную роль;
 - Как субъекта действия, преследующего определенную цель;
 - Как обладателя определенной картины мира;

- Как носителя личностных свойств и психического состояния.
- 2. Адресат, который, как и первый участник, рассматривается с позиций социально-ролевого, когнитивного и психологического взаимодействия.
- 3. Наблюдатель – третий участник коммуникативной ситуации, который переносится Долининым из плоскости факультативных персонажей в плоскость обязательных.
- 4. Референтная ситуация – реальная ситуация, которая находит отражение в жанре.
- 5. Канал связи.
- 6. Общий контекст взаимодействия адресанта и адресата.
- 7. Время, место и окружающая обстановка.

Именно устойчиво повторяющийся набор указанных параметров создает некие стереотипы речевого поведения, которые, по мнению К.А. Долинина, и представляют собой речевые жанры.

Таким образом, К.А. Долинин включает в модель структурные, когнитивные и экстралингвистические параметры, позволяющие рассматривать жанр обособленно от исторической и культурной ситуации. Для анализа жанра протокола допроса в идентификационном аспекте представляет интерес рассмотрение референтной ситуации и общего контекста взаимодействия адресанта и адресата в рамках определенного речевого жанра. Также важным может быть представление о цели действий и картине мира адресанта (автора), поскольку, как отмечалось выше, протокол допроса является продуктом своеобразного соавторства и может отражать разные картины мира и разные цели. Обращает на себя внимание также комплексный подход к описанию каждого компонента, особенно адресата и адресанта, их включенность в коммуникативную ситуацию. Для протокола допроса как жанра, жестко обусловленного определенной коммуникативной ситуацией, с фиксированными ролями участников в рамках этой ситуации, важно рассмотрение их в связке, нераздельно друг от друга.

В целом, рассмотрение речевого жанра как некоего стереотипа речевого поведения с устойчивым значением ряда параметров представляется эффективным при описании жанров официально-делового стиля (в том числе протокола допроса), что связано с реальной стандартизованностью и устойчивостью ситуаций делового общения.

1.5.2. Построение модели речевого жанра протокола допроса

Идентификационная автороведческая экспертиза предполагает анализ текста на разных языковых уровнях, чтобы наиболее полно охарактеризовать отраженный в тексте набор навыков письменной речи автора. Построение модели речевого жанра в аспекте идентификационной автороведческой экспертизы должно опираться и на принятые в современной генрике жанрообразующие компоненты, и на те способы анализа, которые существуют в автороведении. Это подводит к необходимости построения многоуровневой модели жанра протокола допроса, способной и описать жанр в кругу других, и выделить авторские признаки в отдельных текстах этого жанра.

Предлагаемая нами модель заимствует часть компонентов из моделей Т.В. Шмелевой и В.В. Дементьева, а также опирается на предложенное К.А. Долининым понимание жанра как «ментальной схемы», стереотипа речевого общения, определяющего и структуру речи адресанта, и ожидания адресата общения. Выделение структурных компонентов ментальной схемы жанра протокола допроса позволит провести границу между обязательными для данного жанра чертами, отсутствие которых приводит к обману ожидания адресата и возможной коммуникативной неудаче, и авторским наполнением этих черт, делающим каждый текст уникальным.

Предлагаемая нами модель речевого жанра протокола допроса состоит из трех компонентов:

1. *Структура жанра* включает структуру всего текста и его частей, его композицию. К структуре текстов официально-делового стиля предъявляются жесткие требования, этот компонент для текстов деловой коммуникации играет важную роль. В протоколе допроса структура жанра выполняет во многом ритуальные функции, фиксируя отношения между участниками события допроса. Также определение границ структурных элементов текста позволяет определить ту часть протокола допроса, которая подлежит исследованию в рамках автороведческой экспертизы.

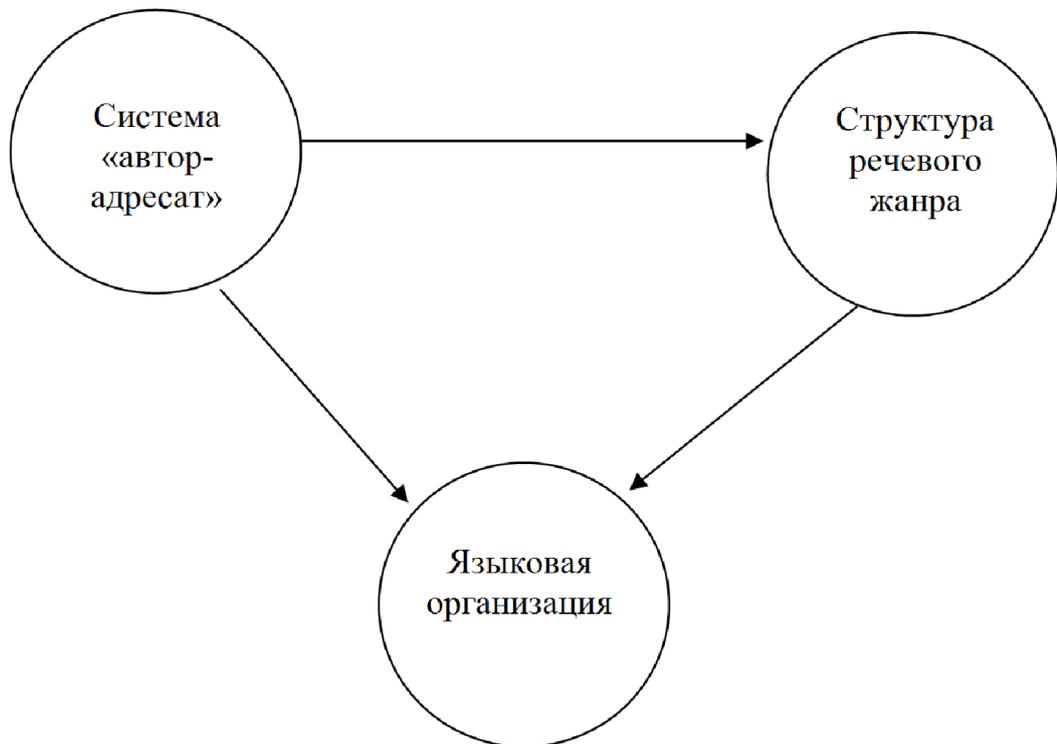
2. *Система «автор-адресат»* включает неоднородную коммуникативную ситуацию, автора и адресата в рамках этой коммуникативной ситуации. Неразрывная связь этих трех параметров, их взаимная обусловленность и общие основания выделения позволяют нам объединить их в один компонент модели.

3. *Языковая организация жанра*, которая включает языковые средства формирования жанра на всех языковых уровнях, а также черты авторского воплощения жанровых черт, возможность проявления следов речи допрашиваемого в тексте протокола допроса.

Жанрообразующим является компонент «автор-адресат», поскольку именно взаимодействие автора и адресата в коммуникативной ситуации определенного типа

задает и ментальную схему жанра, и жанровые ожидания адресата, то есть, этот компонент во многом определяет структуру и костяк языковых черт. Однако одного этого компонента, несмотря на его комплексный характер, недостаточно для проведения автороведческой идентификационной экспертизы, компоненты «языковая организация» и «структура жанра» дополняют модель, позволяя максимально полно описать и жанровую, и индивидуально-авторскую составляющую. Схематичное изображение модели речевого жанра протокола допроса представлено на рисунке 5 (Рис. 5).

Рис. 5

Модель речевого жанра протокола допрос

Указанные компоненты модели речевого жанра являются необходимыми и достаточными для описания жанра протокола допроса с позиции идентификационной автороведческой экспертизы. Система «автор-адресат» (включающая также стиль, поскольку учитывается тип коммуникативной ситуации) задает общий вектор анализа, позволяя определить условия взаимодействия, статусно-ролевые отношения и экстралингвистические факторы обобщенного автора и адресата текстов данного жанра, структура речевого жанра позволяет определить границы исследуемого текста, отделяя формальную рамку, языковая организация, включающая собственно жанровые и индивидуально-авторские черты, дает материал для решения собственно автороведческих задач.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Несмотря на существующие разночтения, речевой жанр сегодня рассматривается большинством ученых как сложная условная схема, присущая коммуникации в определенной сфере человеческой деятельности, при этом сфера деятельности, канал связи и сложность структуры обуславливают деление на первичные и вторичные жанры. Речевой жанр протокола допроса в этом отношении может рассматриваться как вторичный речевой жанр официально-деловой, судебно-следственной сферы общения, отражающий коммуникативную ситуацию некооперативного интерпрофессионального общения.

2. Вопрос о возможности установления авторства протокола допроса неоднозначно решается в современном автороведении, что связано, во-первых, с фиксацией речи информанта чаще всего не им самим, а следователем, во-вторых, с шаблонностью документа. Однако законодательное требование передавать речь допрашиваемого максимально точно, по возможности, дословно, ограниченное время составления протокола допроса и необходимость фиксировать показания так, чтобы их принадлежность допрашиваемому не вызывала сомнений, позволяет говорить о том, что в самом жанре протокола допроса заложена возможность решения некоторых видов задач идентификационной экспертизы.

3. В рамках идентификационной автороведческой экспертизы протокол допроса, главным образом, связан с решением задач верификации и определения принадлежности нескольких текстов одному автору, собственно идентификационная задача для текстов данного жанра ставится редко.

4. Автороведческая экспертиза протокола допроса, как и в случае с другими текстами официально-делового стиля, сталкивается с жанровыми ограничениями идентификационных признаков. Для решения этой проблемы возникает необходимость провести жанровый анализ текста. Существующие в теории речевых жанров модели и подходы к описанию речевого жанра не охватывают всех свойств, которые необходимо учитывать для производства автороведческой экспертизы, поэтому необходимо представить модель этого жанра таким образом, чтобы упростить задачу определения авторства. Анализ рассмотренных моделей в контексте задач, решаемых в рамках идентификационной экспертизы протокола допроса, позволил предложить модель, включающую такие компоненты жанра, как структура, система «автор-адресат» и языковая организация. Анализ этих компонентов позволяет описать как собственно жанровые черты, так и их реализацию конкретными авторами.

ГЛАВА 2. ЖАНРОВЫЕ И АВТОРСКИЕ ЧЕРТЫ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

2.1. Описание жанра протокола допроса

В первой главе нами была предложена модель речевого жанра протокола допроса, разработанная с учетом задач и методов идентификационной автороведческой экспертизы. В настоящей главе будут детально рассмотрены все компоненты этой модели, выделены основные языковые черты жанра, сформулированы на их основе черты авторской речи и признаки ее неоднородности. В дальнейшем это послужит основой для создания классификации идентификационных признаков и методики автороведческого анализа текстов протокола допроса.

2.1.1. Система «автор-адресат» в речевом жанре протокола допроса

Жанрообразующим компонентом модели жанра протокола допроса, как было отмечено в первой главе, является система «автор-адресат».

Образы автора и адресата рассматриваются нами не только в тандеме, но и в контексте коммуникативной ситуации и целей коммуникации, поскольку мы считаем, что именно их взаимодействие в процессе коммуникации придает определенный характер жанру. Кроме того, отмеченное К.А. Долининым влияние на жанр не только автора, но и адресата делает изолированное рассмотрение этих образов непродуктивным для решения задач автороведческой экспертизы.

Оба понятия рассматриваются нами обобщенно и не могут быть отождествлены с понятиями составителя и информанта текста протокола.

Автор и адресат рассматриваются нами в аспекте двух типов коммуникативных ситуаций, присутствующих в протоколе допроса: связанной с функционированием протокола допроса как процессуального документа и взаимодействием автора (в данном случае, составителя) и адресата текста протокола, и связанной с взаимодействием допрашиваемого и следователя в рамках коммуникативного события допроса.

2.1.1.1. Коммуникативная ситуация протокола допроса

Главной задачей протокола допроса как процессуального документа является фиксация процессуальных действий, которые помогают представить фактические обстоятельства дела, обеспечить доказательную базу. Это позволяет говорить о

двунаправленности протокола допроса, двояком характере его коммуникативной ситуации.

Коммуникативную ситуацию, связанную с взаимодействием составителя документа с лицами, уполномоченными законом знакомиться с текстом протокола, мы назовем *внешней*, она предполагает адресата, опосредованно (через жанровые ожидания и социальный статус) присутствующего в тексте протокола допроса. Цель коммуникации в этом случае – передача полученной информации от составителя уполномоченным лицам (прежде всего, судье), которые на основании информации, зафиксированной в протоколе, будут принимать решение.

Коммуникативная ситуация, связанная с взаимодействием составителя и информанта в рамках коммуникативного события допроса, будет рассматриваться нами как *внутренняя*, поскольку оба субъекта коммуникации непосредственно присутствуют в тексте протокола. Это взаимодействие в условиях некооперативной коммуникативной ситуации. Рассмотрим более подробно смену коммуникативных ролей и целей участников допроса и отражение этого процесса в тексте протокола.

2.1.1.2. Автор и адресат внешней и внутренней коммуникативной ситуации

«Автором» протокола допроса во *внешней* коммуникативной ситуации является составитель протокола, он инициирует общение, составляя протокол допроса. Адресатом в данном случае являются судья и другие лица, которые в рамках конкретного дела имеют право знакомиться с протоколом допроса. Несмотря на то, что адресат внешней коммуникативной ситуации не присутствует напрямую в тексте, его роль не ограничивается пассивным восприятием информации – его процессуальный статус, профессиональные отношения с составителем формируют определенные «жанровые ожидания», которые вынужден соблюдать составитель текста для успешной коммуникации.

Коммуникативная цель составителя – передать сформированную в результате допроса картину событий адресату. Коммуникативная цель адресата – на основе воспринимаемой из протокола информации, соотнося ее с информацией, полученной из других источников, сформировать общую картину преступления и на ее основе принять решение. Таким образом, адресат не пассивно воспринимает информацию из протокола допроса, но еще и сопоставляет ее с уже имеющейся, оценивает с точки зрения соответствия или несоответствия другим данным, проверяет ее на логичность и правдоподобность. Только после такого анализа адресат (суд) принимает информацию из

протокола допроса и встраивает ее в уже имеющуюся у него картину событий. Позиция адресата, как и позиция автора, предполагает анализ и отбор той информации, которая кажется ему важной, проверка ее на отсутствие противоречий и нелогичностей.

В свою очередь, составитель, находясь в рамках профессионального общения с адресатом, осознает активную роль последнего и учитывает ее при составлении текста протокола. В общем случае, он стремится отразить в протоколе полученную им информацию так, чтобы, во-первых, у адресата не возникло сомнений в ее достоверности и принадлежности информанту, во-вторых, чтобы он мог легче встроить ее в картину событий. Соответственно, он стремится к точности и полноте передачи информации, выступает в качестве преобразующего канала передачи информации от информанта судье. Конечно, возможны ситуации, когда составитель по той или иной причине преследует иную коммуникативную цель, однако для составления общей картины жанра мы учитываем только кооперативное взаимодействие составителя с адресатом, соответствие его целей установлению справедливости и осуществлению правосудия.

Активная роль адресата в формировании текста протокола прослеживается также в форме документа. Именно характер коммуникации – интрапрофессиональная деловая коммуникация в рамках судебно-следственной системы [Татарникова, 2004] – задает шаблонную структуру и обилие лексических и синтаксических штампов.

Таким образом, «автор» протокола допроса во внешней коммуникативной ситуации (составитель текста протокола) выступает своеобразным «переводчиком» с языка повседневного общения на язык юридической, процессуальной документации, при этом, как и переводчик, стремясь, с одной стороны, сохранить содержательную сторону текста и, по возможности, особенности речи допрашиваемого, с другой, сделать текст доступным для профессионального восприятия и анализа.

Внутренняя коммуникативная ситуация с позиции взаимоотношений автора и адресата характеризуется неравноправием ролей участников. Н.М. Татарникова охарактеризовала ее как «двойное авторство», отметив таким образом вклад в создание итогового текста и составителя, и информанта [Татарникова, 2004]. На наш взгляд, здесь стоит говорить скорее не о двойном авторстве, поскольку вклад участников все-таки разный и по объему, и по качеству, а о ролях информанта (носителя информации) и составителя текста (интерпретатора информации).

Инициатором коммуникации является составитель, он определяет тему общения, ее развитие и единство. Однако он не свободен в выборе темы и ее развития. Тема протокола допроса обусловлена экстралингвистическими характеристиками (ситуацией преступления, категорией дел, к которой оно относится, и т. п.). Описываемые

информантом события составитель воспринимает через призму определенной ситуационной модели [Дейк, 1988], определенного сценария ситуаций данного типа, которым он обладает в силу профессиональной деятельности. Он задает вопросы, исходя из полноты этого сценария и учитывая те лакуны, которые в нем есть. Кроме того, его цели при производстве самого допроса и фиксации протокола различаются. Цель следователя, производящего допрос, — заполнить все лакуны и создать объемную, наполненную конкретным содержанием ситуационную модель. Цель его как составителя протокола допроса – максимально точно эту модель передать.

Допрашиваемый более пассивен, его цель сводится к сообщению информации на заданную следователем тему. Однако он также вносит значительный вклад в создание протокола, что и позволяет нам обнаруживать неоднородность авторской речи в тексте. Именно информационный вклад допрашиваемого играет ведущую роль в тексте. Кроме того, диалогический характер допроса предполагает смену ролей «автор-адресат» в процессе общения. То есть, в один момент автором является следователь, который задает вопрос, уточняет что-либо, а адресатом – информант; в другой момент времени они меняются местами – информант говорит (выступает в роли автора), следователь выступает в роли адресата.

Общим звеном рассмотренных коммуникативных ситуаций является составитель, который транслирует речь информанта судье, обрабатывая ее и приводя в соответствие с требованиями стиля и жанра. Это звено не позволяет рассматривать указанные коммуникативные ситуации как самостоятельные и строить на их основе отдельные модели.

Взаимодействие автора и адресата в рамках коммуникативной ситуации каждого типа определяют другие жанровые характеристики. Так, ситуация профессионального общения следователя с судом определяет структуру протокола допроса. Эта же ситуация определяет язык общения – официально-деловой, с юридической и оперативно-розыскной терминологией, с обилием лексических и стилистических клише и т.п. Внутренняя коммуникативная ситуация определяет содержательную сторону протокола и часть языковых средств, поскольку законом выдвигается требование максимально точной, по возможности дословной передачи речи допрашиваемого в тексте протокола, а ограниченное время составления протокола вынуждает составителя фиксировать информацию наиболее привычным образом или дословно.

В тексте протокола допроса речь информанта может быть представлена несколькими способами. Прежде всего, эксплицитно – прямыми цитатами и косвенными цитатами и т.п., а также имплицитно – нарушением коммуникативных максим, принципа

кооперации, дополнительной коммуникативной целью и т.п. Однако, поскольку протокол допроса представляет собой помещенный в рамки стиля и коммуникативной ситуации письменный пересказ составителем устной речи информанта, объем эксплицитно выражаемой речи последнего, как правило, настолько мал, что выявить на его основе устойчивые идентификационные признаки в достаточном для установления авторства количестве невозможно, поэтому при проведении идентификационной автороведческой экспертизы протокола допроса чаще приходится говорить о неоднородности авторской речи в целом или о следах речи информанта в тексте. Подробно способы проявления речи допрашиваемого в протоколе допроса будут рассмотрены в последующих параграфах.

Отражение внутренней коммуникативной ситуации в тексте протокола допроса происходит несколькими путями. Во-первых, это отражение содержания: и информация, сообщаемая допрашиваемым, и ее регулирование следователем формируют последовательность разворачивания темы, композицию описательной части протокола допроса. Во-вторых, это частичное отражение формы речи, что связано с законодательным требованием отражать речь допрашиваемого точно, по возможности, дословно.

Таким образом, система «автор-адресат» протокола допроса представляет собой сложное целое, включающее две коммуникативных ситуации и разных для каждой автора и адресата. В тексте самого протокола допроса можно найти как речь составителя (автора внешней коммуникативной ситуации), так и следы речи информанта (одного из авторов внутренней коммуникативной ситуации).

2.1.2. Структура речевого жанра протокола допроса

Структура текста протокола допроса была подробно рассмотрена в первой главе. Обобщая сказанное в параграфах 1.4.2 и 1.4.3., еще раз отметим, что структура вводной и удостоверительной частей представляет собой шаблон, который заполняется следователем со слов допрашиваемого. Этот шаблон обязателен и неизменен для всех текстов жанра протокола допроса.

Описательная часть имеет больше вариантов оформления. Как отмечено в первой главе, она может иметь форму диалога (вопрос-ответная форма), монолога или смешанную, при которой сперва идет рассказ допрашиваемого, а затем вопросы следователя, либо наоборот, после нескольких вопросов идет монологический рассказ допрашиваемого. В рассказе допрашиваемого события, как правило, излагаются в той последовательности, в которой они происходили в реальной действительности для

данного конкретного человека. Например, в одном из протоколов допроса обвиняемого по делу «Linkoln-88» последовательность действий, в совершении которых и обвиняется допрашиваемый, отражена с помощью слов и выражений со значением времени, и порядка действий (Приложение 1, рис. 6). Такой характер изложения событий сохраняется и в случае собственноручного заполнения протокола допрашиваемым (Приложение 1, рис. 7).

С позиции автороведческой экспертизы информацию о речи автора может содержать, прежде всего, описательная часть как наименее шаблонная. В большинстве случаев, достоверительная часть протокола допроса не представляет интереса для установления авторства, однако в статье Л.М. Месропян описана ситуация, когда уровень языковой компетенции допрашиваемого, отраженный в достоверительной части, столь значительно отличается от уровня языковой компетенции автора описательной части протокола допроса, что это стало основанием для сомнений в авторстве текста [Месропян, 2017, с. 120]. Но такие случаи крайне редки и не могут служить основой для выделения жанровой черты.

Таким образом, структура протокола допроса имеет шаблонный характер, для задач идентификационной экспертизы интерес представляет описательная часть, именно границы описательной части будем рассматривать как границы авторского текста в протоколе допроса.

2.1.3. Языковая организация протокола допроса

Языковые средства создания текста протокола допроса строятся вокруг двух выделенных Н.М. Татарниковой жанровых доминант – точности (однозначности толкования) и конкретности (обозначения определенных объектов действительности, а не их классов). Языковая организация протокола допроса отличается большим количеством штампов, характерных как для процессуальных документов в целом, так и исключительно для этого жанра. В данном параграфе мы рассмотрим те черты разных языковых уровней, которые характерны для жанра протокола допроса. Рубрикация языковых черт строится на основе той классификации идентификационных признаков, которая была предложена авторами методики МВД и скорректирована нами в предыдущей главе. Такой подход позволяет не просто описать жанр, но и заложить основу для дальнейшей разработки идентификационных признаков этого жанра.

2.1.3.1. Лексико-семантическая организация протокола допроса

На этом уровне точность и конкретность реализуются наиболее явно. Можно выделить следующие типы лексики, которые характерны для жанра протокола допроса:

1) Предметные номинации с конкретным значением. Например, *автомашина, кузов, компьютер, станция метро, зачетная книжка, банкомат, лыжи* и т.п.

2) Гипонимы, уточняющие или заменяющие соответствующие им гиперонимы. Например, в протоколах допросов по делу о ДТП в Москве гипероним «*автомашина*» конкретизируется с помощью конкретных гипонимов: «*Mersedes*», «*ВАЗ-2115*» и т.п.

3) Имена собственные. Например, в одном из протоколов допроса по делу о ДТП в Москве встречается название радиостанции «*В пути я слушал радиостанцию «Серебряный дождь»*», в протоколах допросов по делу о гибели экспедиции Дятлова регулярно используются названия рек, населенных пунктов, горных вершин, имена людей: «*Один брат проживает в г. Ивдель и работает кочегаром в пос. Ивдель. Его имя Горбунов Дмитрий*», «*Мне от этих работников стало известно, что окончательный пункт, куда должны дойти студенты — это гора Отортен на Северном Урале*», в протоколах допросов по делу «*Lincoln-88*» употребляются как имена, так и прозвища людей: «*Я общался в сети Интернет с Линком Андреем по кличке «Линкольн» и еще с кем-то (сейчас уже точно не помню, с кем именно, либо с Димой по кличке «Шарк», либо с Борисом по кличке «Антихач»), а также вроде общался с Ивановым Андреем по кличке «СС»*».

4) Deskриптивные слова, называющие признак по цвету, форме, материалу, функции и т.д. Так, в протоколе допроса обвиняемого по ст. 234 встречается следующее описание предмета: «*Прямоугольная картонная упаковка комбинированной окраски*».

5) Точные указания времени, даты, места, адреса, наименования и т.п. Например, в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова указывается дата «*Вчера, т.е. 9 марта 1959 г. мы с манси Никитой Бахтияровым были в магазине*», в другом протоколе – место, насколько это возможно точно: «*Этот поселок находится от пос. Вижай строго на север в 40 км*». Аналогичную ситуацию наблюдаем в протоколах допросов по делу Берии, например, в протоколе допроса Беришвили: «*Рассказывал я это в Грузии, когда после перехода границы и явки к пограничникам был направлен Рапавой в один из домов г. Тбилиси на улице Дзержинского, кажется № 13*». Не утрачивает актуальности этот признак и в современных протоколах, например, в протоколе допроса обвиняемого по делу «*Lincoln-88*» точно указываются даты описываемых событий: «*16.09.2007 г. Я общался в сети Интернет с Линком Андреем по*

кличке «Линкольн» и еще с кем-то...»; в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о ДТП в Москве указывается не только дата, но и время: «25 февраля 2010 года примерно в 07 часов 10 минут...»; в одном из текстов по делу о взятках также указывается дата: «это было 09.09.2016», в другом уточняется место: «Мы встретились в г. Новосибирске, на остановке метро «Маршала Покрышкина»». Таким образом, данный признак может иметь разное конкретное наполнение, но так или иначе присутствует в протоколах, поскольку ярче всего отражает обе жанровых доминанты.

б) Лексика со значением неуверенности, неосведомленности говорящего, выражающая его предположение, составляет оппозицию предыдущему пункту, но также характерна для протоколов допроса. Это единственный вид лексики, выражающей отношение к сообщаемому, который часто встречается в текстах данного жанра. Например, в протоколах допросов свидетелей по делу о взятке регулярно встречаются фразы с указанным значением: «По другим предметам, насколько я помню, зачеты и экзамены мы сдавали сами», «После того, как я перевела ей деньги, то спустя несколько дней, также в сентябре 2016 года, дату точно не помню, я лично в г. Новосибирске, где мы обе живем, но где точно было я не помню, передала ей свою зачетную книжку», «Мы встретились также в начале ноября 2016 года в г. Новосибирске, где именно не помню, скорее всего у станции метро, где она передала мне зачетную книжку». Также характерен этот тип лексики для протоколов по делу «Linkoln-88»: «По поводу тех «акций», в которых я участвовал, могу рассказать следующее: 16.09.2007 г. я общался в сети Интернет с Линком Андреем по кличке «Линкольн» и еще с кем-то (сейчас уже точно не помню, с кем именно, либо с Димой по кличке «Шарк», либо с Борисом по кличке «Антихач», а также вроде общался с Ивановым Андреем по кличке «СС»)). В других исследованных протоколах допросов эта лексика также часто встречается.

7) Слова с указательным значением: «в этот день», «со своей банковской карты», «в тех юртах», «в этих местах», «по данному направлению» и т.п.

Если говорить о преобладающих частях речи, можно выделить следующие:

1) Глаголы физического действия. Поскольку протокол допроса описывает конкретные физические действия, эти глаголы типичны для текстов этого жанра. В качестве примеров можно привести следующие слова из разных протоколов допросов: «звонить», «проставить отметки», «передать», «поехать», «полететь», «высадиться», «перевернуться», «приехать» и т.п.

2) Личные местоимения первого лица, единственного или множественного числа. Наличие этих местоимений связано с требованием передавать речь допрашиваемого от первого лица. Примерами могут служить фразы из протоколов допросов свидетелей по

делу о гибели экспедиции Дятлова: «Я сам живу на р. Ивдель около 1й плотины 60 км от Вижая», «Я женатый имею на иждивении троих детей от 6 лет до 9х лет. Живем мы от пос. Вижай 60 км в верховьях р. Вижай»; а также из протоколов допросов по делу Берии: «Сейчас я могу привести некоторые факты, которые частично подтверждают, с моей точки зрения, то, о чем я показал ранее»; из протоколов допросов по делу о ДТП: «На данном пассажирском месте я езжу всегда, за руль служебного автомобиля я не садился никогда» и т.п.

3) Числительные со значением даты и времени. Будучи проявлением жанровой доминанты, эти числительные встречаются практически во всех исследованных нами протоколах допросов. Например, в протоколе допроса свидетеля Беришвили по делу Берии: «Берия в 1938 году перевел и расставил близких ему людей с какой-то определенной целью», «Когда однажды, в 1928 или 1929 году, я и мой дядя Ной Рамишвили...». В протоколах допросов по другим делам, в том числе современным, также встречаются числительные этого разряда.

4) Наречия со значением последовательности действий. Наречия этой группы также связаны с особенностью функции протокола допроса, отраженной в нем коммуникативной ситуацией и жанровыми доминантами. Например, в тексте протокола допроса свидетеля по делу о ДТП в Москве наречия используются при описании ситуации после ДТП: «Водительская дверь также открылась, но поначалу из нее никто не выходил. Потом из «Мерседеса» вышел какой-то человек...», в протоколе по делу о взятке речь идет о более разнесенной во времени последовательности действий: «Сначала заплатили 32 000 рублей, потом нам вернули по 6 000 рублей».

5) Глаголы в действительном залоге. Несмотря на то, что, как отмечала К.А. Логинова [Логинова, 1968], для официально-делового стиля характерно употребление пассивных конструкций, в протоколе допроса преобладают конструкции активного типа, пассивный же залог встречается крайне редко и используется, как правило, для констатации фактов. Например, в протоколе допроса свидетеля по делу о ДТП пассивные конструкции указывают на то, что происходило с автомобилем во время аварии: «Я увидел, что заднюю часть «Ситроена» начинает заносить...».

6) Глаголы прошедшего времени. Преобладание прошедшего времени обусловлено временной отнесенностью описываемых в протоколе событий. Например, в тексте протокола допроса обвиняемого по делу «Linkoln-88» подчеркнуты слова, маркирующие временную отнесенность событий: «В раннем детстве, когда мне было примерно лет 7-8, у меня появилась большая неприязнь к лицам не славянской внешности, а именно к лицам кавказской национальности. Данная неприязнь у меня появилась по той причине, что в

это время моя мать работала на рынке, рассказывала мне, что у нее возникают постоянные конфликты с лицами кавказской национальности. Также в детстве у меня были конфликты с лицами кавказской национальности, с данными лицами у меня случались драки, в которых они меня избивали. По этим причинам я стал ненавидеть лиц не славянской внешности, считал, что они должны жить в своей стране, а не в России».

Характерным лексическим средством связи для протоколов допроса являются лексические повторы. В протоколах допросов можно выделить две группы повторов.

Первую группу составляют повторы имен собственных: личных имен, фамилий и названий населенных пунктов или других объектов. Например, в одном из протоколов допроса по делу о гибели экспедиции Дятлова несколько раз в соседних предложениях повторяется название населенного пункта: «...по указанию начальника участка т. Ражнева я этих туристов сопровождал до пос. 2-й Северный они шли на лыжах, а их груз я вез на подводе. На поселок 2-й Северный мы прибыли в одиннадцатом часу вечера». Такого рода повторы встречаются в большинстве рассмотренных протоколов и являются показателями темы, а также стилевой принадлежности текстов, поскольку отражают традиционные для официально-делового стиля клише.

Другую группу повторов составляют повторы имен нарицательных. Здесь повторяются личные местоимения, тематические лексемы и элементы, которые могут быть охарактеризованы как клише официально-делового стиля. Например, в протоколе допроса обвиняемого по делу «Lincoln-88» встречается повтор слова «организация»: «...я нашел официальный сайт организации «Русское Национальное Единство» (или сокращенно «РНЕ»). Изучив информацию о данной организации, я решил в нее вступить, однако узнал, что данная организация уже не существует. В данную организацию я решил вступить потому, что придерживался националистических взглядов». В некоторых случаях повторяются целые конструкции. Например, в одном из протоколов допроса по делу о гибели экспедиции Дятлова: «Я с Бахтияровыми разговаривал по вопросу, когда они были на охоте и не видали ли следов от узких лыж, а также и людей. На это Бахтияровы Павел, Тимофей, Кирилл рассказали, что они были на охоте неделю тому назад на низких местах по направлению Уральского хребта и не видели следов от узких лыж, а также и людей». Повторы этой группы также встречаются практически во всех протоколах допросов и являются жанровой чертой протокола допроса, а также отражают тематическую направленность текста и принадлежность к официально-деловому стилю.

Что касается наиболее частотных отклонений от лексической нормы, можно отметить наличие плеоназма и тавтологии. Например, в тексте протокола допроса по делу

о взятке: «без фактического присутствия», «По работе у меня периодически возникали проблемы с тем, что некому было работать...».

Анализ лексического уровня жанра протокола допроса показывает сильную подчиненность канонам официально-делового стиля, а также высокую степень проявления жанровых доминант точности и конкретности, что отражается и в семантических характеристиках типичной для этого жанра лексики, и в частом использовании лексических повторов, в том числе, приводящих к нарушениям лексической нормы.

2.1.3.2. Уточнения как семантическая особенность протокола допроса

Семантика протокола допроса определяется, главным образом, двумя факторами: 1) внешней коммуникативной ситуацией (в том числе, стилевой принадлежностью) и 2) экстралингвистическими параметрами (объектом речи, процессуальной ролью допрашиваемого и т.д.). Частично семантика протокола допроса была охарактеризована в предыдущем параграфе, здесь же мы сосредоточимся на одном свойстве, которое выделяет протокол допроса среди других жанров процессуальных документов.

При анализе текстов протоколов допроса нами было обнаружено такое свойство документов этого жанра, как обилие семантических уточнений. Это свойство наиболее полно и многогранно отражает доминанты точности и конкретности и позволяет говорить о выделении признаков, специфических для жанра протокола допроса.

Под уточнением в данном случае мы понимаем семантический компонент текста, который дополняет, разъясняет, уточняет какую-то мысль, но носит факультативный (с точки зрения раскрытия основной темы) характер в тексте. Однако в протоколах допроса уточнения являются обязательным элементом, позволяющим достичь необходимой подробности изложения информации.

Уточнения неоднородны по своей природе, поскольку могут нести дополнительную информацию о разных объектах и разных качествах объекта речи. На материале более 100 проанализированных протоколов нами была составлена семантическая классификация уточнений, в основу которой положен тип объекта, о котором сообщается дополнительная информация. Нами было выделено 6 типов уточнений с несколькими подтипами.

Семантическая классификация уточнений в протоколе допроса

Темпоральные уточнения

В эту группу попадают уточнения со значением времени.

1. **Уточнение даты.** Содержит дополнительную, как правило, более точную информацию о дате описываемых событий. Синтаксическое оформление данного типа уточнений обычно ограничивается указанием конкретного числа/месяца и года, либо просто года в виде вставки¹, реже с показателем уточнения, союзом «то есть», а также вынесением информации о дате в отдельное предложение. Например, в протоколах допросов по делу о гибели экспедиции Дятлова уточнения даты могут иметь следующий вид: «*Вчера, 11/III-59 г.*», «*На следующий день – 1.02 группа устроила лабаз*», «*Это было в 1934 году*», в протоколах допросов по делу о взятке уточнения даты имеют следующий вид: «*После того, как я перевела ей деньги, то спустя несколько дней, в январе 2017 года*».

В проанализированных текстах встречаются некоторые редкие подтипы уточнений даты:

1) *Указание на неточность даты с предоставлением вариантов с союзом «или».* Например, в протоколе допроса свидетеля Бахтиярова Н. по делу о гибели экспедиции Дятлова: «*Я узнал, что ищут туристов 21 или 22/II 59 г.*»; «*Я приехал туда 20 или 21 II-59 г.*», в протоколе допроса подозреваемого Беришвили по делу Бери: «*Когда однажды, в 1928 или 1929 году, я и мой дядя Ной Рамшвили...*».

2) *Указание на часть месяца с инверсией.* В протоколе допроса свидетеля Лопатиной по делу о гибели экспедиции Дятлова встречается уточнение части месяца: «*в апреле месяце в конце*».

Такие нетипичные для уточнения даты способы оформления, а также дополнительные оттенки значения могут выступать в качестве маркера авторской речи.

2. **Уточнение времени.** Содержит информацию о времени описываемых событий (в т.ч., времени суток, конкретных часах). Обычно оно оформляется подобно уточнению даты — вставкой с указанием конкретного часа или отдельным предложением. Так, в протоколе допроса свидетеля Масленникова по делу о гибели экспедиции Дятлова уточнение времени имеет следующий вид: «*Утром следующего дня – в субботу в 9 ч. утра...*».

Также уточнение времени может употребляться в комплексе с уточнением даты, как это происходит, например, в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о ДТП в

¹ Под вставкой в настоящей работе понимается часть высказывания, синтаксически изолированная от остального предложения (заключенная в скобки, выделенная тире и т.п.). Например, «*Впереди меня, в крайней левой (5-й) полосе движения...*» [Прияткина, 1990].

Москве: «25 февраля 2010 года, примерно в 8 часов 00 минут, я ехал...». Часто уточнение времени сопровождается указанием на приблизительность с помощью наречия «примерно», предлога «около» во временном значении.

Помимо уточнения конкретных временных характеристик для протоколов допросов характерно указание времени через соотнесение с важными в данной коммуникативной ситуации событиями. Такой тип уточнений встречается, например, в протоколах допроса свидетеля Бахтиярова П.С. по делу о гибели экспедиции Дятлова: «Мы в это время ходили искать оленей, в то время как сел вертолет около юрт...», свидетеля Краснобаева по тому же делу: «Он охотился один в тот период, когда пронеслась пурга...», одного из свидетелей по делу о взятке: «До осени 2016 года, когда я была уже на 4 курсе, я все экзамены и зачеты сдавала сама», «Примерно в конце января-феврале 2017 года, до 20.02.2017, когда я сама сдавала зачет, я забрала у нее зачетную книжку». Вероятнее всего, появление этих уточнений связано с вопросами составителя.

Уточнение времени связано с темой протокола допроса и встречается обычно только в тех протоколах, которые посвящены какому-то точно определимому по времени событию. В исследованных протоколах уточнение времени встречается в некоторых протоколах по делу о гибели экспедиции Дятлова, протоколах по делу о ДТП и делу о взятках, практически не встречается уточнение времени в протоколах допросов по делу Берии, поскольку там идет речь о событиях, измеряемых месяцами и годами.

3. Уточнение временных границ. Уточняется начало, окончание какого-либо события, либо оба эти параметра. В зависимости от этого данный вид уточнений можно разделить на три подтипа: уточнение нижней временной границы, уточнение верхней временной границы и уточнение верхней и нижней временной границы.

1) *Уточнение нижней временной границы* – это уточнение времени начала события. Пример этого типа уточнений можно обнаружить в протоколе допроса свидетеля Бахтиярова Н.Г. по делу о гибели экспедиции Дятлова: «До 10 февраля все мы были дома, с 10/II-59 г. уезжал на пос. Бурмантово с Петром Якимовичем», а также в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о взятке: «Примерно в начале ноября 2016 ода, уже после сессии, она позвонила мне», протоколе допроса свидетеля Людвигова по делу Берии: «В дополнение к ранее данным показаниям, хочу сообщить следствию, что, начиная с марта этого года поведение Берия изменилось».

2) *Уточнение верхней временной границы* – это уточнение времени окончания описываемого события. Например, оно встречается в протоколе допроса свидетеля Масленникова по делу о гибели экспедиции Дятлова: «К Чевтаеву я приехал часов в 11 дня 21.02 и был у него до конца рабочего дня», «В институте я пробыл до 12-ти ночи»,

протоколе допроса одного из свидетелей по делу о взятке: *«Примерно в конце января-феврале 2017 года, до 20.02.2017, когда я сама сдавала зачет, я забрала у нее зачетную книжку»*.

3) *Уточнение нижней и верхней временной границы* – указание времени начала и окончания какого-либо события. Встречается достаточно редко, например, в протоколе допроса свидетеля Дряхлых по делу о гибели экспедиции Дятлова: *«С 24 января по 1 февраля 1959 года включительно я был в командировке по делам службы»*.

4. **Уточнение длительности или продолжительности действия или события** – это уточнение протяженности того или иного события во времени без указания конкретных временных границ. Редко встречающийся вид уточнений, обнаружен только в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о взятке: *«Через несколько дней (около 1 месяца) она вернула мне зачетку с проставленными отметками»*.

Из все типов темпоральных уточнений уточнения времени и уточнения даты наиболее распространены и стандартизованы в плане оформления, более индивидуальны как с содержательной, так и со структурной точки зрения, уточнения временных границ и длительности.

Пространственные уточнения

Пространственные уточнения составляют еще одну характерную для протокола допроса группу, включающую несколько подтипов. Эти уточнения в большей мере, чем темпоральные, связаны с темой документа и экстралингвистическими реалиями уточняемых характеристик. Это объясняет принципиально разный набор уточнений в протоколах допросов по делу о гибели экспедиции Дятлова, где описываемые события происходили в горной малонаселенной местности, и, например, в протоколах допросов по делам о взятках, где события происходили в конкретном городе. Специфика темы также ярко проявляется в протоколах допросов свидетелей по делу о ДТП, где уточнение пространственных характеристик чаще всего связано с положением на проезжей части, относительно частей автомобиля.

1. **Уточнение места** (без других оттенков значений). Уточняется название места или какой-то его характерный признак. Оформление данного типа достаточно стандартно – вставка, второстепенные члены предложения или приложение. Это не самый распространенный вид уточнений, встречается он, например, в протоколах допросов свидетелей по делу о ДТП в Москве, где оформляется с помощью двойной вставки: *«Впереди меня, в крайней левой (5-й) полосе движения, ехала автомашина...»*, в протоколах допросов свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова, где оформляется с

помощью приложения или вставки, а также с помощью придаточного предложения: «В палатке Дятлова было 9 рюкзаков, 10 пар лыж, из них 9 пар под дном палатки», «В правом углу, около входа лежала часть продуктов: банки сгущенного молока, концентраты и др. вдоль всей палатки, на стороне склона, находились 8 пар ботинок и 7 шт. валенок», «31.01 группа прошла 14 км и вечером пришла к перевалу р. Лозьвы, на то место, где у нас в последующем была вертолетная площадка», «На верху палатки обнаружен китайский фонарик, который находился ближе к входу». Также этот тип уточнений встречается в протоколе допроса Беришвили по делу Берии: «Я убежден, что советские разведчики за границей, а также дипломаты, в частности в Турции и во Франции, не могут не знать о культуре Берия за границей среди грузинских эмигрантов».

Помимо собственно уточнения места в протоколах допросов встречаются уточнения места с дополнительными оттенками, рассмотрим их подробнее.

1) *Уточнение места через указание на расстояние от реперной точки.* Этот тип уточнений в большей степени характерен для протоколов допроса свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова, хотя встречается и в других, в том числе современных, протоколах. Место в этом случае обозначается с помощью указания расстояния от какого-либо известного собеседнику ориентира, часто дополняется указанием еще и направления. Например, в протоколе допроса свидетеля Краснобаева по делу о гибели экспедиции Дятлова указывается только расстояние от реперной точки: «26го февраля 1959 года я по указанию начальника 8го лесоотделения т. Хакимова выехал в поселок Бахтиярова, где проживает пять семей манси. Этот поселок расположен от 100 квартала на расстоянии 36 км», тогда как в протоколе допроса свидетеля Дряхлых по этому же делу указывается и расстояние, и направление: «Этот поселок находится от пос. Вижай строго на север в 40 км», «Мы снова поднялись и полетели на Запад к Уралу и видели ясный след нарты манси, идущий на запад на Урал от юрт Бахтияровых от реки Вижая 1,5 км».

2) *Уточнение места через указание на совместное пребывание в нем автора и третьего лица.* В качестве определителя места в данном типе уточнений выступает уже не название или расположение относительно реперной точки, а факт совместного пребывания там автора и кого-то из участников описываемых событий, иногда этот тип может дополняться временным значением. Оформляется достаточно стандартно, главным образом, с помощью придаточного места. Этот тип уточнений часто встречается в протоколах допросов свидетелей по делу о взятке, причем встречается вариант как без временного оттенка, так и с ним (указание на регулярность действий): «Я лично в г. Новосибирске, где мы обе живем, но где точно было я не помню, передала ей свою

зачетную книжку», *«Я лично в г. Новосибирске, где именно не помню, скорее всего где-то возле станции метро, где мы обычно встречались, передала ей свою зачетную книжку».*

3) *Уточнение места через указание на наличие или отсутствие там какого-либо лица или объекта.* Здесь также речь идет о человеке или объекте как пространственном ориентире, однако совместное пребывание уже не акцентируется. Оформляется, как и предыдущий вариант, главным образом, с помощью придаточного времени. Например, в протоколе допроса свидетеля Краснобаева по делу о гибели экспедиции Дятлова данный тип уточнений встречается два раза: *«...выехал в поселок Бахтиярова, где проживает пять семей манси», «По прибытию в поселок, где в это время дома находились все манси», в протоколе допроса одного из свидетелей по делу из ДТП в Москве также встречается данный тип: *«Столкновение произошло в крайней левой полосе встречного направления движения, где ехал «Мерседес»».**

4) *Уточнение места через описание ландшафта.* Данный тип уточнений не опирается на конкретные пространственные или субъектно-объектные ориентиры и их относительное положение во времени и пространстве, а базируется на описании окружающей природы. В исследованных протоколах был встречен только в протоколе допроса свидетеля Краснобаева по делу о гибели экспедиции Дятлова: *«На это Бахтияровы Павел, Тимофей, Кирилл рассказали, что они были на охоте неделю тому назад на низких местах по направлению Уральского хребта».*

2. Уточнение направления. Указывается не конкретное место, а направление движения. Это достаточно распространенный тип уточнений, который встречается в большей части исследованных нами протоколов, где тема и экстралингвистические характеристики не противоречили его использованию (так, этот тип отсутствует в протоколах допросов по делу Берии). Этот тип неоднороден по своей семантике и способам оформления. В протоколах допросов по делу о ДТП эти уточнения имеют три типа оформления.

1) *Полное указание на путь следования с помощью словосочетаний «со стороны... в сторону» или «со стороны ... в направлении»:* *«Автомобиль следовал по проезжей части Ленинского пр-та в г. Москве, со стороны Калужской площади в сторону Университетского проспекта»;*

2) *Уточнение направления через указание на расположение там важного в данной коммуникативной ситуации лица или объекта:* *«... вправо, в мою полосу движения»;*

3) *Указание стороны, в которую осуществляется движение:* *«... автомашина изменяет направление своего движения влево и вправо».*

В протоколе допроса свидетеля Чернышева по делу о гибели экспедиции Дятлова направление используется для указания на место и чаще всего оформлено с помощью вставных конструкций в скобках или с помощью отдельного предложения: *«В самой палатке внизу были положены телогрейки (в сторону от склона), рюкзаки пустые были разложены по палатке. В этой же стороне палатки (к склону) у каждого лежали личные вещи», «В полутора километрах от палатки вниз по склону стоит кедр. Еще не доходя его метров 20 были обнаружены порезы ножом елочек», «6 или 7 пар следов мы насчитали от палатки вниз в ложину, а левее их, метрах в 20, или еще 2 пар следов».*

3. Уточнение пункта отправления или назначения. Указывается начальная или конечная точка движения. Использование данного типа сильно привязано к тематике документа, встречается достаточно редко. Оформляется, главным образом, с помощью обстоятельства места. Например, в протоколе допроса свидетеля Бахтиярова Н. по делу о гибели экспедиции Дятлова: *«Я приехал в г. Ивдель четыре дня назад вместе с Бахтияровым Николаем со своих юрт...».*

4. Уточнение маршрута. Этот тип уточнений также сильно связан с темой документа, обнаружен, главным образом, в протоколах допросов свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова и делу о ДТП в Москве. Выделяется два подтипа уточнений маршрута.

1) *Линейное описание маршрута*, когда автор отмечает последовательность точек, по которым совершается движение. Например, в протоколе допроса свидетеля Масленникова по делу о гибели экспедиции Дятлова линейное описание маршрута оформляется с помощью обобщающего слова и перечисления однородных членов после двоеточия: *«Маршрут группы Дятлова представлял собой кольцо, которое начиналось и оканчивалось в Вижае: Вижай – река Лозьва, пос. 2-й Северный, р. Аустия, г. Отортен, - по главному хребту на юг, до горы Ойко-Чакур, через верховья рек Пурмы и Вишеры – выход по реке Тошемке на Вижай».*

2) *Радиальное описание маршрута* – перечисляется ряд разных направлений, по которым следуют разные субъекты. Этот тип встречается только в протоколе допроса свидетеля Масленникова по делу о гибели экспедиции Дятлова и оформляется, подобно предыдущему варианту: *«Три группы манси вышли в поиски по маршруту: одна на Ойко-Чакур, другая – вдоль хребта и третья – на Отортен», «24, 25 и 26 февраля были заброшены: группа Гребенника на Ойко-Чакур, Чернышова – на перевал между реками Пурма и Вишера, Аксельрода – на Отортен, Слобцову было предложено следовать на р. Аустию».*

5. Уточнение адреса. Указывается конкретный адрес места, о котором идет речь. Этот вид также сильно зависит от темы документа, встречается только в тех протоколах, где указание адреса принципиально возможно, например, в протоколе допроса Беришвили по делу Берии: *«Рассказывал я это в Грузии, когда после перехода границы и явки к пограничникам был направлен Раповой в один из домов г. Тбилиси на улице Дзержинского, кажется № 13».*

Уточнения объекта

В эту группу входят семантические типы уточнений, без которых не обходится ни один протокол, они содержат дополнительную информацию об объектах речи, описывают их с качественной и количественной стороны, а также дают толкование термину или понятию, характеризуют объект как типичный или необходимый в данном контексте.

1. Уточнение объекта речи. Этот тип уточнений содержит дополнительную информацию об объекте речи, описывает характерные черты, не содержащие качественную или количественную оценку. Это может быть фамилия лица, о котором идет речь, как в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о взятке (*«От старости своей группы, Слудковой, мне было известно...»*), перечень конкретных объектов, входящих в обобщающее понятие, как это представлено в протоколе допроса свидетеля Аксельрода по делу о гибели экспедиции Дятлова (*«Игорь очень серьезно относился к жизни во всех её проявлениях (книги, учеба, наука – особенно, искусство)»*) или в протоколе допроса Беришвили по делу Берии (*«Грузинские писатели и поэты безмерно превозносят в своих произведениях (стихах, поэмах, повестях и романах) Берия»*) и т.п. Способ оформления зависит от семантической составляющей: для уточнения состава объектов характерно оформление с помощью однородных дополнений в скобках или после двоеточия, для одиночных уточнений – с помощью приложения.

2. Качественные характеристики объекта речи. Сюда относятся весьма разнородные характеристики объекта речи, объединяемые тем, что содержат его ту или иную квалификативную оценку. Набор конкретных значений очень велик и зависит от тематики текста, вопросов допрашивающего, экстралингвистических факторов, однако общая направленность – оценочное описание того или иного качества объекта речи, сохраняется во всех случаях. Синтаксическое оформление уточнений этого типа также может быть разным: приложение, придаточное определительное, однородные члены и т.п.

Например, в протоколе допроса свидетеля Согрина по делу о гибели экспедиции Дятлова уточнения качественных характеристик объекта речи отличаются разнообразием как с семантической, так и со структурной точки зрения: сравнительная оценка

доступности и сложности объекта речи, оформленная с помощью приложения: *«Первоначально поход предполагался проводиться на Приполярном Урале, но т.к. тот район требовал много времени, то от него отказались и избрали Северный Урал – район более доступный и легкий»*, оценка качества объекта речи, оформленная с помощью парцелляции: *«Снаряжением группа была обеспечена как любая другая туристская группа. А снаряжение это отвратительное»* и т.п. В протоколах по делу о ДТП в Москве также присутствует этот тип уточнений, в частности, оценивается скорость движения объекта речи, что оформляется с помощью придаточного определительного: *«Во встречном направлении двигался очень плотный поток транспорта, который ехал с небольшой скоростью»*.

3. Количественные характеристики объекта речи. Данный тип представляет собой количественную оценку объекта речи и в большей степени, чем кваликативная оценка, зависит от темы документа и экстралингвистических условий. Для лексического оформления данного типа характерно наличие числительных, с синтаксической точки зрения чаще всего используются приложения, вставки в скобках. Само значение количественной оценки тоже может отличаться в зависимости от экстралингвистических параметров. Например, в протоколах допросов свидетелей по делу о взятке дается характеристика порядкового номера объекта речи (*«После Нового года на последнем 4 курсе у нас должна была быть последняя сессия»*, *«Сейчас я учусь на последнем 6 курсе»*), в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о ДТП дается оценка скорости (*«Данная машина ехала значительно быстрее меня, со скоростью около 100 км/час»*), а также, как и в предыдущем случае, указывается порядковый номер (*«по крайней левой (5-й) полосе меня догоняет автомашина...»*).

4. Пояснение термина или понятия. К этому типу уточнений относятся определения тех или иных слов и понятий, расшифровка аббревиатур и т.п. Оформляется, как правило, вставкой в скобках или придаточным пояснительным с «т.е.». Например, в протоколе допроса свидетеля Масленикова по делу о гибели экспедиции Дятлова термин поясняется в скобках: *«...у них есть предложение организовать поход III категории (высшей) по Северному Уралу»*, *«группа устроила лабаз (склад)»*, в протоколе допроса свидетеля Аксельрода по тому же делу оно оформлено с помощью придаточного предложения: *«Дятлов ходил в зимнюю «тройку» со мной и поэтому ему в какой-то мере должен быть присущ мой «творческий почерк», если можно так выразиться, т.е. выбор пути на микроучастках, выбор ночлегов, пути восхождений и т.д.»*.

5. Указание на существование определенного обычая или традиции. Данный тип уточнений описывает объект как определенную традицию или обычай. Эти уточнения

часто представляют собой отступление от темы, нарушение максимы релевантности. Синтаксически обычно оформляется отдельным предложением или вставкой. Например, в протоколе допроса свидетеля Согрина по делу о гибели экспедиции Дятлова автор говорит о существовании традиций и обычаев у альпинистов, оформляется это отдельным предложением: *«В секции наблюдается некоторая группировка её членов. Называются такие группы обычно по фамилии её наиболее инициативного товарища – обычно руководителя группы»*, *«Это могло быть и в 5 часов, и в 6, или даже раньше... В альпинистской практике встают еще раньше, о чем Дятлов, конечно, знал»*. В протоколе допроса Беришвили по делу Берии данный тип уточнений оформляется с помощью вставки: *«мой дядя Ной Рамшвили – б. министр внутренних дел при меньшевиках прочитал в тбилисской газете «Коммунист» (а газету мы выписывали) о назначении Берия на какую-то должность»*.

6. Указание на существование определенного правила или порядка. Этот тип уточнений схож с предыдущим, однако носит более категоричный характер, кроме того, часто присутствует ссылка на какой-либо документ. Как и предыдущий тип, оформляется, чаще всего, отдельным предложением или приложением.

Например, в протоколе допроса свидетеля Масленникова по делу о гибели экспедиции Дятлова данный тип уточнения приводится со ссылкой на документ или на сам факт существования определенного порядка: *«По положению, маршрут III категории должен не менее 8 дней (из 16-ти) проходить по малонаселенной местности»*, *«Существует такой порядок, что поход находится на контроле в 2-х организациях – в организации, которая их финансирует и направляет – спортивный клуб и организация, контролирующая – это городской комитет по делам физкультуры и спорта»*.

Уточнения субъекта

Эта группа уточнений в меньшей степени, чем предыдущая, характерна для протоколов допроса. Эти уточнения содержат информацию, позволяющую максимально точно описать субъект действия.

Типология уточнений этой группы строится на выделении семантических ролей (Ч. Филлмор, Ю. Д. Апресян) и рассматривает такие типы семантических ролей, как агенс, пациенс и суперагенс.

Агенс рассматривается нами как прямой субъект действия, тот, кто направляет действие на других участников коммуникации. Ч. Филлмор отмечал, что агенс является одушевленным субъектом, непосредственно осуществляющим или контролирующим действие [Филлмор, 1981].

Пациенс - субъект, на который направлено действие агенса, обладающий минимальной свободой действий. Это участник, претерпевающий воздействие.

Суперагенс – участник ситуации, от имени и «по волеизъявлению которого агенс выполняет то или иное действие» [Палашевская, 2015, с. 107].

Не во всех случаях семантическая роль в уточнении однозначно акцентируется, поэтому, помимо типов уточнений, соотносимых с указанными семантическими ролями, мы будем выделять уточнения субъекта, при котором роли не конкретизируются. Соответственно, мы выделяем такие типы уточнений, как уточнение участников событий без выделения ролей, уточнение агенса, уточнение пациенса, уточнение суперагенса.

1. Уточнение участников событий без выделения ролей. Этот тип уточнений встречается в нескольких протоколах допросов по разным делам и разного времени, он содержит информацию об участниках событий. Синтаксическое оформление схоже: сперва идет обобщающее слово или его пропуск, после чего следует группа однородных членов или одиночное дополнение. Например, в протоколе допроса А.Я. Герцовского по делу Берии уточняется должность участника событий: *«Весной 1951 г. Абакумов передал мне записку, написанную рукой Саркисова — начальника охраны Берия, в которой...»*, а также перечисляются конкретные фамилии *«Там мне запомнились фамилии — Морозова, Карпова и Приходько»*.

2. Уточнение агенса или состава агентов. Данный тип уточнений достаточно распространен и оформляется с помощью однородных подлежащих, придаточных или отдельных предложений. Примеры использования однородных придаточных для уточнения агенса можно встретить, например, в протоколах допросов свидетелей Бахтияровых, Лопатиной, Краснобаева, Масленникова по делу о гибели экспедиции Дятлова, в протоколе допроса Герцовского по делу Берии и т.п.

Так, в протоколе допроса Бахтиярова Н.Г. уточнение оформляется двумя или целой группой однородных подлежащих: *«Там проживают кроме меня с семьей мой брат родной Бахтияров Петр Якимович с семьей, родственник Бахтияров Павел Васильевич с семьей и мой родственник Бахтияров Сергей Савельевич и его брат Бахтияров Прокопий Савельевич»*, *«В юртах в то время находились одни женщины, а мы все мужчины искали оленей»*.

В протоколе допроса Бахтиярова П.С. уточняемое слово и уточнение пространственно разнесены: *«Мы в это время ходили искать оленей, в то время как сел вертолет около юрт, Петр, Никита, я, Николай»*.

В протоколе допроса Герцовского по делу Берии уточняется состав агентов в одном случае: *«В последних числах ноября 1939 года, в субботу, Петров и его два*

заместителя – Баштаков, я и помощник Калинин, в 4 часа ночи, закончив работу, на одной машине поехали домой – по своим квартирам» и должность агенса в другом: «Знаю, что Федотов, ныне начальник I Главного управления МВД СССР, а тогда работавший начальником контрразведного управления, участвовал при вскрытии трупа Петрова».

3. Уточнение пациенса. Этот тип уточнений встречается заметно реже, чем предыдущий. Основной способ синтаксического оформления – существительное в родительном, реже творительном падеже. Например, в протоколе допроса свидетеля Масленникова по делу о гибели экспедиции Дятлова преобладает первый способ оформления: «Дятлов тогда назвал кандидатуру Колмогоровой и некоторых других лиц», «27.02 мы сняли с маршрутов группу Чернышова и перебросили ее на высоту «1079», группу Курикова, группу Аксельрода и туда же перебросили группу ИТЛ Моисеева с собаками», в протоколе допроса Мелиховой по делу Берии – второй: «Голубев предложил поговорить со своей приемной матерью – старой коммунисткой-подпольщицей Батуриной. Батурина являлась женой одного из редакторов «Правды» в дореволюционное время – Батурина».

4. Уточнение суперагенса. Суперагенс сходен по роли с агенсом, однако обладает еще большей свободой, обычно обозначает субъект, по указанию которого совершается то или иное действие. Уточнение суперагенса встречается достаточно редко, поэтому говорить о преобладающем способе оформления некорректно. В протоколе допроса свидетеля Краснобаева по делу о гибели экспедиции Дятлова оформлено с помощью обстоятельства причины с зависимыми от него членами предложения: «Примерно 26го февраля 1959 года я по указанию начальника 8го лесотделения т. Хакимова выехал в поселок Бахтияровых...».

Уточнения отношения автора или третьего лица к описываемым событиям

Этот тип уточнений описывает отношение автора к сообщаемым событиям с позиции его осведомленности, уверенности в достоверности сообщаемого, соответствия или несоответствия его личному мнению или опыту.

1. Указание на неуверенность, неосведомленность или незаинтересованность автора. Это один из самых частых способов прямого выражения неуверенности автора в достоверности сообщаемого, а также отказа сообщать информацию, правдивость которой он не может подтвердить. Наличие этого типа уточнений во многом обусловлено экстралингвистическими факторами, поскольку является следствием требований закона сообщать только достоверную информацию, и наличием уголовного наказания свидетелей за сообщения заведомо ложной информации. Этот тип уточнений встречается в

подавляющем большинстве протоколов допроса. Оформляется указание на неосведомленность или незаинтересованность автора весьма разнообразно: с помощью части простого или сложноподчиненного предложения, а также отдельного предложения, с помощью вставки и т.п. Например, в протоколе допроса свидетеля Дряхлых по делу о гибели экспедиции Дятлова уточняется неосведомленность автора и ее причины, встречается несколько способов оформления: с помощью отдельного предложения («...прибыла группа туристов в количестве 10 человек. С лыжами и вещами. Лыж у них было 10 и у каждого по рюкзаку. Фамилии их и имя я не знаю»), придаточной части сложного предложения («Студент сказал, что отправляемся на 2-й северный рудник, а далее на хребет Урала, конкретно не сказал»), главной части сложного предложения («О том, что привез обратно одного студента он мне не сказал и я не спрашивал и этого студента лично не видел»). В протоколе допроса одного из свидетелей по делу о взятке уточняется неуверенность говорящего, преобладает оформление с помощью вставки: «После того, как я перевела ей деньги, то спустя несколько дней, также в сентябре 2016 года, дату точно не помню, я лично в г. Новосибирске, где мы обе живем, но где точно был я не помню, передала ей свою зачетную книжку», «...в начале января 2017 года, точную дату я не помню, я опять обратилась к ней и также попросила помочь за деньги проставить отметки о сдаче зачетов и экзаменов...».

2. Указание на осведомленность и уверенность автора. В отличие от предыдущего типа, указание на осведомленность и уверенность встречается крайне редко, в связи с чем определить характерное оформление не представляется возможным. Наличие в тексте уточнений этого типа зависит как от экстралингвистических факторов (реальной осведомленности говорящего), так и от личности информанта, его коммуникативной цели. Примеры данного типа уточнений находим в протоколе допроса свидетеля Уварова по делу о гибели экспедиции Дятлова: «Молебную гору манси не охраняют и мне точно известно на молебную гору русские допускаются манси», «Мне известно, что манси имеют молебную гору и я ее знаю и был на ней».

3. Указание на эмоционально-оценочное отношение говорящего к объекту речи. Редкий вид уточнений, что связано с ограниченным проявлением субъективного начала в протоколах допроса. К этому типу относятся указания на личное мнение говорящего, его оценка каких-то событий, действий. Оформляется, чаще всего, с помощью вставки или придаточного причины. Например, в протоколе допроса Беришвили по делу Берии уточняется, что сообщаемая информация является личным мнением информанта: «Сейчас я могу привести некоторые факты, которые частично подтверждают, с моей точки зрения, то, о чем я показал ранее», в протоколе допроса

одного из свидетелей по делу о взятке уточняется оценка информантом совершаемых действий: *«О том, что деньги за проставление отметок передавались именно ему я не знал, т.к. мне это было безразлично...»*, в протоколе допроса свидетеля Аксельрода по делу о гибели экспедиции Дятлова указывается отношение говорящего к самому способу изложения информации: *«Дятлов ходил в зимнюю «тройку» со мной и поэтому ему в какой-то мере должен быть присущ мой «творческий почерк», если можно так выразиться»*.

4. Ссылка на собственный опыт. Говорящий оценивает событие или действие с позиции того, как он сам поступал или поступил бы в данной ситуации. Эмотивная составляющая данного типа меньше, чем предыдущего, поэтому встречается он несколько чаще. Оформляется отдельным предложением или даже группой предложений. Например, в протоколе допроса свидетеля Согрина по делу о гибели экспедиции Дятлова несколько раз встречается этот тип уточнений, при этом оформляется он отдельным предложением: *«Свободным поиском осмотрели всю долину до р. Лозьвы, а также высоту 880 метров и все её скаты. Сам лично принимал участие в зондировании долины и осмотре высоты 880 метров», «Это могло быть и в 5 часов, и в 6, или даже раньше. Я сам в походе по Приполярному Уралу поднял свою группу в 4 часа, что б в 6.00 выйти на восхождение на г. Неройку»*. В протоколе допроса свидетеля Попова по тому же делу встречается такое же оформление ссылки на личный опыт: *«В первых числах февраля месяца 1959 года в поселке Вижай были сильные ветры. Ветер поднимал массу снега и наносил сугробы (хотя осадков практически не было, были на открытых местах занесены дороги. Я проживаю в поселке Вижай 1951 года таких ветров не помню, что были в первых числах февраля 1959 г.»*.

5. Указание на эмоционально-оценочное отношение других лиц. Отличается от третьей группы субъектом оценки, чаще встречается в протоколах допросов, оформляется частью сложного предложения или самостоятельным предложением. Например, в протоколе допроса Уварова по делу о гибели экспедиции Дятлова встречается несколько раз и оформляется либо частью сложного предложения (*«И когда находишься и услышишь все это становится очень жутко и страшно и люди, ранее не слышавшие все это могут испугаться»*), либо самостоятельным предложением (*«Молебную гору манси не охраняют и мне точно известно на молебную гору русские допускают манси и они не препятствуют этому и не оказывают физического или иного какого-либо воздействия русским, когда последние идут на молебную гору как мужчины, а также женщины. И зло какое-либо на русских у манси за это не вызывалось»»*).

6. Ссылка на чужое мнение или опыт. Значение сходно с предыдущими типами, отличается лишь субъектом, к которому апеллирует автор, встречается также нечасто. Оформляется с помощью вводных конструкций, придаточного или отдельного предложения. Например, в протоколе допроса Беришвили по делу Берии ссылка на чужое мнение оформлена с помощью вводной конструкции: *«Между прочим Джоджуа мне в одной из бесед ответил, что, по его мнению, а также по мнению других лиц в Грузии, на месте Сталина наверно будет Берия»*, в протоколе допроса свидетеля Краснобаева по делу о гибели экспедиции Дятлова ссылка на чужое мнение и чужие слова оформлена с помощью части сложного предложения: *«Они до моего приезда не знали в отношении гибели туристов, так заявили они», «Последние интересовались не нашли ли погибших туристов, сами они в отношении их ничего не знали».*

7. Ссылка на источник информации. Этот тип сходен со ссылкой на личное или чужое мнение, однако отличается более объективным характером. Оформляется, как правило, с помощью вставки или придаточного предложения. Например, этот тип встречается в протоколе допроса свидетеля Согрина по делу о гибели экспедиции Дятлова: *«31 января после хорошей ночевки группа вышла в верховья р. Ауспи, где предполагала сделать лабаз и налегке сходить на Отортен (Это мне известно из беседы с Дятловым перед походом)»*, а также в протоколе допроса свидетеля Уварова по этому же делу: *«Эта гора как я смотрел на карте находится южнее примерно 40 км от горы, где погибли туристы».*

Логические уточнения

Данная группа уточнений содержит информацию о логических отношениях между объектами, событиями, действиями и т.п. и, в большинстве своем, пересекается со значениями такого члена предложения, как обстоятельство. Большая часть типов уточнений, входящих в эту группу, относится к редким и может выступать как показатель авторской речи.

1. Уточнение цели. Данный тип уточнений дает характеристику тому, для чего производится или производилось то или иное действие. Оформляется с помощью обстоятельства цели или придаточного обстоятельственного с тем же значением, а также отдельным предложением. Так, в протоколе допроса свидетеля Брусницына по делу о гибели экспедиции Дятлова уточнение цели вынесено в два отдельных предложения и содержит, помимо собственно уточнения цели, также уточнение объектов речи: *«Для решения этой задачи разбились на три отряда. Один должен был отыскать затерянный след или установить его направление. Другие искали продовольственный склад и выход».*

группы Дятлова из долины р. Аустия на Юг». В протоколе допроса прокурора Темпалова по тому же делу уточнение цели представлено придаточным цели: «Другой отряд несколько южнее этой горы, и еще один отряд направить в горы южнее г. Отортен 20-25 км, имея в виду чтобы организовать поиски в горах Северного Урала на расстоянии 30-35 км», аналогично и в одном из протоколов допроса по делу о ДТП в Москве: «Я, чтобы избежать аварийной ситуации, перестроился правее».

2. Уточнение причины. Этот тип уточнений сообщает о том, почему произошло, происходит или произойдет то или иное событие или совершено то или иное действие, и имеет большее распространение, чем уточнение цели. Оформление сходно с предыдущим случаем: придаточное обстоятельственное (только со значением причины), обстоятельство причины, либо самостоятельное предложение (или группа предложений), изредка – часть бессоюзного предложения. Достаточно часто встречается этот тип уточнений в протоколе допроса свидетеля Брусницына по делу о гибели экспедиции Дятлова, при этом чаще он оформляется с помощью части бессоюзного сложного предложения («В этот день группа сильно устала: сказывался постоянный подъем и глубокий снег в этом районе», «Сначала у них ничего не ладилось: не хватало опыта организатора и, основное, никак не могли укомплектовать группу»), и реже – с помощью отдельного предложения («Все сложные походы проходили обязательно под его руководством и всегда удачно, кроме одного: поход по Кавказу в котором все участники были недовольны Игорем, как руководителем. В то время он несколько зазнался, да и группа подобралась не по характерам»). В протоколе допроса одного из свидетелей по делу о взятке также встречается данный тип уточнений, он оформлен с помощью придаточного причины: «С начала 2017 года у меня стала пятидневная рабочая неделя и соответственно я не могла посещать занятия, т.к. с работы не отпускали», «в допросе я указала про все предметы, так как помню, что платила деньги за все предметы...».

3. Уточнение-уступка. Сюда относятся все уточнения, указывающие на то, что то или иное событие или действие произошло или происходит вопреки чему-то. Уточнения этого типа содержат информацию об обстоятельстве, препятствующем или корректирующем ситуацию, о которой идет речь в главной части, однако полностью не отменяющем ее, сходны по значению с союзами «хотя», «несмотря на». Это достаточно редкий вид уточнений – хотя сами уступительные отношения встречаются в протоколах допросов, они чаще вынесены в основную часть информации. Оформление уточнений этого типа обычно выражено придаточной частью сложного предложения с союзами «хотя», «но», «что», зависимой частью бессоюзного предложения с уступительной связью, либо вставкой. Например, в протоколе допроса свидетеля Масленникова по делу о

гибели экспедиции Дятлова мы встречаем несколько вариантов оформления уточнений со значением уступки: оформление сложносочиненным предложением с союзом «а» (*«Около 3-3.30 дня я позвонил Уфимцеву и он сразу же мне сказал, что нет группы Дятлова, что контрольный срок у нее 12.02, а они не возвратились»*) и придаточным обстоятельственным (*«В палатке нами было обнаружено несколько обрывков шерстяных вещей, причем сами эти вещи нами обнаружены не были»*). В протоколе допроса одного из свидетелей по делу о ДТП в Москве уточнение с уступительным значением вводится с помощью союза «несмотря на»: *««Ситроен» неожиданно начал перестраиваться вправо, в мою полосу движения, несмотря на то, что моя машина создавала помеху для движения «Ситроена»».*

4. Уточнение-следствие. Данный тип уточнений содержит информацию, которая выводится как следствие, итог из основной части, сходно по значению с союзом «поэтому». Редкий тип уточнений, выражен, как правило, придаточным со значением следствия и союзом «поэтому» либо отдельным предложением. Например, в протоколе допроса Масленникова по делу о гибели экспедиции Дятлова встречаются оба варианта: *«Колмогорова Зина, например, имела 6 походов, в том числе 4 похода 2 категории и 1 поход 3 категории. Она уже имела право получить второй разряд», «27.02 мы сняли с маршрутов группу Чернышова и перебросили ее на высоту «1079», группу Курикова, группу Аксельрода и туда же перебросили группу ИТЛ Моисеева с собаками. Там оказалось 7 групп», «Палатка была растянута на лыжах и палках, забитых в снег, вход ее был обращен в южную сторону и с этой стороны растяжки были целы, а растяжки северной стороны сорваны и поэтому вся вторая половина палатки оказалась завалена снегом».*

5. Уточнение-аргументация. Тип уточнений, содержащий информацию, подтверждающую, поясняющую позицию автора. По сравнению с уточнением причины, аргументация более развернута и разнообразна. Наличие аргументирующего уточнения в тексте может быть связано как с вопросами допрашивающего, просьбами пояснить что-либо, так и с особенностями речи информанта, его стремлением придать своим словам больший вес. Синтаксическое оформление аргументации может быть разным. Это могут быть и отдельные предложения, и вставки в скобках, и придаточное изъяснительное или причины. В протоколе допроса свидетеля Аксельрода по делу о гибели экспедиции Дятлова встречаются уточнения, представляющие собой вставку (*«В половине четвертого ночи я был в институте, а утром стал настаивать перед Слободным о своем отъезде в Ивдель мотивируя своё требование опытом (я единственный в Свердловске, у кого четыре зимних похода высшей категории трудности)»*), отдельное предложение (*«У нас*

шел разговор о многом, в частности о походе, я рекомендовал Дятлову поддерживать в походе железную дисциплину с тем, чтобы выходить как можно раньше. Лучше иметь время в запасе, чем нагонять его», «Лично мне буквы кажутся угловатыми, а почерк похожим на золотаревский, но со значительными изменениями. На морозе это возможно»), придаточное изъяснительное («Под коленями, грудью, т.е. частями тела, на которые распределялась тяжесть лежавшего человека, был слой полульда-полуснега толщиной около 70 – 80 мм, что позволило мне сделать вывод о том, что Слободин умер не мгновенно»). В протоколе допроса свидетеля Согрина по этому же делу чаще встречаются придаточные причины или отдельные предложения: «Из всего что я там узнал, стало ясно, что настоящие и плановые поиски начались только с приезда т. Масленникова, т.к. собравшаяся там компания совершенно не была компетентна в вопросах туризма и организации спасательных работ», «Склон, на котором стояла палатка не представляет никакой опасности. Крутизна склона 15-18°».

6. Уточнение-присоединение. Данный тип уточнений содержит дополнительную информацию, ремарки, замечания по поводу того, о чем говорилось в основной части. Этот тип уточнений не маркирует какой-либо объект, субъект, пространственную или временную локализацию, или отношение к чему-либо, он призван акцентировать внимание на какой-то детали, важной по мнению говорящего, разъяснить какую-то мысль. Обычно оформляется вставкой в скобках, частью сложного предложения, отдельным предложением. Например, в протоколе допроса свидетеля Аксельрода по делу о гибели экспедиции Дятлова преобладает вставка: «Дятлова я в то время знал плохо, так что первое наше знакомство относится к 1956 году (имея в виду близкое знакомство)», «После окончания секции Дятлов и Колмогорова (она тоже была на этой секции) провожали меня до здания областной партийной школы». В протоколе допроса одного из свидетелей по делу о взятке чаще встречается отдельное предложение: «... решила вопрос с проставлением отметок за экзамены и за курсовую. Курсовую работу я также не писала». В протоколе другого свидетеля по этому же делу преобладают придаточные изъяснительные: «За это она попросила передать ей 42 000 рублей, что я сделала практически сразу в этот день».

7. Уточнение-предположение. Этот тип уточнений встречается не так часто, как указание на неосведомленность информанта, что, вероятно, связано, с осознанием им ответственности за свои слова. Оформляется чаще всего вводным словом со значением предположения. Например, в протоколе допроса свидетеля Брусницына по делу о гибели экспедиции Дятлова этот тип уточнений оформляется вводным словом: «На следующий день они, вероятно, встали несколько позже обычного, решили делать лабаз, т.к. место

оказалось удобное», в протоколе допроса свидетеля Аксельрода по тому же делу этот тип уточнения оформляется парцелляцией: «Дятлов, руководитель группы, верный товарищ, идёт на поиски отставших и там замерзает. А может быть вслед за ним уходит искать Дятлова и Слободина Колмогорова».

8. Уточнение результата. Достаточно редкий вид уточнений, отличающийся от уточнения-следствия, главным образом, объектом речи: следствие представляет собой вывод, умозаключение, а результат – эффект от каких-либо действий. Сделать какой-либо вывод о наиболее типичном способе синтаксического оформления этого типа уточнений не представляется возможным в связи с его слабой встречаемостью. Так, он встречается в протоколе допроса свидетеля Аксельрода по делу о гибели экспедиции Дятлова, где представляет собой часть бессоюзного сложного предложения, семантически маркированную как результат: *«Этот метод дал результаты: 5 марта под снежным, толщиной наименьшей в 350 мм, настом был найден один из участников погибшей группы Рустем Слободин».*

Завершая этот параграф, обобщим все сказанное выше. Уточнения являются характерной чертой протоколов допроса, обусловленной коммуникативными целями как составителя, так и информанта. Приведенная классификация демонстрирует основные, но, вероятно, не все типы уточнений, которые могут встречаться в текстах протоколов, поскольку набор типов уточнений в каждом конкретном тексте формируется целым комплексом факторов. Одни типы и подтипы зависят от темы текста и экстралингвистических признаков, другие – результат законодательных требований к тексту протокола, третьи характерны для речи составителя, какие-то – для речи информанта. От этого зависит и возможность их использования для идентификации авторства. Более подробно использование уточнений в автороведческой экспертизе будет рассмотрено в параграфе, посвященном возможности выделения авторских черт в тексте протокола допроса.

2.1.3.3. Синтаксическая организация текста протокола допроса

Синтаксис протокола допроса меньше подвержен влиянию стиля и жанра, он в большей степени отражает речь составителя документа, но и здесь можно выделить некоторые жанровые тенденции.

В целом, для текстов протокола допроса характерна синтаксическая оформленность и завершенность, однако степень проявления этого признака во многом зависит от лица, осуществляющего фиксацию документа.

Можно выделить следующие синтаксические черты.

1. Преобладание прямого порядка слов. Прямой порядок, соответствующий грамматической норме, в большинстве случаев обеспечивает однозначность толкования предложений, легкое и быстрое восприятие информации адресатом. Использование инверсии может быть оправдано разными факторами, например, передачей речи допрашиваемого, невысоким уровнем грамотности составителя, конкретизации объекта речи и т.п. В любом случае, отклонение от нейтрального порядка слов является маркером отступления от жанровых канонов.

2. Одинаковая частотность использования простых предложений и сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными или определительными. Это свойство определяется повествовательным характером текста протокола допроса – протокол построен как рассказ о событиях, участником или очевидцем которых стал допрашиваемый. Возможно, использование простых предложений связано с необходимостью фиксации в условиях ограниченного времени, а также максимально кратко и четко, а употребление сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными или определительными обусловлено задачей охарактеризовать объект речи, описать его, указать на какие-то его свойства и т.п.

3. Осложнение простых и сложных предложений однородными сказуемыми и дополнениями, а также причастными оборотами. При этом значение осложняющих компонентов может зависеть как от темы документа, так и от языковой личности составителя. Некоторые значения характерны для жанра протокола допроса в целом. Например, в протоколах допроса, записанных прокурором-криминалистом Ивановым, часто встречаются однородные сказуемые со значением фазы, этапа действия: *«Один из них стал что-то писать, а когда кончил писать, то заключил письмо в конверт. Адреса не написал, а передал второму манси», «Мы должны были высадиться в верховье реки Пурмы, примерно в 25 км от перевала вершины «1079», перейти перевал и обследовать верховье реки Вишеры»*. В протоколе допроса свидетеля по делу о ДТП в Москве также используются однородные сказуемые со значением последовательности действий: *«После этого я вернулся в свою машину и уехал с места происшествия»*. Использование однородных сказуемых со значением фазы, этапа, последовательности действий, как и предыдущее свойство, обусловлено повествовательным характером текста, рассказом о событиях, последовательность которых важна для их правильной юридической оценки.

Причастные обороты в качестве способа осложнения предложений также достаточно часто встречаются в протоколах допросов. Например, в протоколе допроса свидетеля по делу о гибели экспедиции Дятлова используются причастные и деепричастные обороты: *«Можно полагать, что у костра кроме обнаруженных Дорошенко и Кривонищенко были и другие лица», «Начиная от палатки в 30-40 метрах обнаружены явные, хорошо различимые следы ног людей».*

4. Частое использование сложных предложений с перечислением. Например, в протоколе допроса свидетеля Краснобаева по делу о гибели экспедиции Дятлова перечисляются лица, присутствовавшие в определенном месте: *«По прибытию в поселок, где в это время дома находились все манси, в том числе Бахтияров Тимофей, Бахтияров Николай, Бахтияров Александр, Бахтияров Кирилл и Бахтиярова Соня».* Эта черта также связана с повествовательным характером и требованием точности и конкретности речи.

5. Предпочтение в сложноподчиненных предложениях цели конструкций с придаточным союзом «чтобы», вместо «для того, чтобы». Вероятно, здесь сказывается влияние первичного устного жанра, в котором реализуется тенденция экономии речевых усилий и, как следствие, предпочтительное использование коротких конструкций. Например, в одном из протоколов допросов свидетелей по делу о взятке встречается следующая конструкция: *«Сама планирует платить деньги, чтобы проставить отметки».*

6. Обилие уточняющих и пояснительных конструкций. Уточнения играют важную роль в тексте протокола, анализу их семантики и структуры в текстах этого жанра был посвящен предыдущий параграф, поэтому здесь мы не будем на них подробно останавливаться.

7. Использование союза «поэтому» как средства связи не только частей сложных предложений, но и отдельных предложений в тексте. Например, в тексте протоколов допроса свидетеля по делу о взятке часто встречается парцелляция, при которой второе предложение связывается с первым при помощи союза «поэтому»: *«От старосты нашей группы я узнала, что многие студенты платят, чтобы им проставили отметки о сдаче зачетов и экзаменов без их фактической сдачи. Поэтому, в сентябре 2013 года я позвонила ей и попросила помочь решить проблему таким образом».*

Синтаксис протокола допроса в целом отражает тенденции двух противоположных стилей: разговорного, с его стремление к экономии языковых усилий и, как следствие, упрощением союзных сочетаний и других конструкций, обеспечивающих связность речи; и официально-делового с его стремлением уместить весь текст в одно предложение

и, следовательно, высокой степенью распространенности и осложненности предложений. Это дополняется обилием уточняющих и поясняющих конструкций, отражающих задачи конкретного жанра.

2.1.3.4. Стилистическая организация протокола допроса

На стилистическом уровне отмечаются как черты, характерные для официально-делового стиля в целом, так и некоторые специфические особенности жанра протокола допроса.

К первой группе можно отнести следующие черты.

- 1) Частое использование аббревиатур. Например, «ДТП», «студент УПИ», «ВТБ».
- 2) Использование сокращений даты и времени. Например, в протоколе допроса свидетеля Бахтиярова Н. по делу о гибели экспедиции Дятлова: *«Я узнал, что ищут туристов 21 или 22/II 59 г.»*.

- 3) Наименование человека по роду деятельности. Например, в протоколе допроса свидетеля Чернышева по делу о гибели экспедиции Дятлова: *«В мою группу входили: капитан Власов, старшина Сидоров, ст. сержант Верховский и вольнонаёмный Яблонский»*.

- 4) Обилие канцеляризов. К этой группе относятся такие слова, как «клиент», «приобретать», «подсобное помещение», «надбавка», «имею на иждивении», «вышел с места жительства» и т.п. Так, в тексте протокола допроса свидетеля по делу о финансовых махинациях представлен следующий фрагмент: *«В 2008 году стали учредителем ООО, видом деятельности общества является разработка приборов медицинского назначения»*. В тексте протокола допроса свидетеля по делу о взятке также используются канцеляризмы: *«Она предложила решить вопрос и заплатить за проставление зачетов и экзаменов»*.

К собственно жанровым можно отнести следующие стилистические черты протокола допроса.

- 1) Смешение официально-делового и разговорного, иногда научного стилей. Является следствием устного характера первичного текста и во многом зависит от уровня языковой компетенции как составителя, так и информанта. В некоторых случаях это смешение ярко выражено, как, например, в протоколе допроса свидетеля Лопатиной по делу о гибели экспедиции Дятлова, встречаются вкрапления просторечий: *«Все братовья*

и сестры живы. Один брат проживает в г. Ивдель и работает кочегаром в пос. Ивдель. Его имя Горбунов Дмитрий».

2) Использование оперативно-розыскной терминологии и профессионализмов. Например, употребление таких слов и словосочетаний, как «*противоправная деятельность*», «*участствующее лицо*», «*досмотр*», «*оперативно-розыскное мероприятие*», «*протокол*», «*деяние*» и т.п. в протоколе допроса обвиняемого по ст. 234 УК РФ. В этом же тексте можно выделить фрагмент с большим количеством подобной терминологии: «*14.11.2013 г. я и второе участвующее лицо были приглашены сотрудниками Управления ФСКН России по Новосибирской области для проведения оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка»*». Частота и регулярность употребления в тексте протокола допроса такой лексики зависит от степени выраженности языковых личностей составителя и информанта в тексте. Обилие терминологии и профессионализмов из оперативно-розыскной сферы говорит о сильной обработке текста составителем и слабой передаче речи допрашиваемого.

В целом стилистика жанра протокола допроса отражает смешение официально-делового стиля, в котором составляется протокол допроса, и разговорного, к которому отчасти относится инициальный жанр.

2.1.3.5. Прагматическая организация протокола допроса

Прагматика текста протокола допроса определяется некооперативным характером коммуникативной ситуации допроса (внутренней коммуникативной ситуации) и кооперативным характером интрапрофессионального общения (составителя протокола и судьи) во внешней коммуникативной ситуации. Это противоречие кооперативного и некооперативного стиля поведения участников коммуникации неизбежно отражается в тексте протокола допроса нарушением коммуникативных максим и, в некоторых случаях, принципа кооперации.

Рассмотренные в главе 1 коммуникативные максимы Г.П. Грайса отражают настрой собеседников на эффективную коммуникацию и достижение общих коммуникативных целей, их нарушение, как отмечалось в главе 1, может маркировать как нарушение принципа кооперации, так и реализацию особой коммуникативной цели участников или быть показателем целого жанра (например, жанра анекдота, пародии и т.п.). Однако в случае с протоколом допроса ситуация несколько иная. Поскольку жанровыми доминантами протокола допроса являются точность (в том числе, однозначность передаваемых смыслов) и конкретность, требованием жанра может быть

обусловлено лишь нарушение максим количества. Нарушение же максим способа и релевантности скорее будет связано с реализацией коммуникативной цели одного из участников.

В протоколе допроса нарушаются обычно три из четырех выделенных Грайсом групп максим: количества, способа и релевантности.

1) Нарушение максим количества. Данная группа максим призывает не говорить больше или меньше, чем того требуется. Для текста протокола допроса, с одной стороны, характерна речевая избыточность, сильная детализация при описании событий, объектов или действий [Антонова, 2010], с другой стороны, некооперативный диалог и наличие собственной коммуникативной цели у информанта может привести, напротив, к сообщению недостаточного количества информации. Нарушение максим количества проявляется обилием лексических повторов, синонимичным повторением ситуации, синтаксическим параллелизмом.

2) Нарушение максим релевантности. Максимы релевантности призывают не отклоняться от темы речи, однако в протоколе допроса нередко встречается ситуация, когда информант, преследуя свою коммуникативную цель, намеренно или ненамеренно стремится перевести разговор на другую, вероятно, более важную с его точки зрения тему, составитель же по каким-то причинам (возможно, подчиняясь требованию закона максимально полно передавать речь допрашиваемого) переносит эту информацию в текст протокола. Например, в протоколе допроса свидетеля Бахтиярова по делу о гибели экспедиции Дятлова допрашиваемый несколько раз возвращается к волнующей его теме болезни брата: *«Мой брат Петр Якимович больной туберкулезом, и он плохо ходит, даже на охоту никогда не ходит. Молебный камень у нас находится сейчас на горе Ойка-Чахл в вершинах р.Вижай, и я точно знаю, что эта молебная гора никуда не перенесена. Русским мужчинам и женщинам не запрещено на эту гору ходить. Эта гора манси никогда не охранялась и не охраняется. Мне искать туристов некогда, т. как у меня 1200 голов оленей под охраной и мне надо пасти, много волков. Прокопий Бахтияров может пойти искать, а брат Петр болен даже на охоту не ходит».*

3) Нарушение максим способа. Данная группа максим призывает выражаться ясно, избегать неоднозначности и является одной из основных для официально-делового стиля. Тем не менее, в протоколе допроса эта группа максим может нарушаться, что связано с реализацией разных коммуникативных целей составителем и информантом, а также с уровнем языковой компетенции каждого из участников допроса. Это проявляется, главным образом, в нарушении лексической сочетаемости, порядка слов и т.п.

Таким образом, из всех выделенных Г.П. Грайсом коммуникативных максим, реже всего в протоколе допроса нарушаются максимы качества, в частности, та из них, которая постулирует необходимость не говорить то, что заведомо ложно. Соблюдение этой максимы в протоколе допроса и в самом допросе, как уже отмечалось, вероятно, связано с наличием уголовной ответственности свидетеля и потерпевшего за сообщение заведомо ложной информации, поэтому ее нарушение в явном виде в текстах этого жанра встречается крайне редко.

Представленная нами жанровая модель протокола допроса подробно характеризует языковые черты текстов на разных уровнях, что позволяет использовать ее для разработки идентификационных признаков и методики автороведческого анализа. Кроме того, настоящая модель описывает особенности коммуникативной ситуации и роли участников, что позволяет не только выделить языковые черты, но и объяснить их природу в текстах протоколов. В частности, двойственная коммуникативная ситуация определяет смешение официально-делового и разговорного (в некоторых случаях и других) стилей, которое ярче всего проявляется на синтаксическом и стилистическом уровне; с требованием точности и конкретности передачи информации составителем связана лексика и семантические уточнения, а структура текстов данного жанра определяют текстовые границы шаблона. Используя выделенные нами жанровые черты, в следующем параграфе рассмотрим спектр авторских инвариантов этих черт, а также некоторые нежанровые особенности, связанные с языковой личностью как составителя, так и информанта.

2.2. Авторская речь в протоколе допроса

2.2.1. Представление об авторской речи в тексте протокола допроса

Говоря об авторской речи в тексте протокола допроса, прежде всего, стоит отметить, что в это понятие входит как речь составителя, так и речь информанта. Авторская речь – это составляющая текста протокола, которая содержит признаки языковой личности составителя и информанта, часть текста за пределами шаблона, включающая как индивидуальную реализацию жанровых признаков, так и устойчивые отступления от жанрового канона. Как правило, понятие авторской речи применимо к описательной части протокола допроса, в которой содержатся показания информанта.

Как было сказано в параграфе, посвященном системе «автор - адресат», речь информанта в текстах этого жанра, как правило, представлена в очень маленьком объеме и не позволяет полностью описать навыки его речи, однако в некоторых случаях она

может быть отражена достаточно качественно. В любом случае, степень отражения языковой личности информанта в тексте протокола полностью зависит от составителя документа, поэтому, рассматривая признаки авторской речи, мы чаще всего не будем разделять, кому именно – составителю или информанту – они принадлежат. Некоторые попытки разделения будут предприняты, главным образом, в параграфах, касающихся типов уточнений и признаков неоднородности авторской речи.

Определение авторской речи в протоколе допроса строится на выделении из жанровых признаков их авторских инвариантов, а также на обнаружении черт, не характерных для жанра протокола допроса, но регулярно проявляющихся в конкретном тексте или группе текстов одного автора.

Таким образом, языковые признаки протокола допроса можно условно разделить на жанровые (характеризующие текст как принадлежащий к жанру протокола допроса и, следовательно, характерные для текстов этого жанра в целом), и авторские (отражающие авторскую составляющую текста, вариант реализации жанрового шаблона конкретным составителем и информантом). Зыбкая граница между этими группами признаков может быть проведена как на основании разделения языковых уровней (одни в большей степени принадлежат авторской речи, другие – жанровому шаблону), так и внутри выделенных языковых уровней.

На межуровневом плане к чертам, маркирующим авторскую речь составителя, относятся устойчивые ошибки орфографии и пунктуации. Признаки этих уровней давно используются в судебном автороведении для идентификации авторства (С.М. Вул, Г.Д. Маркова) и считаются высокоинформативными. В случае с протоколом допроса они также показательны, но их информативность ниже, чем для текстов других, менее формальных, стилей и жанров, поскольку и сам объем текстов, и стиль документов не позволяет судить об устойчивости грамматических признаков. Однако можно с уверенностью утверждать, что, если эти признаки проявляются в тексте протокола, они принадлежат именно речи составителя, поскольку именно он осуществляет письменную фиксацию допроса.

Внутри выделенных языковых уровней граница, главным образом, проводится по принципу «общее — частное», где общее рассматривается как жанровое, а частное как авторское. Однако прямое деление на общее и частное оправдано не для всех уровней. Помимо этого, можно выделить также ряд признаков, не являющихся жанровыми чертами протокола допроса, но имеющих место в некоторых текстах. Ниже мы подробно рассмотрим возможности проявления авторской речи для текста протокола допроса на разных языковых уровнях.

Анализ авторских языковых черт преследует две цели, связанные с разными идентификационными задачами. Первая цель — отделить речь составителя протокола от жанрового шаблона. Это первый шаг при решении любой из задач идентификационной экспертизы. Вторая – выделить признаки неоднородности авторской речи, обусловленной двойственностью коммуникативной ситуации и участием в создании протокола двух языковых личностей.

В настоящем параграфе черты авторской речи рассматриваются на лексико-семантическом (включая семантические уточнения), синтаксическом и стилистическом уровне. Специфика прагматического уровня протокола допроса, его связь с авторской речью была охарактеризована в параграфе 2.1.3.4.

2.2.2. Авторская речь на лексико-семантическом уровне

Поскольку описательная часть протокола допроса не определяется жестким шаблоном, выбор конкретных лексических средств организации жанра остается прерогативой составителя документа. Лексические признаки авторской речи, как и признаки других языковых уровней, можно разделить на инварианты жанровых черт и нежанровые авторские черты.

Для реализации жанровых признаков показательным может быть частота использования тех или иных слов из числа возможных синонимов, включенных в характерную для данного жанра лексико-семантическую группу. Например, если рассматривать такой лексический признак жанра протокола, как наличие предметных номинаций с конкретным значением, в целом он будет отражать принадлежность к официально-деловому стилю, требующему однозначности используемых слов, конкретные же его реализации могут различаться не только в зависимости от темы, но и в зависимости от составителя текста. Так, в протоколах допросов свидетелей по делу о ДТП в Москве многократно повторяется слово «автомашина» и практически отсутствует синонимическое и более частотное как в разговорном, так и в официально-деловом стиле слово «автомобиль»: «...я, управляя служебной автомашиной, следовал по направлению...», «...поравнявшись примерно с задней осью моей автомашины «Ситроен» неожиданно начал перестраиваться вправо», ««Ситроен» произвел лобовое столкновение с автомашиной марки «Мерседес-Бенц»». Аналогично и в отношении других признаков: использования гипонимов, дескриптивных слов, слов с указательным значением.

Наименьшая возможность авторского наполнения признака характерна для использования имен собственных, которые зависят от темы документа и

экстралингвистических черт ситуации в целом, использования личных местоимений и указаний даты и времени. Разнообразие личных местоимений невелико, а имена собственные и указания даты, времени и т.п., как правило, имеют достаточно стандартный вид, их конкретное содержание зависит от экстралингвистических факторов.

Лексика, выражающая отношение к сообщаемому (с точки зрения истинности сообщаемого, уверенности говорящего в истинности сообщаемого), также может быть показательна для определения границ авторской речи. Как указывалось, выше, характерным для жанра протокола допроса является использование лексики со значением неуверенности или неосведомленности говорящего, тогда как лексика со значением уверенности встречается крайне редко и может служить показателем речи самого допрашиваемого. Например, в протоколе допроса свидетеля Уварова по делу о гибели экспедиции Дятлова несколько раз повторяются слова и выражения, указывающие на уверенность допрашиваемого в достоверности сообщаемого: *«Мне известно, что манси имеют молебную гору и я ее знаю и был на ней»*; *«Молебную гору манси не охраняют и мне точно известно на молебную гору русские допускаются манси»*. В других протоколах допросов по этому делу слова и выражения с похожей семантикой практически не встречаются.

Использование конкретных слов из набора характерных для жанра протокола допроса частей речи, чаще всего, обусловлено темой и экстралингвистическими факторами, однако здесь, как и в рассмотренном выше случае со словом «автомашина», могут встречаться авторские варианты. Например, в протоколе допроса свидетеля по делу о ДТП в Москве несколько раз используется парное сочетание наречий, обозначающих последовательность действий: *«...поначалу из «Мерседеса» никто не выходил, потом дверь открылась...»*, в протоколе допроса по делу о взятке для обозначения этой же последовательности устойчиво используется другое сочетание: *«Сперва я перевела 30 тысяч рублей, затем мне вернули 6 тысяч рублей»*.

Лексические повторы носят более индивидуальный характер, хотя их также можно условно разделить на жанровые и индивидуально-авторские. Так, само наличие лексических повторов является жанровой чертой протокола допроса, а их характер и частота содержат информацию об уровне речевой компетенции как составителя, так и информанта. Если рассматривать протоколы допроса по делу о гибели экспедиции Дятлова, зафиксированные прокурором Темпаловым, можно отметить, что часть свидетелей имела низкий уровень образования (4-7 классов) – это известно из вводной части документа. Для протоколов их допросов характерно более частое использование повторов – 2-4 повтора в одном предложении. Сам характер повторов также отличается –

здесь это повторы одушевленных существительных и глаголов, обозначающих их действия. Так, в протоколе допроса свидетеля Лопатиной, имеющей образование 7 классов, регулярно встречаются повторы одушевленных существительных, обозначающих участников описываемых событий, а также повторы глаголов, обозначающих действия этих лиц: *«Тогда отец заявил в милицию и брата стали искать в реке Лозьва, где утонул брат это от г. Ивдель 40 км всего. Но так брата и не нашли. Брат был найден только через 6 лет в реке, когда стали взрывать затор леса»*. Схожий характер повторов видим в допросе другого свидетеля, имеющего 4 класса образования, в этом тексте регулярно повторяется местоимение первого лица единственного числа: *«Я узнал, что ищут туристов 21 или 22/II 59 г. Я был в это время в юртах Бахтияровых в верховьях Вижся. Я приехал туда 20 или 21 II-59 г. К своим родственникам сестре Бахтияровой Нине. Я поехал вместе с Петром Акимовичем Бахтияровым, Николаем и Прокопием за оленями...»*.

В речи лиц с более высоким уровнем языковой компетенции встречаются грамматически и стилистически оправданные повторы слов официально-делового стиля, а также использование однокоренных слов в пределах предложения: «был – бывал», «услышишь — слышавшие» и т.п. Например, в протоколе допроса директора музея г. Ивдель И.В. Уварова повторы часто заменяются однокоренными словами, синонимами: *«И когда находишься и услышишь все это становится очень жутко и страшно и люди, ранее не слышавшие все это могут испугаться»*. Повторяются чаще всего неодушевленные существительные, частота самих повторов в текстах меньше, чем у свидетелей с низким уровнем образования: *«В зимние месяцы в горах Северного Урала, а также и летом бывают сильные ветры и даже смерчи. И мне случалось иногда быть во время этих смерчей, но спасались только в лесах в низких местах. Во время смерчей в горах возникают различные звуки и при том страшные и разнообразные, наподобие воя зверей, стонов людей и т.д.»*.

Помимо авторской реализации жанровых черт, основываясь на классификации идентификационных признаков, рассмотренной в первой главе, можно выделить ряд особенностей, не являющихся собственно жанровыми, но отражающих речь автора (как составителя, так и допрашиваемого). Для лексического уровня это

- 1) наличие оценочной лексики,
- 2) использование лексики, выражающей различные чувства,
- 3) использование лексики со значением регулярности действий или событий,
- 4) использование модальных глаголов и частиц,
- 5) использование слов, усиливающих отрицание,

- б) устойчивое использование синонимов и антонимов,
- 7) использование вводных слов и наречий с определенной семантикой;
- 8) устойчивые лексические ошибки, кроме плеоназма и тавтологии. Рассмотрим эти особенности более подробно.

1) Наличие оценочной лексики в целом нехарактерно для жанра протокола допроса, однако в некоторых случаях она используется допрашиваемым и сохраняется составителем. Как правило, такая лексика выражает оценку информантом описываемых событий, причем характер оценки может быть разный, не всегда это оценка с позиции «хорошо - плохо». Например, в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о взятке встречается упоминание оценки допрашиваемым совершаемых действий: *«Я осознала, что это незаконно, но сама сдать сессию я не могла»*.

2) Наличие лексики, выражающей различные чувства, в протоколе допроса также встречается редко. Чувства, выражаемые такой лексикой, могут иметь разную степень интенсивности. Например, в протоколе допроса Уварова речь идет о сильных эмоциях и чувствах: *«И когда находишься и услышишь все это становится очень жутко и страшно и люди, ранее не слышавшие все это, могут испугаться»*; в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о взятке эмоциональность ниже, лексика выражает нежелание руководства отпускать допрашиваемого на сессию: *«По работе у меня периодически возникали проблемы с тем, что некому было работать и меня не хотели отпускать на учебу... На четвертом курсе у нас в октябре должна была быть очередная сессия. Меня также не хотели отпускать с работы на всю сессию»*. В другом протоколе допроса по этому же делу выражаются чувства говорящего по отношению к предмету речи: *«О том, что деньги на проставление отметок передавались именно ему, я не знал, т. к. мне это было безразлично»*.

3) Использование лексики со значением регулярности действий или событий чаще встречается в текстах протоколов допроса, чем рассмотренные ранее особенности, и может маркировать как речь составителя, так и речь информанта. Такая лексика многократно встречается в одном из протоколов допроса по делу о ДТП в Москве: *«перед каждым выездом машину проверяет механик»*, *«На данном пассажирском месте я сичу всегда, за руль служебной автомашины я никогда не садился»*. В других протоколах по этому делу эта группа лексики отсутствует.

4) Использование модальных глаголов и частиц. Модальная лексика, особенно связанная с субъективно-модальными отношениями, является скорее исключением, чем правилом для протокола допроса, что связано с низкой эмоциональностью и официальностью жанра. В протоколе допроса свидетеля по делу о взятке встречается

использование модальных глаголов: «...должна была быть очередная сессия. Меня также не хотели отпустить с работы на всю сессию».

5) Использование слов, усиливающих отрицание, в целом, в протоколах допроса встречается, но обязательной чертой не является. Концентрированное употребление слов-усилителей отрицания может быть показателем авторской речи. Например, в протоколе допроса свидетеля Бахтиярова Н. по делу о гибели экспедиции Дятлова усиление отрицания встречается многократно: «Так же ни одного случая не было чтобы манси напали на русских, для этого нет никаких причин», «Гора эта никогда не охраняется. Ценных вещей там никаких нет», «Эта молебная гора никуда не переносилась...».

6) Использование синонимов и антонимов. Как и ряд предыдущих черт, эта черта не типична для жанра протокола допроса, синонимам предпочитают лексический повтор или замену анафорическим местоимением, антонимы встречаются еще реже. Однако в рассмотренных нами протоколах допросов по делу о взятке и синонимы, и антонимы встречаются регулярно. Чаще всего это контекстные антонимы, например, «ходила – не присутствовала» («Соответственно, в сессию я ходила только на те предметы, которые сдавала сама. А на предметах, за которые заплатила, я вообще не присутствовала и их не сдавала»), реже - абсолютные антонимы, например: «Ранее у меня была фамилия Авдеева, в 2009 году я вышла замуж, и после изменила фамилию на Коврова». Синонимы также в основном контекстные, например, «решить вопрос - договориться»: «... я по телефону созвонилась с ней и попросила помочь решить вопрос таким образом. Староста сказала, что сможет договориться по некоторым предметам».

7) Вводные слова и наречия с определенной семантикой также могут маркировать авторскую речь, причем как речь составителя, так и речь информанта. Например, в протоколе допроса Беришвили по делу Берии регулярно используются вводные слова со значением своевременности, уместности действий говорящего, сознательности этих действий: «Этому Джоджуа Шукри, который, кстати, мне заявил, что он якобы сочувствует и помогает меньшевикам, я на неоднократные вопросы о том, что говорят за границей о Берии...», «Между прочим Джоджуа мне в одной из бесед ответил, что, по его мнению, а также по мнению других лиц в Грузии, на месте Сталина наверное будет Берия». В других протоколах по этому делу такой регулярности слов со сходным значением не отмечено.

8) Отступления от лексической нормы, кроме плеоназма и тавтологии, встречаются достаточно редко. Среди них можно отметить оксюморон, который в протоколе допроса по делу о взятке используется не как художественный прием, а является лексической ошибкой: «В то время я находилась в декретном отпуске по уходу за ребенком». Здесь

смешиваются два понятия, противопоставленных по времени: декретный отпуск – это отпуск по беременности и родам, который, согласно ТК РФ, предоставляется на последних месяцах беременности и в первые месяцы после рождения ребенка, а отпуск по уходу за ребенком – отпуск, который предоставляется работающему родителю до достижения ребенком возраста 1,5 или 3 лет. Эти виды отпуска разнесены, следуют один за другим и не пересекаются.

Также из лексических ошибок часто встречается нарушение лексической сочетаемости. Например, *«Она обещала решить вопрос по мне»*, *«Она проставляла их не сама, а через кого-то из преподавателей, но через кого и иные подробности не разговаривала»* в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о взятке.

Таким образом, на лексическом уровне авторская речь проявляется как в выборе конкретных лексем из числа возможных в рамках жанровых признаков, так и в устойчивом появлении в тексте не характерных для жанра протокола допроса типов лексики, частей речи и нарушений лексической нормы.

2.2.2.1. Авторская речь и семантические уточнения

Авторская речь неодинаково представлена в уточнениях разных типов. В этом параграфе мы рассмотрим, какие типы и подтипы уточнений являются чисто жанровой чертой, а какие могут маркировать авторскую речь.

В целом решение о том, каким образом подать ту или иную информацию – как основную или дополнительную – принимается составителем протокола, причем может зависеть от конкретной экстралингвистической ситуации. Однако составитель, как и в других случаях, не свободен в своем выборе, а зажат в рамки жанровых ожиданий адресата и ограниченного времени составления протокола, поэтому существуют если не традиции, то тенденции определенным образом подавать в тексте протокола допроса разные по смысловому содержанию типы информации. Также несвободен составитель и от экстралингвистического фактора, определяющего тему документа и диктующего определенную расстановку акцентов в тексте. Поэтому для некоторых тематически схожих протоколов может быть характерен тот или иной тип уточнений. Например, для большинства протоколов допросов свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова, независимо от составителя и информанта, характерен такой тип уточнений, как уточнение расстояния от реперной точки, то есть места, выбранного в качестве точки отсчета. В связи с этим типы уточнений необходимо разделить на несколько категорий в

зависимости от их обязательности в тексте и связи с авторской речью. Грань между выделенными таким образом категориями будет нечеткой и проницаемой.

Один полюс, на котором будут сконцентрированы уточнения тематические и жанровые, мы назовем *низкоинформативными* уточнениями, поскольку они содержат мало информации об авторской речи и авторстве текста. Противоположный полюс, на котором будут расположены уточнения, свойственные речи допрашиваемого, мы назовем *высокоинформативными* уточнениями, к этому же полюсу будут тяготеть уточнения, характерные для речи составителя.

Низкоинформативные уточнения

Сюда можно отнести, прежде всего, уточнения качественных характеристик объекта речи, указание на неосведомленность или незаинтересованность информанта, большую часть темпоральных уточнений, а также уточнение участников описываемых событий и агенса. Эти типы и подтипы обусловлены стилевой и жанровой принадлежностью и встречаются практически во всех исследованных нами протоколах допросов.

К этому же полюсу тяготеют уточнения, обусловленные темой документа и экстралингвистическими параметрами: уточнение количественных характеристик объекта речи, часть пространственных уточнений, связанных с особенностями описываемой местности, уточнение цели.

Дальше от этого полюса, на границе с высокоинформативными, находятся пояснение термина или понятия (поскольку решение о его включении принимает составитель или допрашиваемый вне зависимости от внешних факторов), линейное уточнение маршрута, уточнение расстояния, направления.

Высокоинформативные уточнения

Ближе всего к полюсу речи информанта располагаются уточнения отношения автора к описываемому, существования определенного порядка, требования или традиции. Эти уточнения связаны с определенными реалиями жизни допрашиваемого, осознанием им собственного социального положения и т.п., поэтому они, если не дословно, но семантически воспроизводят речь последнего.

Далее следуют уточнения, которые могут принадлежать как информанту, так и составителю. Сюда можно отнести логические уточнения, уточнение пациенса и суперагенса.

На границе с низкоинформативными располагаются оставшиеся темпоральные и пространственные уточнения, поскольку они имеют определенную зависимость от экстралингвистической ситуации.

Разделение типов уточнений по категориям информативности приведено в таблице (Табл. 1).

Таблица 1

Категории уточнений по их отношению к авторской речи

Низкоинформативные уточнения	Высокоинформативные уточнения
Темпоральные (даты, времени)	Темпоральные (временных границ, длительности, указание на время через соотнесение с важным в данной коммуникативной ситуации событием)
Пространственные (места через указание на расстояние от реперной точки; места (без дополнительных оттенков значения); линейное уточнение маршрута; расстояния; направления; адреса)	Пространственные (места через указание на наличие / отсутствие там лица или объекта; места через описание ландшафта; пункта отправления/назначения; радиальное уточнение маршрута)
Объекта (качественных и количественных характеристик объекта речи; пояснение термина или понятия)	Объекта (существование порядка/требования; существование обычая/традиции)
Субъекта (участников событий; агенса)	Субъекта (пациенса, суперагенса)
Отношения автора к описываемым событиям (указание на неосведомленность или незаинтересованность автора)	Отношения автора к описываемым событиям (указание на осведомленность и уверенность автора; на эмоционально-оценочное отношение автор к объекту; на личный опыт; на чужое мнение)
Логические (цели)	Логические (причины, уступка, следствие, аргументация, присоединение, предположение, результат)

Анализ типов уточнений позволяет составить для каждого текста картину употребления уточнений. Сопоставление получившихся результатов текстов-образцов и

спорного текста дает возможность оценить степень сходства использованных типов уточнений.

Для иллюстрации сопоставительного анализа типов уточнений приведем таблицу сравнения типов уточнений трех протоколов допроса по одному делу. Все они принадлежат одному составителю, но первые два фиксируют результаты допроса и дополнительного допроса одного информанта, а третий – результат допроса другого информанта. Результаты сопоставления представлены в таблице (Табл. 2).

Таблица 2

Типы уточнений в текстах одного и разных информантов

Тип	Текст №1	Текст №2	Текст №3
Темпоральные уточнения			
Низкоинформативные	Уточнение даты		Уточнение времени
Высокоинформативные	Уточнение времени через соотнесение с важным событием		
	Уточнение верхней временной границы		
	Уточнений нижней временной границы		
		Уточнение периода времени	
Пространственные уточнения			
Низкоинформативные	-	-	Уточнение направления
	-	-	Уточнение направления через указание на расположение там важного в данной коммуникативной ситуации лица или объекта
Высокоинформативные	Уточнение места через указание на присутствие там автора и объекта речи одновременно		-
Уточнения объекта			
Низкоинформативные	Уточнение количественных характеристик объекта речи		
	-	Уточнение качественных характеристик объекта	
	Пояснение термина или понятия		-
	Уточнение состава объектов		
Уточнение субъекта			
Низкоинформативные	-	-	Уточнение состава агентов

Уточнение отношения автора к описываемому		
Низкоинформативные	Указание на неуверенность или неосведомленность автора	-
Логические уточнения		
Низкоинформативные	-	Уточнение цели
Высокоинформативные	Уточнение-присоединение	Уточнение-уступка
	Уточнение причины	

Как видно из таблицы, в текстах протоколов допроса одного информанта количество совпадающих как низкоинформативных, так и высокоинформативных уточнений значительно больше, чем в протоколах допроса разных информантов. Что касается лексического и синтаксического наполнения признака, то такие совпадающие в протоколах допросов обоих информантов типы, как уточнение качественных и количественных характеристик объекта речи, имели разное лексическое содержание. В протоколе допроса первого информанта уточнение количественных характеристик происходит с помощью одиночного числительного (3, 4), в протоколе допроса второго - числительное содержит буквенный показатель порядкового числительного (4-я, 5-й). Уточнение качественных характеристик в протоколах допросов первого информанта выражено одиночным прилагательным, указывающим на временную соотнесенность описываемого события с другим, второго – причастным оборотом со значением пространственной соотнесенности.

Сопоставление типов уточнений в ряде других протоколов (более 100) подтверждает полученные результаты.

Таким образом, сопоставление наборов уточнений с учетом их лексического содержания и синтаксического оформления в текстах-образцах и спорном тексте является эффективным способом повышения точности результатов разделения жанровых черт и авторской речи, а также выделения речи информанта.

2.2.3. Авторская речь на синтаксическом уровне

На синтаксическом уровне авторская речь, аналогично лексико-семантическому уровню, выделяется, во-первых, путем конкретизации жанровых черт, во-вторых, путем поиска не свойственных жанру протокола допроса признаков.

Порядок слов, как отмечалось выше, в текстах протоколов допроса преимущественно прямой. Обратный порядок встречается в отдельных текстах протоколов допросов по делу о гибели экспедиции Дятлова и является показателем речи

составителя. Например, в тексте протокола допроса Лопатиной, составленном прокурором Темпаловым, обратный порядок слов преобладает: «... в апреле месяце в конце мой брат Лопатин Дмитрий Павлович поехал на охоту на уток по р. Лозьва на лодках», «С ним ехал мой отец Лопатин Павел Васильевич манси один и сын его Николай. Обоих этих манси в живых уже нет». Также обратный порядок часто встречается в протоколе допроса самого прокурора Темпалова, выполненного им собственноручно: «Я принял меры к уточнению, куда двигались туристы студенты и направил при поддержке работников ЦК КПСС гр-на Дряхлых на вертолете для розыска студентов», «Мне от этих работников стало известно, что окончательный пункт, куда должны прийти студенты — это гора Отортен на Северном Урале. Я дал указание один поисковый отряд в количестве пяти человек направить к горе Отортен, другой отряд несколько южнее этой горы, и еще один отряд направить в горы южнее г. Отортен 20-25 км, имея в виду чтобы организовать поиски в горах Северного Урала на расстоянии 30-35 км». Таким образом, обратный порядок слов в тексте протокола допроса связан, прежде всего, с речью составителя протокола, однако выраженное преобладание обратного порядка слов в совокупности с наличием лексических ошибок и просторечной лексики может отражать уровень языковой компетенции допрашиваемого лица.

Преобладание типа предложений также связано с авторской речью: простые предложения преобладают во всех текстах протоколов допросов свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова, выполненных прокурором Темпаловым, при этом сложные предложения в них практически отсутствуют. В протоколах допросов свидетелей по этому же делу, выполненных другими составителями, простые предложения встречаются так же часто, как сложноподчиненные с придаточным изъяснительным.

Среди сложных предложений показательным с точки зрения авторской речи является преобладание предложений с разными типами связи, наличие сложносочиненных и бессоюзных предложений. Например, в одном из протоколов допросов свидетелей по делу о ДТП в Москве преобладают предложения с разными типами связи, тогда как в другом протоколе по этому же делу преобладают простые предложения, а среди сложных — сложноподчиненные с придаточным изъяснительным.

Также показателем авторской речи может служить тип придаточного предложения в составе сложноподчиненного. Так, в протоколах допросов по делу о гибели экспедиции Дятлова, составленных следователем Чудиновым, преобладают сложноподчиненные предложения с придаточным места, в протоколах, зафиксированных другими составителями, такой тенденции нет.

Способы осложнения предложений содержат определенную информацию о навыках письменной речи составителя. Даже характерные для протокола допроса способы осложнения — однородные сказуемые, дополнения, причастный оборот, - могут с разной частотой употребляться разными авторами. Например, в протоколе допроса свидетеля Бахтиярова Н.В. по делу о гибели экспедиции Дятлова отсутствует осложнение предложений причастным и деепричастным оборотом, для протокола допроса Бахтиярова Н.Г. характерно осложнение однородными подлежащими: *«Там у нас имеется четыре юрты и одна старая юрта, в которой никто не живет», «Там проживают кроме меня с семьей мой брат родной Бахтияров Петр Якимович с семьей, родственник Бахтияров Павел Васильевич с семьей и мой родственник Бахтияров Сергей Савельевич и его брат Бахтияров Прокопий Савельевич»*, в протоколе допроса Бахтиярова П.С. несколько раз встречаются уточняющие конструкции, разрывающие предложение: *«Мы в это время ходили искать оленей, в то время как сел вертолет около юрт, Петр, Никита, я, Николай», «Николай, он пасет оленей от д/дома, и по работе ездил»*. Все эти протоколы составлены прокурором Темпаловым. При этом для речи самого прокурора Темпалова не характерна ни одна из указанных черт, что может свидетельствовать о передаче синтаксических особенностей речи допрашиваемого лица. Однако переносить эти выводы на все протоколы некорректно, поскольку степень дословности передачи речи допрашиваемого зависит от конкретного составителя протокола.

Кроме того, различаться могут и значения однородных членов. Так, в протоколах допросов свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова, составленных прокурором-криминалистом Ивановым, регулярно встречаются однородные сказуемые со значением фазы, этапа, последовательности действий: *«Мы должны были высадиться в верховье реки Пурмы, примерно в 25 км от перевала вершины "1079", перейти перевал и обследовать верховье реки Вишеры. В дальнейшем двигаться по хребту строго на юг. В верховье Вишеры мы должны были встретиться с группой Слобцова»*. Сказуемые с этим же значением регулярно встречаются в постановлении, выполненном прокурором-криминалистом Ивановым, - что подтверждает характерность этой черты для письменной речи составителя. Связать эту особенность с темой документа невозможно, так как в протоколах допросов по этому же делу, составленных другими лицами, сказуемые с указанным значением встречаются редко.

Пояснительные и уточняющие конструкции с позиции выражения авторской речи были подробно рассмотрены в предыдущем параграфе. Здесь стоит отметить лишь некоторые синтаксические особенности расположения уточняющих и пояснительных конструкций в предложении. Например, в протоколе допроса Бахтиярова П.С., как уже

было отмечено, уточняющие вставные конструкции располагаются некорректно, разрывают предложение.

Среди нежанровых черт интерес вызывает, прежде всего, парцелляция. Она встречается в текстах протоколов, но не является их определяющей чертой. Интерес для автороведческого анализа представляет не только сам факт наличия парцелляции, но и ее характер, грамматическая оправданность. Как показал анализ текстов, наличие или отсутствие парцелляции редко связано с особенностями речи допрашиваемого, чаще парцелляция характеризует особенность речи составителя. Так, во всех протоколах по делу о гибели экспедиции Дятлова, записанных прокурором Темпаловым, а также в записанном им собственноручно протоколе допроса парцелляция встречается регулярно. Например, в протоколе допроса Н.Г. Бахтиярова парцелляция присутствует во всем тексте: *«Я имею образование 5 классов. Учился в Бурмантовском детском доме до 1949 года. А сейчас работаю пастухом пасу оленей, принадлежащих д/дому пос. Бурмантово»*, аналогичная ситуация в протоколе допроса Дряхлых: *«27 января 1959 г. Вечером в 5 час дня на автомашине из пос. Вижай прибыла группа туристов в количестве 10 человек. С лыжами и вещами»*. В то же время для протоколов допроса по этому же делу, записанных другими составителями, случаи парцелляции единичны. Например, в протоколах допросов, записанных прокурором-криминалистом Ивановым и следователем Чудиновым, парцелляция единична: *«Вечером в дом приезжих зашли 2 человека по национальности манси. Оба одеты по-русски – один в демисезонном пальто, а другой в полупальто»*. Практически отсутствует парцелляция и в протоколах по делу «Linkoln-88», и в протоколах допросов по делу о ДТП в Москве.

Если сам факт наличия или отсутствия парцелляции больше зависит от составителя, то характер парцелляции может дать определенную информацию о речи допрашиваемого. Наблюдается связь характера парцелляции и уровня языковой компетенции информанта. Например, в протоколах допросов, оформленных прокурором Темпаловым, парцелляция у разных информантов имеет разный характер. В протоколах допроса Бахтиярова Н. и Бахтиярова Н. Г. речь очень дробная, парцелляция аграмматична, разделяет короткие, как правило, простые, предложения: *«Я поехал вместе с Петром Акимовичем Бахтияровым, Николаем и Прокопием за оленями – их искать в лесу за 8 км от юрт. Когда уехали прилетел вертолет и когда вернулись то от женщин узнали, что ищут туристов. Туристы действительно останавливались ранее у Бахтиярова Петра и потом куда-то ушли. Куда я не спрашивал и не знаю»; «Я имею образование 5 классов. Учился в Бурмантовском детском доме до 1949 года. А сейчас работаю пастухом пасу оленей, принадлежащих д/дому пос. Бурмантово. Я женатый имею на иждивении троих*

детей от 6 лет до 9х лет. Живем мы от пос. Вижай 60 км в верховьях р. Вижай. Там у нас имеется четыре юрты и одна старая юрта, в которой никто не живет». Из вводной части протоколов их допросов известно, что они плохо владеют русским языком, имеют образование не более 4-х классов и в обычной жизни русским языком пользуются нечасто – всё это свидетельствует о низком уровне языковой компетенции. В протоколе допроса Лопатиной, имеющей 7 классов образования и являющейся носителем русского языка, парцелляция встречается реже, и отрезки, разделяемые ею, длиннее: *«С ним ехал мой отец Лопатин Павел Васильевич манси один и сын его Николай. Обоих этих манси в живых уже нет. Это было в 1934 году», «Тогда отец заявил в милицию и брата стали искать в реке Лозьва, где утонул брат это от г. Ивдель 40 км всего. Но так брата и не нашли».*

В протоколе допроса Уварова, имеющего среднее образование и опыт управленческой деятельности, парцелляция встречается достаточно редко, разделяемые ею предложения часто сложные или осложненные: *«О том, что потерялись туристы 9 человек я слышал. О том, что нашли их на горе замерзшими также слышал. Но эту гору высоту 1079 я слышу впервые».* В протоколе допроса Дряхлых, также имеющего более высокий уровень языковой компетенции, парцелляция, как правило, отделяет часть предложения, носящую уточняющий характер, или разделяет части сложноподчиненного предложения: *«27 января 1959 г. Вечером в 5 час дня на автомашине из пос. Вижай прибыла группа туристов в количестве 10 человек. С лыжами и вещами», «29 января я встретил на бараче 41 квартала рабочего Великаявичуса, который сгружал привезенные трубы. Спросил его как они доехали. Он ответил, что приехали благополучно», «Тут приземлились и с Кузнецовым я пошел в юрты, где было 5 юрт манси Бахтияровых Петра Яковлевича, Никиты и Николая. Где узнали, что студенты пили чай, но не ночевали у манси Бахтиярова Петра Яковлевича 16 дней примерно назад».*

Таким образом, анализ характера парцелляции позволяет выделить две главные тенденции: сам факт наличия или отсутствия парцелляции характеризует в большей степени речь составителя протокола, тогда как тип парцелляции (грамматически оправданная или аграмматична), характер разделяемых ею предложений может быть показательным для определения речи информанта, поскольку может содержать информацию об уровне его языковой компетенции.

Показателем авторской речи, в частности, речи допрашиваемого, может служить анафора, ее характер и частота употребления. Например, в протоколе допроса свидетеля Бахтиярова Н.В. по делу о гибели экспедиции Дятлова первые три предложения начинаются с личного местоимения первого лица единственного числа: *«Я узнал, что ищут туристов 21 или 22/II 59 г. Я был в это время в юртах Бахтияровых в верховьях*

Вижая. Я приехал туда 20 или 21 II-59 г. к своим родственникам сестре Бахтияровой Нине. Я поехал вместе с Петром Акимовичем Бахтияровым, Николаем и Прокопием за оленями».

Отдельного внимания заслуживает такой показатель авторской речи, как синтаксический параллелизм. В целом, это явление нельзя отнести к жанровым чертам протокола допроса, так как оно достаточно редко встречается в текстах этого жанра. Появление синтаксического параллелизма в протоколе может служить показателем речи как составителя, так и информанта. В протоколах допросов по делу о гибели экспедиции Дятлова его можно отнести скорее к речи информанта, так как он встречается в речи свидетеля Уварова и при этом не характер для составившего протокол прокурора Темпалова. Также синтаксический параллелизм отмечается в протоколе допроса и дополнительного допроса свидетеля Масленникова по тому же делу, при том, что протоколы зафиксированы разными составителями (один - прокурором-криминалистом Ивановым, другой - собственноручно Масленниковым).

Интерес для установления авторства может представлять и употребление временных форм глагола. Обычно в протоколе допроса время глагола соответствует реальному времени событий относительно момента речи: о произошедших событиях говорят в прошедшем времени, о настоящих – в настоящем. Однако можно отметить отдельные случаи смешения времен в одном предложении при описании событий прошлого. Такое явление отмечается, например, в протоколе допроса одного из свидетелей по делу о ДТП в Москве, где для описания аварии используется настоящее время: *«Я увидел, что заднюю часть мерседес, а подбрасывает вверх, немного разворачивает и «Мерседес» приземляется задней частью около левой задней двери «ВАЗ-2115»»*. Такое смешение времени повторяется в данном протоколе несколько раз и отсутствует в других протоколах по этому же делу, составленных этим же следователем, что дает возможность предположить, что оно может характеризовать речь допрашиваемого.

К более редким авторским чертам можно отнести, например, многосоюзие, которое встречается в протоколе допроса свидетеля Уварова по делу о гибели экспедиции Дятлова: *«В зимние месяцы в горах Северного Урала, а также и летом бывают сильные ветры и даже смерчи. И мне случалось иногда быть во время этих смерчей, но спасались только в лесах в низких местах»*. В эту же группу можно отнести предпочтение в употреблении страдательных конструкций, которое наблюдается в протоколе допроса Лопатиной по тому же делу: *«Около пос. Собянино утром брата в лодке не оказалось», «Лодка была действительно перевернута», «Брат был найден», «Когда брата нашли в*

реке то ноги и руки не были у него связаны»; регулярный пропуск подлежащего в протоколе допроса свидетеля Жильцова по этому же делу: *«Адреса не написал, а передал второму манси», «Сегодня утром этих манси не встретил»* и т.д.

Анализ более 100 протоколов допросов свидетелей, подозреваемых и обвиняемых по разным делам и разного времени составления (начиная с 1950-х гг. и до наших дней) показал, что и конкретное наполнение жанровых черт, и использование синтаксических особенностей, не характерных для речевого жанра протокола допроса, достаточно полно отражает авторскую речь, однако в одних случаях признак является показателем речи составителя, что видно из анализа других составленных им протоколов, а в другом – речи информанта и коррелирует с уровнем его языковой компетенции. Поэтому для определения более четкой границы между речью составителя и информанта в тексте протокола допроса необходима, во-первых, информация о навыках письменной речи составителя, которую можно получить из анализа других составленных им текстов, во-вторых, информация об уровне языковой компетенции информанта, которую можно получить из вводной части протокола допроса и других материалов дела.

2.2.4. Авторская речь на стилистическом уровне

Наполнение жанровых стилистических черт во многом задается составителем. Это касается не столько выбора типа лексики, сколько выбора конкретных слов, способов их употребления в предложении. Например, если рассматривать признак использования аббревиатур, показателем речи составителя может быть наличие их регулярной расшифровки в тексте. Эта особенность присутствует в текстах протоколов допросов обвиняемых по делу «Lincoln-88»: *«В сети Интернет я натолкнулся на «гостевую книгу» организации «ДПНИ» (Движение против нелегальной организации)», «...я стал просматривать в сети Интернет соответствующие сайты «Формат-18», «NSWP» («Национал Социализм Белая Сила»)».*

Показателем речи информанта являются конкретные сленговые, жаргонные слова или неюридические термины и профессионализмы. В протоколах допроса по тому же делу встречается помещенное в скобки составителем грубое высказывание: *«... нанес ему удар ногой в нижнюю часть туловища (дал ему пенделя)».*

Стилистический уровень может показывать не только авторскую речь в целом, но и неоднородность авторской речи, то есть, границу между речью составителя и информанта. Это особенно ярко проявляется, когда уровень языковой компетенции составителя и допрашиваемого сильно различаются, и составитель старается максимально дословно

передать особенности речи информанта. Например, для протокола допроса свидетеля Лопатиной по делу о гибели экспедиции Дятлова характерно диссонирующее вкрапление канцеляризмов и оперативно-розыскной лексики в текст разговорного и даже просторечного характера: *«Тогда отец заявил в милицию и брата стали искать в реке Лозьва, где утонул брат это от г. Ивдель 40 км всего. Но так брата и не нашли. Брат был найден только через 6 лет в реке, когда стали взрывать затор леса. Мой брат Лопатин Венедикт ездил за братом и узнал его и похоронил на пос. Собянино. Труп брата осматривал врач, фамилию не знаю, и он сделал замечание, что брат мой не был убит, признаков насильственной смерти не имеется. Утопил ли манси моего брата это никто не знает. Отец веть мой подъехал сразу же. Этих манси, которые ехали на охоту с отцом и братом сейчас в живых нет».*

В целом, как и в случае с синтаксическим уровнем, наполнение жанровых стилистических черт и появление нежанровых может отражать как речь составителя, так и речь допрашиваемого.

2.2.5. Неоднородность авторской речи в тексте протокола допроса

Выделенные в предыдущем параграфе признаки авторской речи направлены на то, чтобы в целом обозначить границы между жанровыми и авторскими признаками в тексте протокола допроса, здесь же мы наметим те критерии, которые позволяют выделить неоднородность авторской речи, наметить стык речи составителя и информанта, описать возможности проявления речи информанта в тексте. Таким образом, неоднородность авторской речи будет рассматриваться нами как проявления разных языковых личностей в рамках одного текста и будет выражаться в одновременном наличии чаще всего противоречащих друг другу признаков.

Цель поиска неоднородности авторской речи – определить, сколько языковых личностей участвовало в составлении текста протокола. Необходимость такого анализа вызвана неоднократно описанными в литературе ситуациями, когда протоколы допросов разных информантов имели высокую степень сходства или полностью совпадали [Антонова, 2010], [Месропян, 2017], [Распопова, 2015]. В таких случаях определение того, сколько языковых личностей присутствует в протоколе, может стать основанием для ответа на вопрос о том, создал ли составитель протокол самостоятельно (без участия информанта), или имел место реальный допрос информанта и его фиксация.

Как отмечалось в первой главе, составитель зажат в рамки жанровых ожиданий адресата, с одной стороны, и требований максимально точной и достоверной передачи

речи допрашиваемого в совокупности с ограниченным временем составления протокола, с другой. Это приводит к тому, что языковая личность информанта с той или иной степенью полноты проявляется в тексте протокола, оказывая влияние не только на содержание информации, но и на форму ее передачи [Антонова, 2010]. Проведенный в настоящей главе анализ языковых черт протокола допроса и способов проявления авторской речи (как составителя, так и информанта) подтвердил, что речь допрашиваемого в большинстве случаев так или иначе включается составителем в текст протокола.

В настоящем параграфе мы приведем основные способы проявления речи информанта в тексте протокола, что может помочь при автороведческом анализе если не идентифицировать информанта, то установить факт его непосредственного участия в составлении протокола. Параграф условно можно разделить на две части: первая посвящена описанию способов проявления речи информанта в тексте, вторая – методам анализа неоднородности авторской речи.

Проявление речи информанта в тексте протокола допроса

Прежде всего, речь информанта может включаться в текст протокола в виде прямых цитат. Однако их не так просто обнаружить в тексте, поскольку составитель редко помещает цитаты в кавычки. Приведенный выше пример из протокола допроса по делу «Lincoln-88» является скорее исключением, отражающим также особенности передачи чужой речи конкретным составителем. В других протоколах допросов по этому делу также встречается цитирование в кавычках, в том числе, при передаче прямой речи, например: *«В процессе нападения Линок Андрей стал орать что-то типа: «Вали говно! Слава России!»»*. Протоколы по делу «Lincoln-88» удобны для разделения речи составителя и информанта еще тем, что слова последнего, как правило, сильно отличаются по стилю от остального текста, кроме того, некоторые такие слова составитель снабжает пояснением в скобках, например: *«... предложил встретиться у станции метро «Невский проспект», чтобы подраться с парнями из движения «антифа» (то есть антифашисты)»*. Однако чаще в текстах протоколов допросов цитаты из речи информанта не отмечаются кавычками, и обнаружить их можно лишь при анализе лексических и стилистических особенностей.

Как было показано выше, речь информанта может проявляться на уровне лексики, синтаксиса, стилистических свойств текста, однако здесь многое зависит от составителя и его подхода к фиксации показаний допрашиваемого. Ярче речь последнего проявляется на уровне семантических уточнений, а также на прагматическом уровне. Семантические

уточнения были рассмотрены в этом аспекте в § 2.2.2., здесь же остановимся на прагматических признаках речи информанта.

На прагматическом уровне проявление речи допрашиваемого связано с понятием авторской интенции и происходит за счет несовпадения коммуникативной цели составителя и информанта, наличия в тексте дополнительной, не обусловленной внешней коммуникативной ситуацией, коммуникативной цели.

Проявляться это может, во-первых, эксплицитно. Например, многократным повторением лексики, маркирующей подневольный характер действий допрашиваемого. Так, в тексте протокола допроса подозреваемого по ст. 234 видна цель снять с себя ответственность за продажу запрещенных препаратов, что передается с помощью значения глаголов: *«Так же около года назад он обязал меня продавать различные биологически-активные добавки... К рекламе данных препаратов я никакого отношения не имею, так же специально я никому из клиентов их покупать не предлагала, этим занимался каким-то образом директор... Какую-то надбавку к зарплате за продажу данных препаратов я не получала. Согласилась их продавать, не смотря на их запрещенность боясь увольнения с работы, думая, что ответственность за их продажу не наступит»*. Многократное повторение информации о совершении действия под давлением направлено на убеждение адресата в невиновности подозреваемого, невозможности поступить иначе.

В другом протоколе обвиняемый стремится описать несправедливость предъявляемых ему обвинений, указывая на свою общественную значимость и статус и используя для этого лексику, подчеркивающую его опыт, статус и качество работы: *«Я эксперт с более чем 20-летним стажем, доктор наук. Более 200 экспертиз сделал... Ко мне в офис пришли сотрудники Федеральной налоговой службы. Я думал, опять принесли на экспертизу, так как много лет делал для них экспертизы. Качеством и всем всегда были довольны, никогда никаких претензий. Всё на высшем уровне, так сказать. Но они сказали, что обыск. И начали нагло копаться в моих бумагах»*. Здесь эффект убеждения достигается за счет концентрированного перечисления положительных качеств и достижений информанта и создания контраста между положительным образом обвиняемого и самим фактом его обвинения.

Несовпадение коммуникативных целей также проявляется имплицитно, за счет нарушения коммуникативных максим, что является жанровой особенностью протокола допроса. Рассмотренные в первой части настоящей главы нарушения коммуникативных максим могут служить маркером неоднородности речи автора.

Кроме того, показателем неоднородности речи может служить нехарактерное для жанра протокола допроса нарушение максимы качества, которое может выражаться в использовании иронии, сообщении информации, в достоверности которой допрашиваемый не уверен, противоречивой информации.

Еще один способ имплицитного проявления речи допрашиваемого в тексте – расстановка акцентов с помощью разных видов уточнений, что уже отмечалось в соответствующем параграфе.

Важными характеристиками информанта при автороведческом исследовании протокола допроса, как уже отмечалось при описании стилистического уровня, может быть информация о его гендерной, профессиональной принадлежности, возрасте и уровне образования. Это связано с неодинаковым развитием навыка письменной речи у представителей разных профессиональных, возрастных и т. п. групп, следовательно, резкое несоответствие, например, уровня образования и возраста отразившемуся в тексте навыку может показывать сильную обработку составителем текста показаний.

Определение неоднородности авторской речи в тексте протокола допроса

Отдельной методики для определения признаков неоднородности речи в автороведении не существует, поэтому закономерным кажется решение обратиться к методикам решения схожих задач. Как нам кажется, для определения неоднородности авторской речи можно использовать некоторые признаки, на которых строится решение задач определения умышленного искажения речи автором (маскировка речи) или соавторства. Рассмотрим эти явления и методы их анализа более подробно и выделим те признаки, которые могут использоваться при определении неоднородности авторской речи в протоколе допроса.

Маскировка речи – это намеренное «изменение признаков письменной речи с целью скрыть свое авторство» [Литвинова, 2016, с.116]. Она осуществляется, главным образом, тремя путями: 1) за счет снижения уровня грамотности, 2) за счет снижения уровня культуры речи автора и 3) за счет нейтрализации речевых особенностей речи автора.

Снижение уровня грамотности – самый распространенный способ умышленного искажения речи. Определение уровня грамотности происходит путем анализа выделенных в тексте грамматических структур. Выделяют три уровня грамотности: высокий, средний и низкий [Огорелков, 2006].

Основными признаками низкого уровня грамотности И.В. Огорелков [Огорелков, 2006, с. 122] называет следующие:

- преобладание простых конструкций предложений;
- использование только простых союзов для связи слов и частей предложения;
- большое количество грубых орфографических ошибок;
- использование только простых знаков препинания (запятой, точки).

Средний уровень грамотности автора устанавливается по следующим критериям:

- употребление простых, широко употребительных союзов;
- использование конструкций с обособленными определениями, обстоятельствами, дополнениями;
- правильное написание сложных и сложносокращенных слов.

Высокий уровень грамотности, помимо того, что характерно для среднего уровня, отличается также следующими признаками:

- сильная степень связности между членами сверхфразового единства;
- использование в тексте конструкций с вводными словами;
- частое использование различных средств выражения субъективной модальности;
- отсутствие в тексте грубых пунктуационных и орфографических ошибок.

Чаще всего маскировка происходит за счет изменения орфографических признаков – увеличения числа ошибок, намеренно неправильного написания слов. Синтаксис и пунктуация более устойчивы и сложнее поддаются намеренному изменению [Огорелков, 2006]. Следовательно, выявление маскировки путем снижения уровня грамотности речи может основываться, во-первых, на обнаружении межуровневых несоответствий – например, обилие орфографических ошибок при отсутствии синтаксических и наоборот; во-вторых, несоответствий признаков в рамках одного уровня – например, соблюдение сложных правил орфографии или пунктуации и несоблюдение простых.

Снижение уровня культуры речи связано с намеренным изменением признаков лексического и стилистического уровней. Это, прежде всего, обеднение словарного запаса, использование большого количества клише, разностилевой лексики.

Нейтрализация речевых особенностей авторской речи – наиболее сложный тип искажения речи, требующий от пишущего не только поверхностного нарушения норм языка, но и глубокого анализа особенностей собственной речи. При таком искажении речь становится менее эмоциональной, более однообразной, клишированной и упрощенной.

Составление протокола допроса отчасти близко маскировке – составитель стремится, с одной стороны, изменить речь допрашиваемого так, чтобы она соответствовала стилю и жанру документа, с другой стороны, он стремится

минимизировать проявление своего авторского начала, чтобы у суда не возникло сомнений в авторстве показаний. Поэтому признаки авторской речи в протоколе допроса, с одной стороны, связаны с проявлением навыков письменной речи разных авторов, а с другой, с частичной нейтрализацией особенностей авторской речи (составителя).

Однако необходимо учитывать и специфику стиля и жанра, для которых в принципе характерна клишированность и однообразность речи. Следовательно, из всего набора признаков искажения письменной речи для определения компонентов речи допрашиваемого наибольшее значение будут иметь *межуровневые несоответствия* признаков.

Например, несоответствие между синтаксическим и пунктуационным уровнем, синтаксисом и лексикой в протоколе допроса свидетеля Уварова по делу о гибели экспедиции Дятлова, где ряды однородных членов не разделены запятыми, отсутствуют знаки препинания между частями сложного предложения, а само членение текста на предложения не соответствует смысловому членению текста, о чем свидетельствует несколько раз повторяющаяся аграмматичная парцелляция: *«Я знаю, что если бы кто из народностей манси был виноват в гибели 9 туристов, то ни один бы манси не стал принимать участие в розыске туристов. А узнал, что в розыске туристов принимали участие три манси. Мне известно, что на молебную гору ходили много русских мужчин и женщин и с ними никогда ничего плохого не случилось и их сопровождали иногда и манси»*. В этом же протоколе можно отметить несоответствие лексики и пунктуационного уровня – достаточно богатый словарный запас, наличие понятий из сферы культуры («народ манси», «быт народа», «жертвоприношения», «народность манси», «религиозные предрассудки») диссонирует с обилием пунктуационных ошибок. Из вводной части протокола нам известно, что Уваров является директором музея, что косвенно свидетельствует о достаточно высоком уровне культуры, в том числе культуры речи. В то же время для протоколов допросов, составленных прокурором Темпаловым, включая и протокол допроса Уварова, характерно обилие пунктуационных ошибок и, в той или иной мере, аграмматичная парцелляция. Эти же ошибки характерны для протокола допроса самого Темпалова, составленного им собственноручно. Следовательно, можно предположить, что в протоколе допроса Уварова уровень речевой культуры отражает речь информанта, а уровень грамотности больше характерен для речи составителя.

Внутриуровневые несоответствия также могут служить для выделения вкраплений речи допрашиваемого. Например, проколы допросов обвиняемых по делу «Lincoln-88» в целом написаны в соответствии с официально-деловым стилем, с обилием клише и нейтрализацией эмоциональности (*«меня это заинтересовало, поскольку я в это*

время разделял их националистические взгляды», «Изучив данную информацию я еще больше стал испытывать неприязнь, ненависть к лицам не славянской внешности»), однако в отдельных случаях следователь приводит слова допрашиваемого, стилистически не соответствующие остальному тексту: *«Все стали «прикалываться»», «У меня с собой был «фаер», зажигательный световой сигнал».*

Соавторство – это выполнение текста двумя и более авторами, наличие вклада каждого из авторов в итоговый текст.

Установление факта соавторства также направлено на поиск неоднородности авторской речи и идентификацию языковой личности каждого из авторов. В качестве критериев для анализа при установлении соавторства также используются приведенные выше признаки несоответствия на разных языковых уровнях и между уровнями, неоднородности в способах выражения оценочности и эмотивности речи, способах аргументации и т.д. [Громова, 2018]. Как видно из приведенного перечня признаков, они отчасти пересекаются с признаками искажения речи, и в анализе протоколов допроса, учитывая специфику жанра и стиля, имеют значение именно пересекающиеся признаки.

Признаки маскировки и соавторства легко применимы к текстам протокола допроса в случаях добросовестной фиксации составителем речи информанта. Однако как быть с ситуациями, когда протокол составлен следователем с подражанием стилю речи допрашиваемого? Практика показала, что здесь существует две тенденции.

Первая - составитель опирается на официально-деловой стиль, прибегая к нейтрализации осознаваемых им индивидуальных признаков собственной речи. В этом случае признаки неоднородности авторской речи отсутствуют, а выделение признаков речи составителя становится достаточно сложным.

Вторая – составитель, при составлении нескольких протоколов по одному делу, подражает речи кого-то одного из нескольких информантов, либо полностью копирует его речь в другие протоколы. В этом случае признаки неоднородности сохраняются, но для определения подражания или копирования необходим анализ нескольких протоколов, записанных тем же составителем по тому же делу.

Таким образом, собственно маскировка признаков письменной речи составителем встречается крайне редко, она сводится к нейтрализации признаков своей речи, либо подражанию, копированию речи одного из допрашиваемых.

Как показал анализ, проявление признаков неоднородности авторской речи во многом зависит от составителя протокола, стиля его речи и подхода к фиксации показаний допрашиваемого. В некоторых случаях речь информанта включается в текст протокола прямыми цитатами и выделяется кавычками, в других определяется за счет

несоответствия признаков одного или разных уровней, особенно это касается лексического запаса и стилистических характеристик текста, а также соотношения уровня грамотности с уровнем культуры речи, отразившимися в тексте. В этом отношении задача определения признаков неоднородности речи или признаков речи допрашиваемого в тексте протокола допроса сближается с задачами определения намеренного искажения письменной речи и признаков соавторства. Это приводит к тому, что задачи приобретает смешанный характер, поскольку решается не только на основании методов идентификационного, но и с привлечением методов диагностического исследования.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Модель речевого жанра протокола допроса, направленная на решение задач идентификационной автороведческой экспертизы, строится на выделении таких компонентов, как структура речевого жанра, система «автор-адресат» и собственно языковые признаки. Определение структуры текста, ее соответствия жанру позволяет установить границы исследуемого текста. Описание системы «автор-адресат» характеризует особенность коммуникативной ситуации, а рассмотрение языковых черт с учетом отношений внутри этой системы позволяет определить элементы авторской речи в тексте.

2. Система «автор-адресат» включает в себя двойную коммуникативную ситуацию (внешнюю и внутреннюю), которая отражает ситуации общения составителя протокола и вышестоящих инстанций, с одной стороны, и составителя, и информанта во время процедуры допроса, с другой. Отражение двух коммуникативных ситуаций в тексте протокола позволяет обнаружить в тексте не только жанровые черты взаимодействия составителя протокола с его адресатом, но и черты взаимодействия автора и адресата внутренней коммуникативной ситуации и, как следствие, следы речи допрашиваемого, эксплицитно или имплицитно присутствующие в тексте протокола допроса.

3. Собственно языковые признаки жанра протокола выделяются на нескольких уровнях, среди которых и достаточно традиционные для анализа текста лексико-семантический, синтаксический и стилистический, и впервые выделяемые в нашем исследовании прагматический уровень и подуровень семантических уточнений. Наличие разных типов семантических уточнений – характерная черта жанра протокола допроса. Выделенные нами 6 типов уточнений и составляющие их подтипы отражают как жанровую принадлежность текста (низкоинформативные уточнения), так и авторскую специфику расстановки смысловых акцентов в определенной коммуникативной ситуации (высокоинформативные уточнения). Прагматический уровень отражает смешение в тексте протокола допроса некооперативного характера первичного жанра и кооперативного – вторичного жанра.

4. Авторская речь в протоколе допроса представляет собой комплекс, включающий речь составителя протокола и фрагменты речи информанта, которые, в совокупности с экстралингвистической информацией о его личности, позволяют составить представления о его языковой личности. Авторская речь выделяется, во-первых, как конкретизация жанровых черт – конкретные единицы выделенных признаков, во-вторых, как набор нехарактерных для жанра протокола допроса языковых черт.

5. Четкое выделение из комплексной авторской речи элементов речи информанта возможно в ограниченном числе случаев, чаще можно говорить о наличии в тексте признаков неоднородности авторской речи. Эти признаки обнаруживаются как на уровне экспликации в тексте фрагментов речи допрашиваемого (прямые цитаты), так и на имплицитном уровне – в несоответствии уровня грамотности уровню речевой культуры, нарушении коммуникативных максим, регулярности проявления несовместимых в рамках одной языковой личности признаков одного уровня.

6. Использование методов диагностической автороведческой экспертизы (определение неоднородности авторской речи) позволяет говорить о смешанном характере задач, решаемых при проведении идентификационной экспертизы протоколов допросов.

ГЛАВА 3. МЕТОДИКА АВТОРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

В рамках идентификационной автороведческой экспертизы протокола допроса, как было отмечено в главе 1, решаются, главным образом, задачи определения принадлежности нескольких текстов одному лицу, верификации автора и, в отдельных случаях, идентификации. В настоящей главе мы сосредоточимся на методике решения первых двух задач как наиболее характерных для автороведческих исследований протокола допроса.

3.1. Идентификационные признаки протокола допроса

Обобщая результаты описанного во второй главе исследования жанровых признаков и признаков проявления авторской речи в протоколах допросов, учитывая существующие в автороведении классификации идентификационных признаков, можно составить набор признаков, релевантный именно для текстов этого жанра.

За основу классификации возьмем выделенные в предыдущей главе признаки жанра и авторской речи, добавив к ним признаки, связанные с уровнем грамотности составителя протокола и уровнем эмоциональности текстов. Все идентификационные признаки разделим на *жанровые* и *авторские*. Важное значение для автороведческой экспертизы имеют и те, и другие: авторские содержат информацию о языковой личности составителя и информанта, жанровые показывают соответствие текста заявленному жанру и индивидуальную реализацию жанровых черт. Авторские признаки более информативны, но их меньше по количеству, они встречаются реже, поскольку связаны с отступлением от жанрового канона, с нехарактерными для жанра протокола языковыми чертами. Это не позволяет строить автороведческий анализ только на авторских признаках. Жанровые признаки менее индивидуальны, но их больше по количеству, они более частотны и воспроизводимы в тексте, в совокупности с авторскими они также содержат информацию об авторской речи.

В автороведении, как было отмечено в первой главе, принято разделение признаков на *общие* и *частные*. В качестве общих рассматриваются признаки, отражающие степень развития навыков того или иного языкового уровня (лексико-фразеологических, синтаксических, пунктуационных и т.п.), эти признаки в большей степени позволяют судить о групповой принадлежности автора. Частные признаки более индивидуальны, поскольку отражают авторские особенности использования различных языковых уровней (предпочтение тех или иных слов или синтаксических конструкций, устойчивые

нарушения конкретной языковой нормы и т.п.) [Вул, 1969]. В соответствии с этим делением имеет смысл разделить и идентификационные признаки протокола допроса. Однако сам принцип разделения признаков будет иной.

В качестве *частных признаков* предлагаем рассматривать следующие: 1) проявление или не проявление соответствующего общего признака, где маркером авторской речи для разных признаков является либо наличие, либо отсутствие проявления признака; 2) частота и регулярность проявления соответствующего признака в речи; 3) характер проявления признака, в том числе конкретные способы реализации, использование конкретных языковых единиц этого уровня для выражения признака.

Первый признак отражает сам факт наличия или отсутствия идентификационного признака в исследуемом тексте. Значение этого факта очевидно, когда речь идет об авторских признаках – как уже было отмечено, авторские признаки связаны с отступлением от жанровой нормы, поэтому появление одного из них ярко маркирует авторскую речь. Например, появление в тексте оценочной лексики, не свойственной жанру протокола, свидетельствует о проявлении языковой личности информанта. В случае с жанровыми признаками наиболее показательным является отсутствие какого-то из признаков, оно также маркирует нарушение соответствующей жанровой нормы, что тоже может выступать показателем авторской речи. Например, полное отсутствие в тексте протокола юридической, оперативно-розыскной терминологии и профессионализмов из этой области может служить свидетельством того, что текст, вероятно, написан собственноручно информантом или составлен очень близко к его словам.

Под частотой нами понимается количество единиц, отражающих данный признак в тексте по отношению к общему количеству однородных явлений этого уровня. Под регулярностью – равномерное проявление признака во всех частях текста. Низкая частота проявления признака может говорить о его случайном, не систематическом характере, а проявление концентрировано в одном отрезке текста и полное отсутствие в других – о локальном преобладании языковой личности одного из участников либо об использовании в данном месте шаблона или вставки из другого текста.

Поскольку обе составляющие признака представляют собой количественную оценку, нами были составлены соответствующие шкалы.

Первая шкала связана с частотой, она состоит из следующих элементов: «однократно – редко – часто». Частота встречаемости языковых единиц разных уровней неодинакова как в языке вообще, так и в официально-деловом стиле в частности, поэтому посчитать даже средние универсальные значения для параметров «редко» и «часто» не представляется возможным. Для каждого текста частота того или иного признака должна

оцениваться с учетом общей частотности однородных явлений в текстах этого жанра, а также проявления в исследуемом тексте однородных признаку языковых явлений. Так, определение частоты в конкретном тексте простых предложений должно учитывать количество предложений вообще, количество других видов предложений и характерность предложений для текстов этого жанра. Аналогично и для признаков других языковых уровней. Поскольку в задачи настоящего исследования не входило статистическое исследование текстов протоколов допросов, определение частоты будет происходить индивидуально для каждого случая, с учетом отмеченных факторов.

Вторая шкала менее дробная и более однозначная, состоит из двух частей: «нерегулярно (в 1-2 независимых отрезках текста) - регулярно (в 3 и более независимых отрезках текста)».

Под характером проявления признака понимается его конкретная языковая реализация в тексте, особенности, связанные с этой реализацией. Например, лексика, выражающая конкретные чувства и эмоции, может присутствовать в текстах протоколов разных составителей и разных информантов, но в одном случае она выражена лексическими единицами со значением осознания собственной неправоты («*мне было неудобно*», «*я чувствовал, что совершил ошибку*»), в другом – со значением страха («*мы испугались*», «*мне стало страшно*») и т.п.

Общие идентификационные признаки рассматриваются нами на следующих уровнях:

- лексико-семантический (включая подуровень семантических уточнений);
- синтаксический;
- стилистический;
- эмотивный;
- прагматический.

Приведем общие идентификационные признаки для каждого уровня.

Общие идентификационные признаки лексико-семантического уровня

Этот уровень включает в себя как характерные для автороведческого анализа типы признаков, выделенные нами на основе жанровых и авторских черт, так и специфические признаки подуровня семантических уточнений (Таб. 3).

Таблица 3

Идентификационные лексико-семантические признаки

Жанровые	Авторские
----------	-----------

Типы лексики	
- Слова с указательным значением - Гипонимы - Deskриптивные слова - Предметные номинации с конкретным значением	- Оценочная лексика - Лексика, выражающая конкретные чувства - Лексика со значением регулярности действий или событий
Части речи	
- Глаголы физического действия - Личные местоимения первого лица - Числительные даты и времени - Наречия со значением последовательности действий - Глаголы в действительном залоге - Глаголы прошедшего времени	- Модальные глаголы и частицы - Вводные слова
Отношения между словами	
Лексические повторы	- Синонимы - Антонимы - Антитеза
Лексические ошибки	
- Тавтология - Плеоназм	- другие лексические ошибки

Общие идентификационные признаки подуровня семантических уточнений

Несколько отличаться будет разделение общих признаков для подуровня семантических уточнений. Здесь деление идет не на жанровые и авторские, а на низкоинформативные и высокоинформативные, поскольку говорить об однозначной принадлежности того или иного типа уточнений строго к жанровым или авторским не всегда возможно.

Подуровень семантических уточнений был подробно проанализирован в предыдущей главе. Идентификационные признаки этого подуровня соответствуют приведенной в параграфе 2.2.2 классификации низкоинформативных и высокоинформативных уточнений (Таблица 1).

Общие идентификационные признаки синтаксического уровня

На этом уровне выделяются признаки, характерные как для предложений, так и для текста в целом (Табл. 4).

Таблица 4

Идентификационные синтаксические признаки

Жанровые	Авторские
- Прямой порядок слов	- Парцелляция
- Преобладающие типы предложений	- Анафора
- Осложнение предложений	- Синтаксический параллелизм
- Уточняющие и пояснительные конструкции	- Время глагола
	- Употребление союзов

Общие идентификационные признаки стилистического уровня

Стилистический уровень отличается меньшим разнообразием авторских признаков, однако отсутствие того или иного жанрового признака этого уровня также является информативным показателем авторства (Табл. 5).

Таблица 5

Идентификационные стилистические признаки

Жанровые	Авторские
- Аббревиатуры	- Неюридические термины и профессионализмы
- Юридические и оперативно-розыскные термины и профессионализмы	- Разговорная и просторечная лексика

Общие идентификационные признаки эмотивного уровня

Эмотивный уровень характеризует степень эмоциональности речи, способы проявления эмоций.

Эмотивный уровень не был рассмотрен нами во второй главе, поскольку он не имеет значимой регулярности в проанализированных нами текстах. Однако отдельные компоненты этого уровня, распределяясь между лексическим, стилистическим и психолингвистическим уровнями, рассматриваются в методике МВД. Мы предприняли попытку собрать эти признаки под названием эмотивного уровня и охарактеризовать их реализацию в протоколе допроса.

Эмотивность рассматривается нами, вслед за В.И. Шаховским [Шаховский, 1987], как лингвистическая категория, означающая способность единиц языка отражать субъективно-индивидуальные переживания человеком определенных эмоций [Копаева,

2012, с. 116]. Способность эмотивности выражаться на всех уровнях языка приводит к необходимости либо рассматривать ее в рамках каждого языкового уровня, либо выделить круг охватываемых этой категорией явлений в отдельный уровень. Для автороведческого анализа наиболее удобным представляется второй путь — выделение отдельного эмотивного уровня (Табл. 6).

Таблица 6

Идентификационные эмотивные признаки

Жанровые	Авторские
- Лексика, выражающая отношение к сообщаемому	- Слова с суффиксами субъективной оценки, передающих разные оттенки чувств - Экспрессивная лексика - Сниженная лексика - Нецензурные слова для выражения негативных эмоций, негативного отношения к происходящему

Общие идентификационные признаки прагматического уровня

Прагматический уровень уже был охарактеризован в настоящей работе при описании системы «автор-адресат» и неоднородности авторской речи, он касается наличия дополнительной коммуникативной цели в тексте, нарушения кооперативных максим релевантности, способа и количества (Табл.7).

Таблица 7

Идентификационные прагматические признаки

Жанровые	Авторские
- нарушение максим количества - нарушение максим способа - нарушение максим релевантности	- нарушение максимы качества (сообщение информации, в достоверности которой информант не уверен)

Кроме того, для анализа авторства также важно учитывать признаки *орфографические* и *пунктуационные*, поскольку они отражают уровень грамотности составителя документа. Набор этих признаков сводится к ошибкам орфографии и пунктуации, а также авторским вариантам употребления синонимичных знаков препинания.

Анализ текстов по всем приведенным признакам предполагает несколько этапов, о которых речь пойдет в следующем параграфе.

3.2. Методика решения идентификационных задач в автороведческой экспертизе протокола допроса

3.2.1. Этапы автороведческого анализа текстов протоколов допроса для решения задач определения принадлежности нескольких текстов одному лицу и верификации автора

Проведенное нами исследование речевого жанра протокола допроса и составленная классификация идентификационных признаков позволяет разработать методику решения двух основных для автороведческой экспертизы протокола допроса типов задач. Эта методика будет иметь небольшие особенности для каждого типа задач, о которых будет сказано отдельно, однако общий подход остается единым.

Исследование текстов для установления факта принадлежности их одному лицу и верификации автора строится по выработанному для автороведческой идентификационной экспертизы алгоритму: определение пригодности текстов для исследования, отдельный анализ, сравнительный анализ, оценка результатов и выводы [Рубцова, Ермолова, Безрукова и др...., 2007]. Однако наполнение этих этапов для поставленных задач будет отличаться от традиционного.

Этап *определения пригодности текста* для автороведческого исследования в данном случае связан с определением, прежде всего, объема текста.

Для решения задачи определения принадлежности нескольких текстов одному лицу исследуются только тексты протоколов, без образцов письменной речи. Поскольку исследованию подлежит только описательная часть протокола, ее объем должен быть достаточным для устойчивого проявления навыка письменной речи. В автороведческой экспертизе объем спорного текста и образцов письменной речи предполагаемого автора определяется, прежде всего, информативностью текстов, то есть, их способностью отражать навыки письменной речи автора. Поскольку протокол допроса относится к низкоинформативным жанрам, его автороведческое исследование требует достаточно большого объема спорного текста и образцов, что не всегда возможно в реальной экспертной практике. Кроме того, информативность текста конкретного протокола допроса зависит от личности составителя, его следования жанровому канону и официально-деловому стилю, с одной стороны, и требованию максимально точно передавать речь допрашиваемого, с другой, то есть, от конкретных навыков и привычек составления протоколов допросов. Все это приводит к тому, что в одних случаях описательная часть текста объемом 500 слов может достаточно полно передавать навыки письменной речи составителя и информанта, а в других – тексты объемом свыше

полутора тысяч слов отражают навык весьма слабо. В связи с этим, однозначно определить нижнюю границу объема текстов протокола допроса возможно лишь на материале, количество которого требует применения средств и методов корпусной лингвистики.

На материале проанализированных нами текстов объемом от 160 до 5 000 слов удалось установить, что минимальный объем, необходимый для устойчивого отражения хотя бы части навыков письменной речи в протоколе допроса на всех языковых уровнях, при условии хорошей информативности текста (не шаблонного характера его заполнения) составляет 500 слов, при меньшем количестве слов синтаксический и прагматический уровни не раскрываются в полной мере.

К этапу определения пригодности образцов для решения задачи верификации авторства предъявляются еще более строгие требования, поскольку в данном случае, помимо текста самого протокола допроса на исследование предъявляются также образцы письменной речи предполагаемого автора. В идеале эти образцы должны соответствовать спорному тексту по жанру, но в большинстве случаев это оказывается невозможным, поэтому важно соблюсти соответствие хотя бы стиля, времени и коммуникативной ситуации. Например, в качестве образцов письменной речи для определения того, принадлежит ли текст протокола допроса полностью составителю, можно предоставить постановление по делу или другой документ, составленный им в ходе следствия. Объем образца однозначно установить также достаточно трудно, поскольку многое зависит от принципов передачи речи информанта, которых придерживается составитель при создании протокола, его индивидуального стиля и т.д.

Этап раздельного анализа для обоих типов задач включает несколько важных шагов.

1. Определение границ исследуемого текста.
2. Определение жанровых черт каждого текста.
3. Определение идентификационных признаков каждого текста.
4. Определение признаков неоднородности авторской речи в каждом тексте.

Первый шаг связан со структурой протокола допроса и тем фактом, что навык письменной речи автора (как составителя, так и информанта) может проявляться только в описательной части. Соответственно на этом шаге определяются границы описательной части протокола допроса. Для определения границ текста-образца необходимо представление о его жанре и структурных особенностях.

Второй шаг нацелен на определение соответствия текста заявленному жанру. Если соответствие устанавливается, выделенные на основе жанровых черт идентификационные

признаки будут релевантны, если нет, необходимо установить причины и способы отклонения от жанра.

Исследование проявившихся в тексте протокола допроса идентификационных признаков направлено на определение навыка письменной речи составителя и информанта, оно проводится путем анализа текста по выделенным нами выше признакам.

Последний шаг этого этапа – определение признаков неоднородности авторской речи – направлен на определение степени проявления языковой личности информанта в тексте протокола и текстах-образцах. Наличие значительного количества признаков неоднородности и их регулярное проявление будет свидетельствовать о том, что текст составлен со слов информанта, полное отсутствие таких признаков может быть показателем создания текста составителем без участия информанта.

Этап сравнительного анализа включает:

1. сравнение идентификационных признаков, проявившихся в каждом тексте;
2. сравнение признаков неоднородности авторской речи;
3. сравнительный анализ дословных совпадений в исследуемых текстах;
4. сравнительный анализ наличия в тексте признаков переработки другого текста.

Первый шаг – сравнение идентификационных признаков проанализированных текстов с целью определения сходства или различия отразившегося в текстах навыка письменной речи. Он представляет собой поуровневое сопоставление общих и частных признаков и составление набора совпадающих и различающихся идентификационных признаков.

Сравнение признаков неоднородности авторской речи для решения задачи определения принадлежности нескольких текстов одному лицу построено на обнаружении схожих способов включения речи информанта в текстах разных протоколов.

Для решения задачи верификации неоднородность речи также оценивается как в спорном тексте, так и в образцах для исключения возможности ошибочного отнесения признаков речи составителя к признакам неоднородности.

Анализ дословных совпадений связан с тем, что в текстах протоколов допросов, предоставляемых на исследования для решения задачи определения принадлежности одному лицу, часто встречаются прямые текстовые совпадения высказываний и целых предложений. Их объем и характер может многое сказать об авторе текста. Так, если повторяются какие-то клишированные фразы, - это может служить показателем жанровой принадлежности, если же повторяются вводные слова или целые смысловые блоки – показателем принадлежности текстов одному лицу.

Определение наличия признаков переработки другого текста используется, главным образом, для решения задачи определения принадлежности нескольких текстов одному лицу. Наличие таких признаков может рассматриваться как один из показателей выполнения текстов одним лицом, стремящимся путем переработки замаскировать свое авторство и тождество создаваемых текстов.

Основными признаками переработки текста в автороведческой экспертизе считаются следующие:

- вставка незначашего фрагмента;
- замена слова или словосочетания на синонимичное;
- изменение рода в соответствии с полом допрашиваемого;
- замена существительного анафорическим местоимением.

Финальный этап исследования – оценка результатов исследования и формулировка выводов.

Оценка результатов происходит на основании анализа степени совпадения идентификационных признаков и дословных совпадений и выраженности признаков неоднородности авторской речи, а также признаков переработки другого текста.

Для задачи определения принадлежности нескольких текстов одному лицу однородность авторской речи при отсутствии существенных различий идентификационных признаков служит основанием для признания факта принадлежности исследуемых текстов одному лицу, поскольку показывает последовательное проявление навыков письменной речи одного лица и отсутствие вкраплений чужой речи.

При наличии совпадающих во всех текстах признаков неоднородности в совокупности с отсутствием существенных различий идентификационных признаков сделать вывод сложнее. Совпадение признаков неоднородности может служить, во-первых, показателем того, что тексты выполнены одним составителем, который однообразно включает в тексты речь информантов, во-вторых, показателем того, что тексты переписаны с одного источника (текст из одного протокола полностью или частично заимствуется в другие). Для разграничения этих случаев большую роль играет объем и качество дословных совпадений. Так, если тексты имеют значительное число дословных совпадений, можно предположить один источник составления. Если же дословных совпадений нет, для описания сходных ситуаций и объектов используется разная лексика, можно предположить единый стиль составителя текстов и разных информантов. Однако объема и качества признаков неоднородности авторской речи, как правило, недостаточно для категоричного вывода.

Различие признаков неоднородности при наличии существенных различий идентификационных признаков может указывать на принадлежность текстов разным лицам. При этом речь может идти как о разных составителях, так и о разных информантах, однако разделить это, как правило, не представляется возможным в силу фрагментарности и малого объема признаков речи информанта в тексте.

Для задачи верификации справедливы те же критерии, за исключением дословных совпадений и признаков переработки в текстах-образцах.

3.2.2. Решение задачи определения принадлежности нескольких текстов протоколов допросов одному лицу на примере исследования протоколов допросов по делу о взятке

Для демонстрации применения разработанной методики и выявленных во второй главе жанровых и идентификационных признаков нами было проведено исследование 3 текстов протоколов допросов по делу о взятке из личной экспертной практики автора диссертационного исследования.

На экспертизу были предоставлены заверенные копии 3 протоколов допросов свидетелей по делу о взятке объемом от 360 до 2000 слов.

Все тексты относятся к жанру протокола допроса, соответственно, для них характерна модель жанра, включающая:

- 1) структуру текста данного жанра (вводная, описательная и удостоверяющая части);
- 2) систему «автор-адресат»,
 - внешняя и внутренняя коммуникативная ситуация (допроса свидетеля по делу о взятке и протокола допроса свидетеля),
 - автор-составитель протокола и адресат (суд или другое уполномоченное лицо) - во внешней коммуникативной ситуации,
 - автор-допрашиваемый и адресат-следователь, и автор-следователь и адресат-допрашиваемый - во внутренней коммуникативной ситуации;
- 3) Языковые признаки лексико-семантического, синтаксического, стилистического и прагматического уровней.

В целях соблюдения конфиденциальности имена и фамилии допрашиваемых изменены, сами протоколы обозначаются порядковым номером допрашиваемого: Протокол допроса Свидетеля №1, протокол допроса Свидетеля №2, протокол допроса Свидетеля №3.

Анализ протокола допроса Свидетеля №1

В протоколе допроса Свидетеля №1 во внутренней коммуникативной ситуации присутствует информант, который имеет процессуальный статус свидетеля по уголовному делу о взятке. Пол информанта — женский, возраст — 25 лет, имеет высшее техническое образование, сфера профессиональной деятельности — транспорт.

Составитель протокола допроса — мужского пола, майор юстиции, начальник следственного отдела, возраст не указан.

Текст выполнен в соответствии со структурой протокола допроса, отклонения от жанрового канона, влияющие на определение жанра текста, отсутствуют.

Идентификационные признаки в протоколе допроса Свидетеля №1*Орфографические признаки*

Регулярные ошибки на уровне орфографии отсутствуют.

Пунктуационные признаки

1. Отсутствие запятой перед союзом «и» между частями сложного предложения:

- часто
- регулярно

Примеры: *«Вообще кто такая Татьяна и как она решала вопрос с проставлением отметок я не знаю».*

2. Отсутствие запятой между частями сложноподчиненного предложения

- часто
- регулярно

Примеры: *«Что это за Татьяна я не знаю...», «Я спросила куда именно перевести деньги...», «Вообще кто такая Татьяна и как она решала вопросы по отметкам я не знаю».*

3. Лишнее двоеточие перед перечислением предметов

- редко
- в повторяющейся фразе

Примеры: *«отметки за экзамены по предметам: «Экономика», «Управление на транспорте», «Безопасность на транспорте» ...».*

4. Необословление вводного слова

- часто
- регулярно

Примеры: *«Соответственно на сессию я ходила только на те зачеты и экзамены, которые сдавала сама».*

Лексико-семантические признаки

Жанровые признаки

1. Предметные номинации с конкретным значением:

- часто
- регулярно

Из трех лексико-семантических парадигм.

- Самая большая по разнообразию и частоте лексики - парадигма «обучение в ВУЗе»: *университет, заочный факультет, учиться на последнем курсе, сессия, зачеты, экзамены, проставить отметки о сдаче зачетов и экзаменов, зачетная книжка.*

- Менее разнообразна и частотна парадигма «денежные средства»: *за деньги, перевести деньги, банковская карта, банкомат, выписка по контракту клиента ВТБ, детализация по банковской карте и т.п.*

- Отдельные термины и номинации предметов из сферы «железнодорожный транспорт»: *«Эксплуатация железных дорог», железная дорога, «Транспортное право» и т.п.*

2. Гипонимы, уточняющие или заменяющие конкретные гиперонимы

- редко
- нерегулярно

Название конкретных предметов для уточнения родовой номинации «наименования образовательных курсов»: *«Она сказала, что сможет помочь поставить отметки за зачеты и экзамены по некоторым предметам, то есть отметки по предметам «Экономика», «Безопасность на транспорте», «Основы транспортного бизнеса» ...».*

3. Имена собственные

- часто
- регулярно

Несколько классов имен собственных.

- Имена и фамилии участников описываемых событий: *Татьяна, Слудкова, Тимирязев;*

- Наименования учебных курсов: *«Экономика», «Безопасность на транспорте», «Транспортное право» и т.п.;*

- Наименования организаций: *вокзал «Экспресс-пригород», банк ВТБ;*

- Наименование улиц: *ул. Ленина, пр. Маркса и т.п.*

4. Декриптивные слова

- редко
- нерегулярно

Слова, называющие признак по образу действия: *«Соответственно, на сессии я ходила только на те предметы, которые сдавала сама. На предметы, за которые я заплатила, я не ходила и экзамены эти не сдавала».*

5. Точные указания даты, места, наименования и т.п.

-часто

- регулярно

Характер:

- указание даты: *это было 09.09.2016; я положила на свою банковскую карту 12.12.16; в конце января, до 20.02.01;*

- указание суммы: *надо перевести 45 000 рублей; я перевела ей 90 015 рублей, потому что 15 рублей составляла комиссия банка, а еще 45 000 я перевела за кого-то из студентов;*

- указание наименований предметов: *«Транспортное право», «Безопасность на транспорте», «Эксплуатация железных дорог».*

6. Лексика со значением неуверенности, неосведомленности говорящего

- часто

-регулярно

- Значение отсутствия у допрашиваемого полной картины событий: *Где точно, я не помню; в конце января, когда точно я не помню;*

- значение неосведомленности: *кто такая эта Татьяна, я не знаю; каким образом Татьяна проставляла отметки, я не знаю.*

7. Слова с указательным значением:

- часто

- регулярно

- местоимение, указывающее на ранее употреблявшееся существительное: *«в этот день», «в ту сессию».*

8. Глаголы физического действия

- часто

- регулярно

Примеры: *передать зачетную книжку, положить деньги, проставить отметки, забрать зачетную книжку.*

9. Личные местоимения первого лица единственного и множественного числа

- часто

- регулярно

- Единственного числа: *Я позвонила Слудковой; Я положила деньги; Я не посещала зачеты и экзамены;*

- множественного числа: *мы договорились, мы встретились.*

10. Числительные даты

- редко

- регулярно

Примеры: *09.09.2016, в ноябре 2016 года.*

11. Наречия со значением последовательности действий:

- редко

- нерегулярно

Примеры: *Сначала я обучалась в группе 13-Д, потом 13-УД (УД означает ускоренное обучение).*

12. Глаголы действительного залога

- часто

- регулярно

Примеры: *я находилась на больничном, не могла посещать, позвонила и сказала, перевела деньги и т.п.*

13. Глаголы прошедшего времени

- часто

- регулярно

Примеры: *я попросила, передала, забрала, проставила, уточняла и т.п.*

14. Лексический повтор

- часто

- регулярно

Примеры: *...за деньги проставить отметки о сдаче экзаменов и зачетов в эту сессию без посещения этих зачетов и экзаменов*

15. Плеоназм:

- редко

- нерегулярно

Примеры: *без фактического присутствия.*

Авторские признаки

1. Оценочная лексика

- редко

- нерегулярно

Пример: *это незаконно, посещать сессию было невозможно, так как меня не отпускали с работы.*

2. Лексика со значением регулярности действий или событий:

- редко

- нерегулярно

Примеры: *меня опять не отпускали с работы; мы снова встретились.*

3. Модальные глаголы

- однократно

Примеры: *Я бы не смогла посещать сессию, так как была на больничном очень продолжительное время.*

4. Контекстные синонимы

- однократно

Примеры: *сдавать сессию – сдавать зачеты и экзамены.*

5. Антонимы:

- редко

-регулярно

Абсолютные, контекстные из сферы обучения в ВУЗе: *сначала - потом; сдавала сама – за деньги проставить отметки; работа - учеба; передать - забрать.*

6. Антитеза

- однократно

Из сферы обучения в ВУЗе: *сдавала сама – проставили отметки без моего фактического присутствия.*

7. Нарушение лексической сочетаемости

- редко

- регулярно

Примеры: *решить вопрос по мне.*

Семантические уточнения

В протоколе допроса Свидетеля №1 было обнаружено 11 типов уточнений.

1. Пояснение термина или понятия: *«Сначала я обучалась в группе 13-Д, потом 13-УД (УД означает ускоренное обучение)».*

2. Уточнение количественных характеристик объекта речи: *«... и сейчас я учусь на последнем б курсе»)*

3. Уточнение причины: *«... и с 2018 году я перевелась в группу 17-Д, поскольку оставалась на второй год по причине болезни»; «... что я и сделала через банкомат,*

расположенный в здании пригородного вокзала (я там рядом работаю), что подтверждается представленной мне выпиской», «... я положила на свою карту наличные денежные средства в отделении ВТБ банка (я там рядом живу)».

4. Уточнение времени через соотнесение с важным для автора событием: «До осени 2016 года, когда я была уже на 4 курсе, я все экзамены и зачеты сдавала сама», «Примерно в конце января-феврале 2017 года, до 20.02.2017, когда я сама сдавала зачет, я забрала у нее зачетную книжку».

5. Уточнение объектов речи: «... Татьяна сможет помочь поставить отметки за зачеты и экзамены по некоторым предметам, то есть отметки по зачетам по предметам «Основы транспортного бизнеса» у преподавателя Ковалевой, «Техническая эксплуатация железных дорог» у преподавателя Квашина...»,

6. Указание на неуверенность или неосведомленность автора в достоверности сообщаемой информации: «По предметам..., насколько я помню, зачеты и экзамены мы сдавали сами», «После того, как я перевела ей деньги, то спустя несколько дней, также в сентябре 2016 года, дату точно не помню, я лично в г. Новосибирске, где мы обе живем, но где точно был я не помню, передала ей свою зачетную книжку», «...в начале января 2017 года, точную дату я не помню, я опять обратилась к ней и также попросила помочь за деньги проставить отметки о сдаче зачетов и экзаменов...», «После того, как я перевела ей деньги, то спустя несколько дней, в январе 2017 года, дату точно не помню, но до начала сессии...».

7. Уточнение-присоединение: «...Что я и сделала через банкомат, расположенный в здании пригородного вокзала... Уточняю, что я перевела ей 86 000 рублей, потому что еще 43 000 рублей я перевела за кого-то другого...», «Мы встретились также в начале ноября 2016 года, и она передала мне зачетку с проставленными отметками. Также хочу уточнить, что я все проставленные отметки впоследствии сверяла у методиста...», «В начале января 2017 года я находилась на больничном по причине болезни, лечилась я в последствии очень долго и на всю эту сессию я ходить бы сама не смогла...», «Остальные предметы мне надо было сдавать самой, что я и сделала», «За это надо было заплатить 48 000 рублей, что я сделала путем перевода со своей карты на ее карту», «Тут, уточняю, что для того, чтобы перевести деньги за себя я положила на свою карту наличные денежные средства в отделении ВТБ банка...», «Уточняю, что денег я положила себе на карту больше для личных нужд».

8. Уточнение нижней временной границы: «Примерно в начале ноября 2016 ода, уже после сессии, она позвонила мне...»

9. Уточнение даты: «*После того, как я перевела ей деньги, то спустя несколько дней, также в сентябре 2016 года... я лично... передала ей свою зачетную книжку*», «*После того, как я перевела ей деньги, то спустя несколько дней, в январе 2017 года...*».

10. Уточнение места через указание на присутствие там автора и объекта речи одновременно: «*я лично в г. Новосибирске, где мы обе живем, но где точно было я не помню, передала ей свою зачетную книжку*»

11. Уточнение верхней временной границы: «*После того, как я перевела ей деньги, то спустя несколько дней, в январе 2017 года, дату точно не помню, но до начала сессии...*», «*Примерно в конце января-феврале 2017 года, до 20.02.2017, когда я сама сдавала зачет, я забрала у нее зачетную книжку*».

Все проанализированные типы представлены в виде таблицы с разделением на низкоинформативные и высокоинформативные и градацией расположения от наиболее частотных до тех, которые встречаются единично (Табл. 8).

Таблица 8

Семантические уточнения в протоколе допроса Свидетеля №1

Низкоинформативные уточнения	Высокоинформативные уточнения
Указание на неуверенность или неосведомленность автора	Уточнение-присоединение
Уточнение даты	Уточнение времени через соотнесение с важным событием
Пояснение термина или понятия	Уточнение временной границы: Верхней Нижней
Уточнение объектов речи	Уточнение причины
Уточнение количественных характеристик объекта речи	Уточнение времени через указание на совместное пребывание там автора и объекта речи

Как видно из анализа, для текста протокола допроса Свидетеля №1 характерно регулярное использование и большое разнообразие как низкоинформативных, так и высокоинформативных типов уточнений. Однообразное синтаксическое и лексическое оформление некоторых типов на протяжении всего текста (например, указания на неуверенность или неосведомленность говорящего, уточнение причины и т.п.) может

быть показателем речи составителя. В целом наличие регулярных и разнообразных высокоинформативных уточнений показывает хорошую выраженность авторской речи в тексте протокола.

Синтаксические признаки

Жанровые признаки

1. Прямой порядок слов

- редко

- регулярно

Примеры: *Соответственно на сессию я ходила только на те зачеты и экзамены, которые сдавала сама.*

2. Преобладающие типы предложений

Преобладают сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным: «Через несколько дней она перезвонила мне и сказала, что Татьяна сможет мне помочь»

- часто

- регулярно

3. Осложнение предложений

- редко

- регулярно

Однородными дополнениями: «поставить отметки за зачеты и экзамены»

4. Синтаксические конструкции с пояснительным и уточняющим значением

- часто

- регулярно

Примеры: *Я осталась на второй год по причине болезни; сдать деньги за проставление отметок по зачетам и экзаменам.*

Авторские признаки

1. Парцелляция

- часто

- регулярно

Примеры: *После этого я передала Слудковой зачетную книжку мою и еще одного студента. Как она передавала зачетные книжки Татьяне я не знаю; Меня снова не отпускали с работы. Поэтому я снова позвонила Слудковой и попросила помочь проставить отметки и в эту сессию.*

2. Анафора

- часто

- регулярно

Примеры: *Я спросила куда перевести деньги... Я перевела деньги в тот же день на ее банковскую карту; Уточняю, что для того чтобы перевести деньги, я положила себе на карту... Уточняю, что денег я положила больше для личных нужд.*

3. Обратный порядок слов

- часто

- регулярно

Примеры: *По работе у меня периодически возникали проблемы...*

4. Использование придаточного предложения как самостоятельного

- однократно

Пример: *Меня снова не отпускали с работы. Поэтому я снова позвонила Слудковой.*

5. Постановка лишних союзов в придаточной части сложноподчиненного предложения

- однократно

Пример: *После того как я перевела ей деньги, то спустя несколько дней, также в сентябре 2016...*

6. Повтор союзов

- однократно

Пример: *отметки по зачетам по предметам.*

Стилистические признаки

Жанровые

1. Аббревиатуры

- однократно

Сокращенное название организаций: *банк ВТБ*

2. Юридические и оперативно-розыскные профессионализмы и термины

- часто

- регулярно

Примеры: *обстоятельства передачи, в ходе телефонного разговора, передала лично.*

Авторские признаки

3. Неюридическая профессиональная терминология:

- часто

- регулярно

Из финансовой сферы: *банковская карта, банк, справка из банка, банкомат, сервис ВТБ-онлайн, «деньги, переводить на карту».*

Из сферы обучения в ВУЗе: *зачетная книжка, отметки за зачеты и экзамены, зачет, экзамен, заочный факультет, специальность.*

Эмотивные признаки

1. Использование лексики, выражающей отношение к сообщаемому

- однократно

Пример: *Я понимала, что это незаконно.*

Прагматические признаки

1. Нарушение максимы количества – сообщение излишне подробной информации

- часто

- регулярно

Дублирование информации, излишняя детализация: *«в 2016 году я была на последнем 6-м курсе», «находилась на больничном по причине заболевания», «Соответственно, на сессию я ходила только на те зачеты и экзамены, которые сдавала сама, на остальные зачеты и экзамены я не ходила».*

2. Нарушение максим релевантности

- часто

- регулярно

Объемные уточнения и разъяснения деталей, вставленные в повествование о передаче денежных средств: *«Я спросила, куда нужно перевести деньги, и Слудкова сказала, чтобы я перевела ей на карту, а она потом сама переведет Татьяне, что я и сделала 16.08.2016 через банкомат банка ВТБ в здании вокзала «Экспресс-пригород». Я положила сумму 90 015 рублей, что подтверждается представленной мне для обозрения выпиской по контракту клиента ВТБ по моей банковской карте и полученной мною детализацией по моей банковской карте, которую я приобщаю к протоколу допроса. После того, как я перевела ей деньги...»*

3. Нарушение максимы способа

- часто

- регулярно

Слияние нескольких предложений в одно, нарушение максимы релевантности, парцелляция и лексические и синтаксические ошибки приводят к усложнению пониманию и возникновению неоднозначных толкований.

Признаки неоднородности авторской речи

Прямых цитат из речи допрашиваемого в тексте протокола допроса не обнаруживается.

Межуровневые несоответствия отсутствуют: значительное количество пунктуационных ошибок согласуется с однообразным синтаксисом, обилием инверсии и парцелляции, синтаксическими и частыми лексическими ошибками, в том числе частым лексическим повтором. Отсутствие орфографических ошибок может свидетельствовать о привычности используемых слов и выражений для речи автора.

Прагматический уровень отражает скорее речь составителя, чем речь допрашиваемого, поскольку нарушения коммуникативных максим имеют лексическое наполнение, характерное для официально-деловой коммуникации и розыскной деятельности.

Анализ протокола допроса Свидетеля №2

В протоколе допроса Свидетеля №2 во внутренней коммуникативной ситуации присутствует информант, который имеет процессуальный статус свидетеля по уголовному делу о взятке. Пол допрашиваемого — мужской, возраст — 26 лет, имеет высшее техническое образование, сфера профессиональной деятельности — транспорт.

Составитель протокола — мужского пола, лейтенант юстиции.

Идентификационные признаки протоколов допросов Свидетелей №2 и №3 представлены в Приложении (Приложение 2).

Анализ протокола допроса Свидетеля №3

В протоколе допроса Свидетеля №3 во внутренней коммуникативной ситуации присутствует информант, который имеет процессуальный статус свидетеля по уголовному делу о взятке. Пол допрашиваемого — женский, возраст — 26 лет, имеет высшее техническое образование, сфера профессиональной деятельности — транспорт.

Составитель — мужского пола, лейтенант юстиции (не тот, что в протоколе допроса Свидетеля №2).

Протокол допроса Свидетеля № 3 имеет самый маленький объем - 360 слов. Поэтому его анализ представляется весьма затруднительным.

Анализ протокола допроса Свидетеля №3 представлен в Приложении 2.

Сравнительный анализ протоколов допросов Свидетеля №1, Свидетеля №2 и Свидетеля №3

Результаты сравнительного анализ протоколов допросов Свидетелей №1, 2 и 3 представлен в таблице 9.

Таблица 9

Идентификационные признаки в протоколах допросов Свидетелей №1, №2 и №3

Есть во всех текстах	Только в текстах 1 и 2	Только в текстах 2 и 3	Только в тексте №1	Только в тексте №2	Только в тексте №3
Орфографические признаки					
	Частотные и регулярные отсутствуют				Несогласованность сущ. с предлогом
Пунктуационные признаки					
Лишние запятые; Лишнее двоеточие перед перечислением предметов; Необособление вводного слова	Отсутствие запятой перед союзом «и» в сложноподчиненном предложении; Отсутствие запятой между частями сложноподчиненного предложения;				Необособление уточнения
Лексико-семантические признаки					
Предметные номинации с конкретным значением; Гипонимы; Имена собственные; Декриптивные слова;	Оценочная лексика; Нарушение лексической сочетаемости		Плеоназм; Модальные глаголы; Антитеза	Тавтология	Оксюморон

<p>Лексика с указательным значением; Лексика со значением неуверенности; Глаголы физического действия; Местоимения первого лица единственного и множественного числа; Числит. даты; Наречия со значением последовательно сти действий; Глаголы действит. залога; Глаголы прош. врем.; Лексические повторы; Синонимы; Антонимы</p>					
Семантические уточнения					

<p>Указание на неуверенность автора в достоверности сообщаемого (низкоинф.); Уточнение объекта речи (низкоинф.)</p>	<p>Пояснение понятия (низкоинф.); Уточнение причины (высокоинф.)</p>	<p>Уточнение-присоединение (высокоинф.)</p>	<p>Уточнение времени через соотнесение с важным в коммуникативной ситуации событием (высокоинф.); Уточнение верхней и нижней временных границ (высокоинф.); Уточнение времени через указание на совместное пребывание там автора и другого лица (высокоинф.); Уточнение количественных характеристик к объекта речи (низкоинф.)</p>	<p>Уточнение качественных характеристик к объекта речи (низкоинф.)</p>	
Синтаксические признаки					
<p>Преобладает прямой порядок слов;</p>	<p>Осложнение однородными сказуемыми;</p>		<p>Анафора; Повтор союза;</p>		

Преобладают сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным; Осложнение однородными дополнениями; Парцелляция; Обратный порядок слов	Использование придаточного предложения как самостоятельно го		Лишние союзы		
Стилистические признаки					
Аббревиатуры; Неюр. проф. лексика; Юр. и оперативно- розыскная терминология и профессионали змы					
Эмотивные признаки					
Лексика со значением отношения к сообщаемому					

Сравнительный анализ идентификационных признаков показывает, что большая часть признаков совпадает во всех проанализированных протоколах как на уровне общих, так и на уровне частных признаков.

Текст протокола допроса Свидетеля №1 содержит наибольшее число идентификационных признаков (50). Это закономерно, так как его объем превышает

объем текста протоколов допросов Свидетелей №2 и №3. Признаков, не обнаруженных в текстах Свидетеля №2 и №3, в данном тексте 10, среди которых большая часть связана с типами уточнений, лексико-семантическими и синтаксическими признаками. Уникальные для данного текста уточнения хоть и являются высокоинформативными, не имеют регулярных проявлений, а характеризуются преимущественно однократным употреблением.

В текстах протоколов допросов Свидетелей №2 и №3 признаки, не присутствующие в тексте протокола допроса Свидетеля №1 присутствуют в незначительных количествах (2 и 3 соответственно). Для текста протокола допроса Свидетеля №2 такие уникальные признаки выделяются на уровне низкоинформативных семантических уточнений и жанровых лексико-семантических признаков, то есть являются в целом слабо отражающими навыки письменной речи. Кроме того, их проявления в тексте единичны. Для текста протокола допроса Свидетеля №3 уникальные идентификационные признаки обнаружены на орфографическом, пунктуационном и лексико-семантическом уровнях, при этом наибольшей информативностью обладает авторский лексико-семантический признак, однако его проявление в тексте однократно, поэтому рассматривать его как признак, отражающий навык письменной речи, некорректно. Признаки орфографического и пунктуационного уровней также нерегулярны.

Признаки неоднородности авторской речи были обнаружены в текстах протоколов допросов Свидетелей №1 и 2. Они проявляются слабо и в обоих текстах имеют схожий характер.

Таким образом, результаты сравнительного анализа показывают высокую степень сходства идентификационных признаков, присутствующих в текстах протоколов допросов Свидетелей №1, 2 и 3, а также сходство признаков неоднородности в текстах Свидетелей №2 и №3. Для уточнения результата необходимо также провести анализ дословных совпадений и признаков переработки другого текста.

Анализ дословных совпадений в текстах протоколов допросов Свидетелей №1, 2, 3

В исследуемых текстах содержится значительное число дословных совпадений. Результаты их анализа приведены в таблице (Табл. 10).

Таблица 10

Дословные совпадения в протоколах допросов Свидетелей №1, 2 и 3

Протокол допроса	Протокол допроса	Протокол допроса Свидетеля
------------------	------------------	----------------------------

Свидетеля №1	Свидетеля №3	№2
<p><u>В 2013 году я поступила на заочный факультет по специальности «Эксплуатация железных дорог».</u> Сначала я обучалась в группе <u>13-Д</u>, потом 13-УД (УД означает ускоренное обучение).</p>	<p><u>В 2013 году я поступила на заочный факультет по специальности «Эксплуатация железных дорог»</u> в группу <u>13-Д</u>.</p>	<p><u>В 2013 году я поступил на заочный факультет по специальности «Эксплуатация железных дорог».</u> Сначала я обучался в группе <u>13-Д</u>, потом 13-УД (УД означает ускоренное обучение).</p>
<p><u>На 4 курсе у нас</u> в октябре <u>должна была быть очередная сессия.</u></p>	<p><u>На 4 курсе у нас</u> в октябре <u>должна была быть очередная сессия.</u></p>	<p><u>На 4 курсе у нас</u> в октябре <u>должна была быть очередная сессия.</u></p>
<p>... есть возможность через некую Татьяну договориться о том, чтобы <u>за деньги</u> проставить <u>отметки о сдаче зачетов и экзаменов</u> в эту сессию <u>без посещения</u> этих зачетов и экзаменов.</p>	<p>...можно заплатить <u>деньги</u> кому-то, чтобы по некоторым предметам проставили <u>отметки о сдаче зачетов и экзаменов без</u> фактической сдачи, и посещения этих зачетов и экзаменов.</p>	<p>...платят <u>деньги</u> за то, чтобы им проставили <u>отметки о сдаче зачетов и экзаменов без</u> их фактической сдачи и посещения.</p>
<p>...сказала, что Татьяна сможет помочь поставить отметки за зачеты и экзамены по некоторым предметам, то есть отметки по зачетам по предметам <u>«Основы транспортного бизнеса», «Техническая эксплуатация железных дорог и безопасность движения», а также отметки за экзамены по предметам: «Транспортное право», «Сервис на транспорте»,</u></p>	<p>Насколько я помню, это были следующие предметы: <u>«Основы транспортного бизнеса», «Техническая эксплуатация железных дорог и безопасность движения», а также отметки за экзамены по предметам: «Транспортное право», «Сервис на транспорте», «Управление эксплуатационной работой», «Технические</u></p>	<p>Слудкова сказала, что сможет помочь поставить отметки за зачеты и экзамены по предметам <u>«Основы транспортного бизнеса», «Техническая эксплуатация железных дорог и безопасность движения», а также отметки за экзамены по предметам: «Транспортное право», «Сервис на транспорте», «Управление эксплуатационной работой», «Технические средства</u></p>

<u>«Управление эксплуатационной работой», «Технические средства обеспечения безопасности».</u>	<u>средства обеспечения безопасности».</u>	<u>обеспечения безопасности».</u>
<u>Соответственно на сессию я ходила только на экзамен и зачеты, которые сдавала сама, на остальные экзамены и зачет я не ходила.</u>	<u>Соответственно в октябре 2016 года на сессию я ходила только на те предметы, которые сдавала сама.</u>	<u>Соответственно в октябре 2016 года на сессию я ходил только на те предметы, которые сдавал сам.</u>

Кроме того, были обнаружены дословные совпадения, которые присутствуют в двух текстах из трех. Совпадения в текстах Свидетелей №1 и №2, Свидетелей №2 и №3 представлены в таблицах (Табл. 11, 12, соответственно).

Таблица 11

Дословные совпадения в текстах протоколов допросов Свидетелей №1 и №2

Протокол допроса Свидетеля №1	Протокол допроса Свидетеля №2
<u>В 2013 году я поступила на заочный факультет по специальности «Эксплуатация железных дорог». Сначала я обучалась в группе 13-Д, потом 13-УД (УД означает ускоренное обучение).</u>	<u>В 2013 году я поступил на заочный факультет по специальности «Эксплуатация железных дорог». Сначала я обучался в группе 13-Д, потом 13-УД (УД означает ускоренное обучение).</u>
<u>О том, что деньги за проставление отметок передавала именно ему Слудкова мне об этом не говорила, я догадывалась, что в этом замешан кто-то из преподавателей, но кто именно я не знала.</u>	<u>О том, что деньги за проставление отметок передавались именно ему я не знал.</u>

Таблица 12

Дословные совпадения в текстах протоколов допросов Свидетелей №2 и №3

Протокол допроса Свидетеля №3	Протокол допроса Свидетеля №2
<u>От старосты своей группы Слудковой мне было известно, что через нее можно заплатить деньги кому-то...</u>	<u>От старосты своей группы Слудковой мне было известно, что есть такая практика, когда некоторые студенты «покупают»</u>

	<i>отметки...</i>
<i>Соответственно в октябре 2016 года на сессию я ходила только на те предметы, которые сдавала сама.</i>	<i>Соответственно в октябре 2016 года на сессию я ходил только на те предметы, которые сдавала сам.</i>
<i>В эту же сессию в октябре 2016 года, где-то в здании университета Слудкова вернула мне зачетную книжку с проставленными отметками по предметам: «Основы транспортного бизнеса», «Техническая эксплуатация железных дорог и безопасность движения», «Транспортное право», «Сервис на транспорте», «Управление эксплуатационной работой», «Технические средства обеспечения безопасности», на которых я вообще не присутствовала.</i>	<i>В эту же сессию где-то в здании университета или рядом Слудкова вернула мне зачетную книжку с проставленными отметками по предметам: «Основы транспортного бизнеса», «Техническая эксплуатация железных дорог и безопасность движения», «Транспортное право», «Сервис на транспорте», «Управление эксплуатационной работой», «Технические средства обеспечения безопасности».</i>

Анализ дословных совпадений, которые обнаружены в протоколах допросов свидетелей, позволяют выявить следующую закономерность.

1. Исследованные протоколы допросов содержат совпадения общего характера, отражающие ключевые сюжетно-композиционные элементы:

- ситуацию поступления в ВУЗ;
- предпосылки платы за проставление зачетов и экзаменов;
- перечень предметов;
- объем посещения предметов в указанную сессию.

2. Также они содержат совпадения, касающиеся существенных, организационных моментов. Значительная часть этих совпадений касается частных деталей, которые не могут быть в одинаковом объеме известны разным лицам.

Объем и качество дословных совпадений позволяет предположить преемственность исследуемых текстов. Для подтверждения этого предположения был проведен анализ признаков переработки текста протокола допроса Свидетеля №1 в текстах протоколов допросов Свидетелей №2 и №3.

Анализ признаков переработки

Протокол допроса Свидетеля №2 имеет признаки переработки протокола допроса Свидетеля №1.

Можно выделить следующие типы переработки, которые нашли отражение в указанном протоколе:

1) вставка незначащего фрагмента – в протоколе допроса Свидетеля №1: «Соответственно на сессию я ходила только на экзамен и зачеты, которые сдавала сама, на остальные экзамены и зачет я не ходила», в протоколе допроса Свидетеля №2: «Соответственно в октябре 2016 года на сессию я ходил только на те предметы, которые сдавал сам»;

2) изменение рода в соответствии с полом допрашиваемого – в протоколе допроса Свидетеля №1: «В 2013 году я поступила на заочный факультет по специальности «Эксплуатация железных дорог». Сначала я обучалась в группе 13-Д, потом 13-УД (УД означает ускоренное обучение)», в протоколе допроса Свидетеля №2: «В 2013 году я поступил на заочный факультет по специальности «Эксплуатация железных дорог». Сначала я обучался в группе 13-Д, потом 13-УД (УД означает ускоренное обучение)»;

3) замена существительного анафорическим местоимением – в протоколе допроса Свидетеля №1: «сессию без посещения этих зачетов и экзаменов», в протоколе допроса Свидетеля №2: «без их фактической сдачи и посещения»;

4) замена слова или словосочетания на синонимичное - в протоколе допроса Свидетеля №21: «... есть возможность через некую Татьяну договориться о том, чтобы за деньги проставить отметки о сдаче зачетов и экзаменов в эту сессию без посещения этих зачетов и экзаменов», в протоколе допроса Свидетеля №2: «...попросил помочь решить вопрос таким образом»).

Протокол допроса Свидетеля №3 обнаруживает переработку как протокола допроса Свидетеля №1, так и протокола допроса Свидетеля №2:

1) вставка незначащего фрагмента – в протоколе допроса Свидетеля №2: «В эту же сессию где-то в здании университета или рядом Слудкова вернула мне зачетную книжку», в протоколе допроса Свидетеля №3 «В эту же сессию в октябре 2016 года, где-то в здании СГУПСа она. вернула мне зачетную книжку»;

2) удаление незначащего фрагмента – в протоколе допроса Свидетеля №1 «...есть возможность через некую Татьяну договориться о том, чтобы за деньги проставить отметки о сдаче зачетов и экзаменов в эту сессию без посещения этих зачетов и экзаменов», в протоколе допроса Свидетеля №3: «...можно заплатить деньги кому-то,

чтобы по некоторым предметам проставили отметки о сдаче зачетов и экзаменов без фактической сдачи и посещения этих зачетов и экзаменов»;

3) замена словосочетания на синонимичное –в протоколе допроса Свидетеля №1: *«есть возможность...договориться»*, в протоколе допроса Свидетеля №3: *«можно заплатить деньги»*.

В проанализированных текстах наблюдается совпадение большей части идентификационных признаков, значительный объем дословных совпадений, а также признаки переработки одного или нескольких текстов в других текстах. Вместе с тем, объем протокола допроса Свидетеля №3 составляет всего 360 слов, что не дает возможности говорить о регулярности проявившихся признаков, поэтому категоричный вывод по данному тексту сделать невозможно. Что касается текстов протоколов допросов Свидетелей №1 и №2, объема текстов, количества и регулярности совпадающих признаков в совокупности с дословными совпадениями и признаками переработки достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что данные тексты принадлежат одному лицу.

Приведенный анализ текстов трех протоколов допросов свидетелей по делу о взятке демонстрирует применение предлагаемой методики и выделенных нами идентификационных признаков, показывает их эффективность для решения задачи определения принадлежности нескольких текстов одному лицу при условии достаточного объема исследуемых текстов. Малый объем текста протокола допроса, как это было показано при анализе текста Свидетеля №3, не дает возможности охарактеризовать регулярность проявления тех или иных признаков. Объем текста является ограничивающим фактором для решения данного типа задач.

3.2.3. Решение задачи верификации авторства текста протоколов допросов на примере исследования двух протоколов допросов свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова

Решение данной задачи для текстов протокола допроса не так частотно, как в случае с первой задачей, поэтому найти примеры текстов непросто. Для демонстрации предложенной методики нами были проанализированы два текста протокола допроса по делу о гибели экспедиции Дятлова: протокол допроса свидетеля Дряхлых, составленный прокурором Темпаловым, и протокол допроса самого прокурора Темпалова, составленный им собственноручно. Выбор обусловлен не только сложностью поиска более современных примеров, но и тем фактом, что авторство процессуальных документов по делу о гибели

экспедиции Дятлова подтверждено историческими данными и не вызывает сомнения, соответственно, можно быть уверенными в том, что образец речи принадлежит именно проверяемому автору. Кроме того, тексты принадлежат к одному жанру, посвящены описанию событий одного дела.

Оба текста относятся к жанру протокола допроса, соответственно, для них характерна модель жанра, включающая

1) Структуру текста данного жанра (вводная, описательная и удостоверяющая части);

2) Систему «автор-адресат», включающую внешнюю и внутреннюю коммуникативную ситуацию (допроса как первичного жанра и протокола допроса), автора-составителя протокола и адресата — суд или другое уполномоченное лицо - во внешней коммуникативной ситуации, автора-допрашиваемого и адресата-следователя, а также автора-следователя и адресата-допрашиваемого во внутренней коммуникативной ситуации;

3) Языковые признаки лексико-семантического, синтаксического, стилистического и прагматического уровней.

Раздельный анализ протоколов допросов

Анализ протокола допроса свидетеля Дряхлых

Протокол допроса свидетеля Дряхлых выполнен на русском языке, имеет объем текста 709 словоупотреблений, в том числе объем описательной части 583 словоупотребления.

Информант мужского пола, имеет полное среднее образование, работает в должности инженера, возраст не указан.

Составитель также мужского пола, имеет высшее образование, работает в должности прокурора, возраст не указан.

Анализ идентификационных признаков протокола допроса свидетеля Дряхлых

Орфографические признаки

1. Отсутствие дефиса в сложных словах

- редко

- регулярно

Примеры: «*потерялась группа туристов студентов*».

Пунктуационные признаки

1. Отсутствие запятой перед союзом «и» между частями сложного предложения

- часто
- регулярно

Примеры: *«Вечером я зашел в общежитие и увидел эту группу туристов и с одним из них я имел краткий разговор о их передвижении».*

2. Отсутствие запятой между частями сложноподчиненного предложения

- часто
- регулярно

Примеры: *«Студент сказал, что отправляемся на 2-й северный рудник, а далее на хребет Урала, конкретно не сказал и обратно по Уральскому хребту и выйти в пос. Вижай снова», «28 января 1959 года утром две лошади лесоучастка были направлены на 2 северный рудник за железными трубами куда был направлен рабочий Великявичус Станислав Александрович», «Спросил его как они доехали».*

Лексико-семантические признаки

Жанровые признаки

1. Предметные номинации с конкретным значением

- часто
- регулярно

Со значением:

- транспортных средств: *автомашина, лошади, самолет, лыжи, бульдозер;*
- места: *хребет, рудник, юрта, аэродром, склон.*

2. Гипонимы, уточняющие или заменяющие конкретные гиперонимы

- отсутствуют

3. Имена собственные

- часто
- регулярно

Несколько классов собственных имен

- Имена и фамилии участников описываемых событий: *Великявичус Станислав Александрович, Проданов И.С, Кузнецов Алексей Иванович;*

- Топонимы: *г. Ивдель, пос. Вижай, 41 квартал* и т.п.

4. Декриптивные слова

- отсутствуют

5. Точные указания даты, места, наименования и т.п.

- часто
- регулярно

- указание даты: *«28 января 1959 года»; «с 24 января по 1 февраля 1959 года включительно»;*

- указания времени: в 5 час. дня.

6. Лексика со значением неуверенности, неосведомленности говорящего

- редко

- регулярно

Пример: *«О том, что привез обратно одного студента он мне не сказал и я не спрашивал и этого студента лично не видел/».*

7. Слова с указательным значением

- часто

- регулярно

Примеры: *«Там у нас живет 50 человек рабочих. Этот поселок находится от пос. Вижай строго на север в 40 км»; «Вечером я зашел в общежитие и увидел эту группу туристов и с одним из них я имел краткий разговор о их передвижении».*

8. Глаголы физического действия

- часто

- регулярно

Примеры: *«прибыла группа туристов», «отправляемся на 2-й северный рудник».*

9. Личные местоимения первого лица единственного и множественного числа

- часто единственного числа, редко множественного числа

- регулярно

- единственного числа: *«С 24 января по 1 февраля 1959 года включительно я был в командировке по делам службы», «Фамилии их и имя я не знаю»;*

- множественного числа: *«На этом разговор у нас закончился».*

10. Числительные даты

- часто

- регулярно

Числительные даты: *«28 января 1959 года», «21.02.59 г».*

11. Наречия со значением последовательности действий

- однократно

Примеры: *«Затем вернулись обратно через 2-й сев рудник и пос. 41 квартала, повернули на Сев. Тошемку на запад».*

12. Глаголы действительного залога

- часто

- регулярно

Примеры: *«Там у нас живет 50 человек рабочих. Этот поселок находится от пос. Вижсай строго на север в 40 км. 27 января 1959 г. вечером в 5 час дня на автомашине из пос. Вижсай прибыла группа туристов в количестве 10 человек».*

13. Глаголы прошедшего времени

- часто
- регулярно

Примеры: *был, прибыла, вернулись, привез и т.п.*

14. Лексический повтор

- редко
- нерегулярно
- грамматически оправдано

Примеры: *«28 января 1959 года утром две лошади лесоучастка были направлены на 2 северный рудник за железными трубами куда был направлен рабочий Великявичус Станислав Александрович. На этих попутных лошадях были увезены вещи туристов. 29 января я встретил на бараке 41 квартала рабочего Великявичуса, который сгружал привезенные трубы».*

15. Плеоназм

- редко
- нерегулярно

Примеры: *«там у нас живет 50 человек рабочих».*

Авторские признаки

1. Оценочная лексика

- редко
- регулярно

Пример: *«Он ответил, что приехали благополучно»; «Таких ветров я редко наблюдал в районе хотя живу здесь уже 32 года».*

2. Глаголы в страдательном залоге

- часто
- регулярно

Примеры: *«две лошади лесоучастка были направлены, на этих попутных лошадях были увезены вещи туристов, потерялась группа туристов».*

3. Замена существительного анафорическим местоимением

- часто
- регулярно

Примеры: *«я был в командировке по делам службы на 41 квартале, где у энерголесокомбината г. Ивдель лесозаготовки. Там у нас живет 50 человек рабочих»; «Вечером я зашел в общежитие и увидел эту группу туристов и с одним из них я имел краткий разговор о их передвижении»*

5. Антонимы

- часто

- регулярно

Примеры: *«потерялась группа туристов студентов и их нужно разыскать»; «он мне не сказал, и я не спрашивал».*

6. Лексика со значением направления

- часто

- регулярно

Примеры: *«от пос. Вижай строго на север; отправляемся на 2-й северный рудник, а далее на хребет Урала»; «вылетели на самолете «Як» в направлении на пос. Вижай, оттуда вверх по р. Лозьва, через пос. 41 квартал, 2-й северный рудник, сев. рудник – до устья р. Аустия, вверх по р. Аустия».*

7. Лексика со значением точности, конкретности

- часто

- регулярно

Примеры: *включительно, строго, ясный след нарт манси.*

8. Нарушение лексической сочетаемости

- регулярно

Примеры: *«ветер с выпадением снега», «ниже нуля боле 30°».*

9. Оксюморон

- редко

- регулярно

Примеры: *«дороги на чистых местах были переметены»; «вечером в 5 час дня»;*

10. Неправильное употребление предлога

- однократно

Пример: *«За последние дни моей командировки в лесу был сильный ветер».*

Семантические уточнения

В протоколе допроса свидетеля Дряхлых обнаружено 12 типов уточнений.

1. Уточнение верхней и нижней временной границы: *«С 24 января по 1 февраля 1959 года включительно».*

2. Уточнение места через указание на расположение там важного для автора в данной коммуникативной ситуации объекта или пребывание важного в данной коммуникативной ситуации лица: *«24 января по 1 февраля 1959 года включительно я был в командировке по делам службы на 41 квартале, где у энерголесокомбината г. Ивдель лесозаготовки. Там у нас живет 50 человек рабочих.»*; *«28 января 1959 года утром две лошади лесоучастка были направлены на 2 северный рудник за железными трубами куда был направлен рабочий Великвичус Станислав Александрович»*;

3. Уточнение места с помощью указания расстояния и направления от реперной точки: *«Этот поселок находится от пос. Вижай строго на север в 40 км.»*, *«Мы снова поднялись и полетели на Запад к Уралу и видели ясный след нарт манси, идущий на запад на Урал от юрт Бахтияровых от реки Вижая 1,5 км»*, *«После этого мы полетели в вершину реки Вижай, выше притока Анчуча»*.

4. Указание на неосведомленность и незаинтересованность информанта: *«Фамилии их и имя я не знаю»*; *«Студент сказал, что отправляемся на 2-й северный рудник, а далее на хребет Урала, конкретно не сказал»*; *«О том, что привез обратно одного студента он мне не сказал и я не спрашивал и этого студента лично не видел»*; *«21.02.59 г. я, студент один из института политехнического, фамилию его не знаю, командир самолета Спицын и штурман вылетели на самолете «Як»»*; *«О том, что 9 суток Бахтияровы отсутствовали в юртах нам неизвестно и никто этого нам не говорил»*.

5. Линейное уточнение маршрута движения: *«в направлении на пос. Вижай, оттуда вверх по р. Лозьва, через пос. 41 квартал, 2-й северный рудник, сев. рудник – до устья р. Ауспия, вверх по р. Ауспия. Затем вернулись обратно через 2-й сев рудник и пос. 41 квартала, повернули на Сев. Тошемку на запад, подлетели к уральскому хребту с целью перелететь последний и обследовать западный склон»*.

6. Уточнение образа действия (средства передвижения): *«на автомашине»*, *«На этих попутных лошадях были увезены вещи туристов»*, *«вылетели на самолете «Як»»*.

7. Уточнение качественных характеристик: *«С лыжами и вещами»*; *«с одним из них я имел краткий разговор»*; *«Таких ветров я редко наблюдал в районе хотя живу здесь уже 32 года»*.

8. Уточнение причины: *«дороги на чистых местах все были сильно передуты и требовалась основательная расчистка их бульдозерами»*.

9. Уточнение количественных характеристик объекта речи: *«группа туристов в количестве 10 человек»*; *«Лыж у них было 10 и у каждого по рюкзаку»*.

10. Уточнение времени: *«27 января 1959 г. вечером в 5 час дня»*.

11. Уточнение даты: *«Говорила Катерина манси, а мужчины, как она сказала ночью т.е. 21.02.59 года уехали».*

12. Уточнение цели: *«Я был в командировке по делам службы», «28 января 1959 года утром две лошади лесоучастка были направлены на 2 северный рудник за железными трубами» (Табл.13).*

Таблица 13

Типы уточнений в протоколе допроса Дряхлых

Низкоинформативные уточнения	Высокоинформативные уточнения
Указание на неосведомленность и незаинтересованность информанта	Места через указание на расположение там важного для автора в данной коммуникативной ситуации объекта или пребывания важного в данной коммуникативной ситуации лица
Качественных характеристик объекта речи	Уточнение образа действия (средства передвижения)
Количественных характеристик объекта речи	
Места с помощью указания расстояния и направления от реперной точки	Уточнение причины
Линейное уточнение маршрута	
Даты	Уточнение верхней и нижней временной границы
Времени	
Уточнение цели	

Как видно из таблицы, в тексте протокола допроса свидетеля Дряхлых присутствуют разнообразные типы уточнений, причем регулярно встречаются как низкоинформативные, так и высокоинформативные уточнения.

Синтаксические признаки

Жанровые признаки

1. Используется как прямой, так и обратный порядок слов

- одинаково часто

- регулярно

Примеры: *«Там у нас живет 50 человек рабочих. Этот поселок находится от пос. Вижай строго на север в 40 км. 27 января 1959 г. вечером в 5 час дня на автомашине из пос. Вижай прибыла группа туристов в количестве 10 человек. С лыжами и вещами.*

Лыж у них было 10 и у каждого по рюкзаку. Фамилии их и имя я не знаю. Остановились они в общежитии вместе с рабочими».

2. Преобладающий тип предложений

- преобладают простые предложения

- часто

- регулярно

Примеры: *«Там у нас живет 50 человек рабочих. Этот поселок находится от пос. Вижай строго на север в 40 км. 27 января 1959 г. вечером в 5 час дня на автомашине из пос. Вижай прибыла группа туристов в количестве 10 человек. С лыжами и вещами. Лыж у них было 10 и у каждого по рюкзаку. Фамилии их и имя я не знаю. Остановились они в общежитии вместе с рабочими;»*

Среди сложных чаще всего:

– сложноподчиненные с придаточным места

Примеры: *«Студент сказал, что отправляемся на 2-й северный рудник, а далее на хребет Урала, конкретно не сказал и обратно по Уральскому хребту и выйти в пос. Вижай снова»;*

- сложносочиненные

Примеры: *«Вечером я зашел в общежитие и увидел эту группу туристов и с одним из них я имел краткий разговор о их передвижении», «За последние дни моей командировки в лесу был сильный ветер с выпадением снега и дороги на чистых местах все были сильно передуты и требовалась основательная расчистка их бульдозерами».*

- предложения с разными типами связи

Примеры: *«О том, что привез обратно одного студента он мне не сказал и я не спрашивал и этого студента лично не видел»; «21 января меня вызвал в ГК КПСС тов. Проданов И.С. и сказал, что потерялась группа туристов студентов и их нужно разыскать»; «Затем вернулись обратно через 2-й сев рудник и пос. 41 квартала, повернули на Сев. Тошемку на запад, подлетели к уральскому хребту с целью перелететь последний и обследовать западный склон, но были тучи и сильный ветер, и мы вернулись на аэродром в г. Ивдель».*

3. Предложения с однородными членами или придаточными, обозначающими последовательность действий и передвижений

- часто

- регулярно

Примеры: *«Студент сказал, что отправляемся на 2-й северный рудник, а далее на хребет Урала, конкретно не сказал и обратно по Уральскому хребту и выйти в пос.*

Вижай снова», «21.02.59 г. я. студент один из института политехнического, фамилию его не знаю, командир самолета Спицын и штурман вылетели на самолете «Як» в направлении на пос. Вижай, оттуда вверх по р. Лозьва, через пос. 41 квартал, 2-й северный рудник, сев. рудник – до устья р. Аусния, вверх по р. Аусния. Затем вернулись обратно через 2-й сев рудник и пос. 41 квартала, повернули на Сев. Тошемку на запад, подлетели к уральскому хребту с целью перелететь последний и обследовать западный склон, но были тучи и сильный ветер, и мы вернулись на аэродром в г. Ивдель».

4. Осложнение предложений причастным оборотом

- редко

- регулярно

Пример: *«Мы снова поднялись и полетели на Запад к Уралу и видели ясный след нарт манси, идущий на запад на Урал от юрт Бахтияровых от реки Вижая 1,5 км».*

Авторские признаки

5. Парцелляция

- часто

- регулярно

Примеры: *«27 января 1959 г. вечером в 5 час дня на автомашине из пос. Вижай прибыла группа туристов в количестве 10 человек. С лыжами и вещами»; «29 января я встретил на бараке 41 квартала рабочего Великявичуса, который сгружал привезенные трубы. Спросил его как они доехали. Он ответил, что приехали благополучно»; «Тут приземлились и с Кузнецовым я пошел в юрты, где было 5 юрт манси Бахтияровых Петра Яковлевича, Никиты и Николая. Где узнали, что студенты пили чай, но не ночевали у манси Бахтиярова Петра Яковлевича 16 дней примерно назад».*

6. Синтаксический параллелизм

- редко

- регулярно

Примеры: *«Тут приземлились и с Кузнецовым я пошел в юрты, где было 5 юрт манси Бахтияровых Петра Яковлевича, Никиты и Николая. Где узнали, что студенты пили чай, но не ночевали у манси Бахтиярова Петра Яковлевича 16 дней примерно назад».*

7. Пропуск сказуемого

- однократно

Примеры: *«прибыла группа туристов в количестве 10 человек. С лыжами и вещами».*

Стилистические признаки

Жанровые признаки

1. Канцеляризмы

- часто
- регулярно

Примеры: «в командировке по делам службы»; «50 человек рабочих»; «на автомашине»; «группа туристов в количестве 10 человек»; «с представителем института»; «подлетели к уральскому хребту с целью перелететь последний».

Авторские признаки

2. Неюридические профессионализмы и термины

- редко
- нерегулярно

Примеры: *лесозаготовки, рудник.*

Эмотивные признаки

Отсутствуют

Прагматические признаки

1. Нарушение максим количества

- часто
- регулярно

Пример: «в командировке по делам службы»; «50 человек рабочих».

2. Нарушение максим релевантности

- часто
- регулярно

Примеры: «29 января я встретил на бараке 41 квартала рабочего Великвичуса, который сгружал привезенные трубы. Спросил его как они доехали. Он ответил, что приехали благополучно. О том, что привез обратно одного студента он мне не сказал и я не спрашивал и этого студента лично не видел. За последние дни моей командировки в лесу был сильный ветер с выпадением снега и дороги на чистых местах все были сильно передуты и требовалась основательная расчистка их бульдозерами. И я поехал домой тоже был ветер, и температура воздуха была ниже ноля боле 30°. Таких ветров я редко наблюдал в районе хотя живу здесь уже 32 года. И больше о студентах до 21 января 1959 года я не слышал».

3. Нарушение максим способа

- часто

- регулярно
- лексические ошибки.

Признаки неоднородности авторской речи

Протокол допроса свидетеля Дряхлых содержит признаки неоднородности авторской речи разного плана.

Прежде всего, это стилистически разнородная лексика – неуместное употребление канцеляризм, приводящее к нарушению лексической сочетаемости, плеоназму и оксюмору. Однако это может отражать стремление допрашиваемого подстроить свою речь под речь допрашивающего, что нередко для жанра протокола допроса.

Неоднородность видна и на уровне синтаксиса – сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным чередуются простыми предложениями с парцелляцией, сложносочиненными предложениями с союзом «и» и синтаксически некорректными предложениями. Например: *«На этих попутных лошадях были увезены вещи туристов. 29 января я встретил на бараче 41 квартала рабочего Великвичуса, который сгружал привезенные трубы. Спросил его как они доехали. Он ответил, что приехали благополучно. О том, что привез обратно одного студента он мне не сказал и я не спрашивал и этого студента лично не видел. За последние дни моей командировки в лесу был сильный ветер с выпадением снега и дороги на чистых местах все были сильно передуты и требовалась основательная расчистка их бульдозерами. И я поехал домой тоже был ветер, и температура воздуха была ниже нуля боле 30°».*

Еще один показатель неоднородности - несоответствие синтаксического и лексико-стилистического наполнения речи: преобладание простых предложений, регулярный пропуск сказуемого и несогласованность частей предложений, что диссонирует с разнообразной лексикой, богатым лексическим запасом.

Отмеченные на уровне прагматики нарушения коммуникативных максим, особенно максим релевантности, также показывают неоднородность текста, отсутствие логической связи между отдельными частями, что может быть маркером того, что составитель, направляя ход разговора, выборочно фиксировал высказывания информанта, некоторые из них подвергая стилистической обработке.

Анализ протокола допроса прокурора Темпалова

Протокол допроса прокурора Темпалова выполнен на русском языке, имеет объем описательной части 1047 словоупотреблений, зафиксирован информантом собственноручно.

Информант мужского пола, имеет высшее образование, работает в должности прокурора г. Ивдель, возраст не указан.

Анализ идентификационных признаков протокола допроса прокурора Темпалова

Орфографические признаки

1. Отсутствие дефиса в сложных словах

- редко

- нерегулярно

Пример: «группа студентов туристов»; «туристы студенты».

2. Отсутствие дефиса в словах с суффиксом –либо при сохранении дефиса в словах с суффиксами -нибудь, -то.

- часто

- регулярно

Примеры: «*что-нибудь о нахождении студентов в каком-либо месте*»; «*Если бы была какая-либо борьба естественно, что-то бы мной было установлено*».

Пунктуационные признаки

1. Отсутствие второй запятой между частями сложного предложения в ситуациях, когда придаточная часть разрывает главную

- часто

- регулярно

Примеры: «*Я принял меры к уточнению, куда двигались туристы студенты и направил при поддержке работников ЦК КПСС гр-на Дряхлых на вертолете для розыска студентов*»; «*Мне от этих работников стало известно, что окончательный пункт, куда должны дойти студенты — это гора Отортен на Северном Урале*»; «*если обнаружат хотя бы что-нибудь о нахождении студентов в каком-либо месте немедленно сообщить мне*».

2. Отсутствие запятой между частями сложного предложения, когда придаточную часть предваряет деепричастный оборот

- однократно

Примеры: «*один отряд направить в горы южнее г. Отортен 20-25 км, имея в виду чтобы организовать поиски в горах Северного Урала на расстоянии 30-35 км*».

3. Отсутствие тире между подлежащим и сказуемым, выраженными существительными в именительном падеже.

- однократно

Пример: «*окончательный пункт, куда должны дойти студенты — это гора Отортен на Северном Урале*».

4. Лишнее тире при уточнении расстояния

- однократно

Пример: *«28.02.59 г. мною в присутствии понятых была осмотрена палатка туристов, которая находилась от гребня отрога высоты 1079 - в 150 метрах».*

5. Отсутствие запятой между частями сложносочиненного предложения, соединенными союзом «и».

- редко

- регулярно

Пример: *«растяжки палатки с северной стороны были сорваны, и вся вторая половина палатки была занесена снегом»;*

6. Необособление причастного оборота

- редко

- нерегулярно

Примеры: *«Она была установлена на площадке, ровной выкопанной студентам; так же фляга с напитком (налитым?) приготовленным к употреблению».*

7. Отсутствие союза и запятой между частями предложения, связанными подчинительной связью.

- однократно

Пример: *«Мною установлено нож принадлежал студентам».*

Лексико-семантические признаки

Жанровые признаки

1. Предметные номинации с конкретным значением:

- часто

- регулярно

Вещи: *палатка, фонарик, ботинки, валенки* и т.п.

Транспортные средства: *лыжи, вертолет*.

2. Гипонимы

- часто

- регулярно

Примеры: *«продуктов: банки сгущенного молока, 100 грамм нарезанного сала, сухари, сахар; фляга с напитком приготовленным к употреблению какао»; «общественное снаряжение – ведра, топоры, кружки».*

3. Deskриптивные слова, называющие признак по функции, степени проявления, качеству, количеству и т. п.

- часто
- регулярно

Примеры: *«политехнический институт»; «поиски производятся активно»; «вертолетная площадка»; «опытные суд. мед. эксперты»; «личные вещи»*

4. Слова с указательным значением

- редко
- нерегулярно

Примеры: *«этих работников»; «этот спуск, где по существу бывают частые ветры».*

5. Глаголы физического действия

- часто
- регулярно

Примеры: *двигались; летал; проходила; приехали; вылетел; дойти; лежать, следы шли вниз от палатки.*

6. Имена собственные

- редко
- регулярно

Фамилия: *тов. Дряхлых.*

Топонимы: *г. Свердловск, поселок Вижай, Северный Урал, г. Отортен.*

7. Точные указания даты, расстояния.

- часто
- регулярно

Примеры: *«21 февраля 1959 г.»; «27 февраля 1959 г.»; «Тянется спуск 2,5 км.»; «речка глубиной до 70 см.»; «2 февраля 1959 года».*

8. Лексика со значением неуверенности

- отсутствует

9. Личные местоимения первого лица

- Единственного числа – регулярно, часто
- Множественного числа отсутствуют

Примеры: *«Я проинструктировал работников института и дал указание... немедленно сообщить мне»; «27 февраля 1959 г. мне сообщили»; «Я немедленно вылетел на вертолете на высоту 1079»; «Мною установлено нож принадлежал студентам»; «У меня сложилось впечатление»; «Ботинки там же были в палатке и положены около ног у студентов так мне показалось».*

10. Числительные со значением даты

- редко
- регулярно

Пример: *«21 февраля 1959 г.»; «27 февраля 1959 г.»; «Тянется спуск 2,5 км.»; «речка глубиной до 70 см.»; «2 февраля 1959 года».*

11. Глаголы в действительном залоге

- редко
- регулярно

Примеры: *«группа студентов туристов в количестве девяти человек не вернулись из похода»; «Я принял меры к уточнению, куда двигались туристы студенты и направил при поддержке работников ЦК КПСС гр-на Дряхлых на вертолете для розыска студентов»; «Тов. Дряхлых знает очень хорошо территорию Ивдельского района»; «В течение двух дней он летал на вертолете в сторону севера от г. Ивдель».*

12. Глаголы прошедшего времени

- часто
- регулярно

Примеры: *«С этой точки зрения я тщательно искал и осматривал палатку, но признаков борьбы не было, по крайней мере об этом ничего не говорило. Палатка расположена была на склоне горы.»*

13. Наречия со значением последовательности действий

- отсутствуют

14. Лексический повтор

- часто
- регулярно

Примеры: *«21 февраля 1959 г. от секретаря Ивдельского ГК КПСС тов. Проданова мне стало известно, что группа студентов туристов в количестве девяти человек не вернулись из похода в г.Свердловск в политехнический институт. Я принял меры к уточнению, куда двигались туристы студенты и направил при поддержке работников ЦК КПСС гр-на Дряхлых на вертолете для розыска студентов»; «Я поставил перед ними задачу немедленно организовать поисковые отряды и начать поиски студентов. Мне от этих работников стало известно, что окончательный пункт, куда должны дойти студенты — это гора Отортен на Северном Урале»; «Группы мною были сфотографированы, составил протокол места происшествия, поднял трупы с места к вертолетной площадке. По рации потребовал, чтобы из Свердловска были направлены опытные суд. мед. эксперты для вскрытия трупов».*

15. Плеоназм

- часто
- регулярно

Примеры: *«в сторону севера»; «из них все они находились под дном палатки»; «вниз с горы»; «глубина снега достигает от 2 до 6 метров толщиной»; «поисковый отряд в количестве пяти человек».*

Авторские признаки

1. Оценочная лексика

- отсутствует
- 2. Глаголы в страдательном залоге
- часто
- регулярно
- для описания обстановки, расположения

Примеры: *«обнаружен один труп»; «были обнаружен еще три трупа, а всего четыре, позднее был найден и пятый труп»; «Группы мною были сфотографированы»; «была осмотрена палатка туристов»; «вход ее был обращен в южную сторону».*

3. Безличные глаголы

- часто
- регулярно

Примеры: *«мне стало известно»; «ему не удалось найти»; «мне от этих работников стало известно»; «Так и было сделано»; «Остальных 4 студентов обнаружить не удастся по настоящее время».*

4. Фазовые глаголы

- редко
- нерегулярно

Примеры: *«начать поиски»; «продолжаются поиски».*

5. Глаголы со значением взаимодействия между людьми

- часто
- регулярно

Примеры: *«направил»; «я поставил перед ними задачу»; «проинструктировал»; «организовать».*

6. Числительные с значением количества предметов

- часто
- регулярно
- при описании обнаруженных в результате поиска предметов.

- цифрами

Примеры: *«В палатке было найдено 9 рюкзаков, 9 пар лыж, из них все они находились под дном палатки, 8 пар ботинок, 3,5 пары валенок; тут же были 7 штук валенок; я обнаружил 8 пар следов людей.»*

7. Указание возможных границ определения расстояния

- редко

- регулярно

Примеры: *«Внизу от палатки 50-60 от нас на склоне; глубина снега достигает от 2 до 6 метров.»*

8. Использование сочетания указательного местоимения с существительным

- однократно

Примеры: *от этих работников.*

9. Модальные глаголы

- отсутствуют

10 Лексика, выражающая конкретные чувства

- однократно

Примеры: *студенты испугались.*

11. Вводные слова

- отсутствуют

12. Нарушение лексической сочетаемости

- часто

- регулярно

Примеры: *«толстый снег»; «внизу от палатки»; «Осмотр палатки показал мне»; «Внизу горы течет речка»; «розыски производят».*

13. Неправильный выбор предлога

- редко

- нерегулярно

Примеры: *«Я принял меры к уточнению».*

13 Неправильный выбор слова из числа возможных синонимов

- редко

- нерегулярно

Пример: *«розыски»* вместо *«поиски»*.

14. Использование слов-показателей субъективности

- часто

- регулярно

Примеры: «Мною установлено нож принадлежал студентам»; «У меня сложилось впечатление, что студенты выпили водку и закусывали»; «Следы показали мне что люди шли нормальным шагом вниз с горы»; «Это мое личное мнение».

Семантические уточнения

В тексте протокола допроса прокурора Темпалова было обнаружено 14 типов уточнений.

1. Уточнение количественных характеристик: «21 февраля 1959 г. от секретаря Ивдельского ГК КПСС тов. Проданова мне стало известно, что группа студентов туристов в количестве девяти человек не вернулись из похода; Я дал указание один поисковый отряд в количестве пяти человек направить к горе; Где на этой же высоте были обнаружен еще три трупа, а всего четыре; Исходя из обнаруженных трупов (в количестве пяти человек)»; «Окончательное же мнение может только сложиться после обнаружения и осмотра всех остальных студентов, т.е. еще 4-х человек».

2. Уточнение цели: «Я принял меры к уточнению, куда двигались туристы студенты и направил при поддержке работников ЦК КПСС гр-на Дряхлых на вертолете для розыска студентов»; «С тем, чтобы он нашел следы туристов и самих туристов и определил направление их движения»; «другой отряд несколько южнее этой горы, и еще один отряд направить в горы южнее г. Отортен 20-25 км, имея в виду чтобы организовать поиски в горах Северного Урала на расстоянии 30-35 км»; «потребовал, чтобы из Свердловска были направлены опытные суд.мед.эксперты для вскрытия трупов».

3. Уточнение-уступка: «С этой точки зрения я тщательно искал и осматривал палатку, но признаков борьбы не было, по крайней мере об этом ничего не говорило»; «Лесу нет на склоне горы, кроме редких березок ближе к реке».

4. Уточнение-условие: «Если бы была какая-либо борьба естественно, что-то бы мной было установлено»; «Конечно, такой вывод можно делать только по обнаруженным пяти трупам студентов»; «Если и у этих 4 студентов причиной смерти будет замерзание, то вышеуказанная версия будет правильная».

5. Уточнение качественные характеристики объектов речи: «около выхода из палатки мною обнаружен след от того, что кто-то из студентов по легкому опрavelялся. Этот след старый»; «Внизу горы течет речка глубиной до 70 см. как бы из оврага, в котором местами глубина снега достигает от 2 до 6 метров толщиной»; «и с этой стороны растяжки были целы, а растяжки палатки с северной стороны были сорваны, и вся вторая половина палатки была занесена снегом; Этот спуск, где по существу

бывают частые ветры»; «На палатке лежал китайский фонарик в незажженном состоянии».

6. Ссылка на личное мнение: «У меня сложилось впечатление, что студенты выпили водку и закусывали»; «Ботинки там же были в палатке и положены около ног у студентов так мне показалось»; «Это мое личное мнение».

7. Уточнение места: «не вернулись из похода в г.Свердловск в политехнический институт»; «юрты Бахтияровых, которые находятся в нескольких десятках километров от пос. Вижай»; «28.02.59 г. мною в присутствии понятых была осмотрена палатка туристов, которая находилась от гребня отрога высоты 1079 - в 150 метрах»; «9 пар лыж, из них все они находились под дном палатки»; «В правом углу, около входа лежала часть продуктов»; «В чехле посередине палатки обнаружена печка»; «На верху палатки обнаружен китайский фонарик, который находился ближе к входу»; «Внизу от палатки 50-60 от нас на склоне я обнаружил 8 пар следов людей»; «Куда шли следы в том направлении строго были и обнаружены пять трупов замерзших студентов».

8. Уточнение-присоединение: «Я принял меры к уточнению, куда двигались туристы студенты и направил при поддержке работников ЦК КПСС гр-на Дряхлых на вертолете для розыска студентов. С тем, чтобы он нашел следы туристов и самих туристов и определил направление их движения. Тов. Дряхлых знает очень хорошо территорию Ивдельского района»; «Я дал указание один поисковый отряд в количестве пяти человек направить к горе Отортен, другой отряд несколько южнее этой горы, и еще один отряд направить в горы южнее г. Отортен 20-25 км, имея в виду чтобы организовать поиски в горах Северного Урала на расстоянии 30-35 км. Так и было сделано»; «около сала нарезанного мною был найден большой нож. Мною установлено нож принадлежал студентам»; «Девятого следа установить мне не удалось и его не было. Следы мною сфотографированы».

9. Уточнение состава объектов речи: «В правом углу, около входа лежала часть продуктов: банки сгущенного молока, 100 грамм нарезанного сала, сухари, сахар, фляжка пустая из-под спирта или водки, запах ощущался, так же фляга с напитком (налитым?) приготовленным к употреблению какао разведено водой и естественно замерзла, около сала нарезанного мною был найден большой нож»; «И много других личных вещей студентов и общественного снаряжения, находились в палатке ведра, топоры, кружки, чашки».

10. Пояснение значения термина: «по насту (плотному снегу)».

11. Уточнение образа действия: «Я принял меры к уточнению, куда двигались туристы студенты и направил при поддержке работников ЦК КПСС гр-на Дряхлых на

вертолете для розыска студентов»; «Я немедленно вылетел на вертолете на высоту 1079»; «По рации потребовал»; «28.02.59 г. мною в присутствии понятых была осмотрена палатка туристов».

12. Уточнение причины: «Остальных 4 студентов обнаружить не удастся по настоящее время так как в горах имеется очень большой и толстый снег»; «фляжка пустая из под спирта или водки, запах ощущался»; «Внизу от палатки 50-60 от нас на склоне я обнаружил 8 пар следов людей, которые тщательно рассмотрел, но они были деформированы в ввиду ветров и колебаний температуры»; «Следы были видны только на 50 метровом участке, дальше их не было так как чем ниже с горы тем больше снега»; «Описывать расположение трупов студентов нецелесообразно, это видно из протокола осмотра места происшествия»; «забраться снова в палатку им было невозможно. И они замерзли»; «Какова же причина гибели других 4-х студентов мне неизвестно, т.к. трупы их еще не обнаружены».

13. Уточнение-следствие: фляга с напитком (налитым?) приготовленным к употреблению какао разведено водой и естественно замерзла; все студенты замерзли, нападение на них людей исключается.

14. Уточнение времени: «Где на этой же высоте были обнаружен еще три трупа, а всего четыре, позднее был найден и пятый труп»; «при сильном ветре кого-то из них в то время, когда вышел из палатки сорвало ветром и этот человек поднял крик».

Типы уточнений, распределенные по убыванию частотности и информативности, приведены в таблице (Табл. 14).

Таблица 14

Типы уточнений в протоколе допроса Темпалова

Низкоинформативные уточнения	Высокоинформативные уточнения
Уточнение места	Уточнение причины
Уточнение количественных характеристик объекта речи	Уточнение-присоединение
Уточнение качественных характеристик объекта речи	Уточнение образа действия
Уточнение цели	Указание на личное мнение/опыт
Уточнение времени	Уточнение условия
Уточнение состава объектов речи	Уточнение-уступка
	Уточнение-следствие
	Пояснение термина или понятия

Данные в таблице показывают, что в протоколе допроса прокурора Темпалова преобладают редкие виды высокоинформативных уточнений, причем проявление большей части этих типов можно считать регулярным.

Синтаксические признаки

Жанровые признаки

1. Используется как прямой, так и обратный порядок слов

- одинаково часто
- регулярно

Примеры: *«Тов. Дряхлых знает очень хорошо территорию Ивдельского района. В течение двух дней он летал на вертолете в сторону севера от г. Ивдель. Он пояснил мне, что группа туристов проходила через поселок Вижай, юрты Бахтияровых, которые находятся в нескольких десятках километров от пос. Вижай. Самых же следов туристов ему не удалось найти. Вскоре из г. Свердловска приехали работники политехнического института. Я поставил перед ними задачу немедленно организовать поисковые отряды и начать поиски студентов. Мне от этих работников стало известно, что окончательный пункт, куда должны дойти студенты — это гора Отортен на Северном Урале».*

2. Преобладающий тип предложений

- преобладают простые предложения
- регулярно

Примеры: *«Тов. Дряхлых знает очень хорошо территорию Ивдельского района»; «В течение двух дней он летал на вертолете в сторону севера от г. Ивдель»; «Вскоре из г. Свердловска приехали работники политехнического института»; «Я поставил перед ними задачу немедленно организовать поисковые отряды и начать поиски студентов».*

- Среди сложных преобладают сложноподчиненные с придаточным изъяснительным, определительным и места

- регулярно

Примеры: *«Я принял меры к уточнению, куда двигались туристы студенты»; «Он пояснил мне, что группа туристов проходила через поселок Вижай, юрты Бахтияровых, которые находятся в нескольких десятках километров от пос. Вижай. Самых же следов туристов ему не удалось найти»; «Мне от этих работников стало известно, что окончательный пункт, куда должны дойти студенты — это гора Отортен на Северном Урале».*

3. Осложнение предложений

- регулярно, часто однородными сказуемыми

Пример: *«Я принял меры к уточнению, куда двигались туристы студенты и направил при поддержке работников ЦК КПСС гр-на Дряхлых на вертолете для розыска студентов. С тем, чтобы он нашел следы туристов и самих туристов и определил направление их движения»; «обнаружен один труп на горе. 1079 и найдена палатка студентов туристов».*

- редко, нерегулярно деепричастными оборотами

Примеры: *«имея в виду чтобы организовать поиски в горах Северного Урала».*

- регулярно, редко причастным оборотом

Пример: *«Палатка была растянута на лыжах и палках, забитых в снег»; «Она была установлена на площадке, ровной выкопанной студентами»; «фляга с напитком (налитым?) приготовленным к употреблению».*

4. Уточняющие и поясняющие конструкции

- часто

- регулярно

Примеры: *«часть продуктов»: «банки сгущенного молока, 100 грамм нарезанного сала, сухари, сахар»; «на этой же высоте были обнаружен еще три трупа, а всего четыре».*

Авторские признаки

1. Грамматичная парцелляция

- часто

- регулярно

Примеры: *«Я принял меры к уточнению, куда двигались туристы студенты и направил при поддержке работников ЦК КПСС гр-на Дряхлых на вертолете для розыска студентов. С тем, чтобы он нашел следы туристов и самих туристов и определил направление их движения»; «Я немедленно вылетел на вертолете на высоту 1079. Где на этой же высоте были обнаружен еще три трупа, а всего четыре, позднее был найден и пятый труп»; «Остальных 4 студентов обнаружить не удастся по настоящее время так как в горах имеется очень большой и толстый снег. Но розыски производят активно и в настоящее время».*

2. Синтаксически несогласованные предложения

- часто

- регулярно

Примеры: *«В правом углу, около входа лежала часть продуктов: банки сгущенного молока, 100 грамм нарезанного сала, сухари, сахар, фляжка пустая из-под спирта или водки, запах ощущался, так же фляга с напитком (налитым?) приготовленным к употреблению какао разведено водой и естественно замерзла, около сала нарезанного мною был найден большой нож. И много других личных вещей студентов и общественного снаряжения, находились в палатке ведра, топоры, кружки, чашки»; «Спуск от палатки крутой и по насту (плотному снегу)».*

Стилистические признаки

1. Юридические термины и профессионализмы

- часто

- регулярно

Примеры: *"розыски, понятые, место происшествия, протокол, осмотр.*

2. Канцеляризмы

- часто

- регулярно

Примеры: *«группа студентов туристов в количестве девяти человек»; «в нескольких десятком километров»; «принял меры к уточнению»; «поставил перед ними задачу».*

Эмотивные признаки

Отсутствуют

Прагматические признаки

Нарушение коммуникативных максим в тексте отсутствует.

Признаки неоднородности авторской речи

В тексте протокола допроса прокурора Темпалова отсутствуют признаки неоднородности авторской речи. Протокол построен как связный рассказ о ходе поиска пропавших туристов, каждая микро-тема имеет цельный и законченный вид, немотивированные отклонения от темы, избыточность информации в тексте отсутствует, что может свидетельствовать о составлении текста одним лицом самостоятельно.

Сравнительный анализ идентификационных признаков в текстах протоколов допросов свидетеля Дряхлых и прокурора Темпалова

Результаты сравнительного анализа идентификационных признаков протоколов допроса свидетелей Дряхлых и Темпалова представлены в таблице (Табл. 15).

Таблица 15

Сравнение идентификационных признаков протоколов допросов Дряхлых и Темпалова

Есть в обоих протоколах	Только в протоколе допроса Темпалова	Только в протоколе допроса Дряхлых
Орфографические признаки		
Отсутствие дефиса в сложных словах	Отсутствие дефиса в словах с суффиксом; либо при наличии дефиса в словах с суффиксами -нибудь, -то	
Пунктуационные признаки		
Отсутствие запятой между частями сложного предложения	Отсутствие второй запятой между частями сложного предложения в ситуациях, когда придаточная часть разрывает главную; Отсутствие запятой между частями сложного предложения, когда придаточную часть предваряет деепричастный оборот; Отсутствие тире между подлежащим и сказуемым, выраженными существительными в именительном падеже; Лишнее тире при уточнении расстояния; Отсутствие запятой между	

	<p>частями сложносочиненного предложения, соединенными союзом «и»;</p> <p>Необособление причастного оборота;</p> <p>Отсутствие союза и запятой между частями предложения, связанными подчинительной связью</p>	
Лексико-семантические признаки		
<p>Предметные номинации с конкретным значением из сферы транспортных средств и места;</p> <p>Наличие имен собственных: фамилии лиц, топонимы;</p> <p>Использование слов с указательным значением;</p> <p>Использование глаголов физического действия;</p> <p>Использование личных местоимений единственного числа;</p> <p>Использование числительных даты;</p> <p>Лексический повтор;</p> <p>Плеоназм;</p> <p>Нарушение лексической сочетаемости;</p> <p>Частое употребление глаголов в страдательном залоге;</p> <p>Неправильное употребление</p>	<p>Предметные номинации с конкретным значением из сферы описания походного быта, поисков;</p> <p>Частое использование гипонимов;</p> <p>Редкое использование имен собственных;</p> <p>Регулярное использование дескриптивных слов;</p> <p>Отсутствие лексики со значением неуверенности говорящего;</p> <p>Отсутствие наречий со значением последовательности действий;</p> <p>Редкое использование глаголов в действительном залоге;</p> <p>Отсутствие оценочной лексики;</p> <p>Частое использование</p>	<p>Отсутствие гипонимов;</p> <p>Частое использование имен собственных;</p> <p>Отсутствие дескриптивных слов;</p> <p>Частое использование лексики со значением неуверенности говорящего;</p> <p>Редкое использование личных местоимений первого лица множественного числа;</p> <p>Использование числительных времени;</p> <p>Использование наречий со значением последовательности действий;</p> <p>Частое использование глаголов в действительном залоге;</p> <p>Единичные случаи использования оценочной лексики;</p>

предлога	безличных глаголов; Использование фазовых глаголов; Использование глаголов со значением взаимодействия между людьми; Числительные со значением количества предметов; Лексика с указанием возможных границ расстояния; Неправильный выбор слова из числа возможных синонимов; Наличие слов-показателей субъективности	Замена существительного анафорическим местоимением; Наречия со значением направления движения; Использование антонимов; Лексика со значением точности, конкретности; Оксюморон
Семантические уточнения		
- уточнение качественных характеристик объекта речи (низкоинф.) -Уточнение количественных характеристик объекта речи (низкоинф.) -Уточнение цели (низкоинф.) -Уточнение причины (высокоинф.) -Уточнение образа действия (способа передвижения) (высокоинф.) -Уточнение времени (низкоинф.)	Низкоинформативные состава объектов (низкоинф.) -Уточнение места (низкоинф.) -Уточнение условия (высокоинф.) -Уточнения-уступка (высокоинф.) -Указания на личное мнение /опыт (высокоинф.) Высокоинформативные пояснения термина или понятия (высокоинф.)	-Указание на неосведомленность или незаинтересованность говорящего (низкоинф.) -Уточнение места через указание расстояния от реперной точки (низкоинф.) -Линейное уточнение маршрута (низкоинф.) -Уточнение даты (низкоинф.) -Уточнение места через указание на расположение там важного в данной коммуникативной ситуации лица или объекта (высокоинф.)

		-Уточнение верхней и нижней временной границы (высокоинф.)
Синтаксические признаки		
-Используется как прямой, так и обратный порядок слов, причем последний не всегда грамматически верно -Преобладают простые предложения -Среди сложных предложений преобладают сложноподчиненные с придаточным места, изъяснительным и определительным -Редкое использование причастного оборота -Частое использование аграмматической парцелляции	-Осложнение предложений однородными сказуемыми -Использование деепричастных оборотов -Частое использование уточняющих и пояснительных конструкций	-Использование однородных членов и придаточных предложений со значением последовательности действий -Синтаксический параллелизм -Пропуск сказуемого
Стилистические признаки		
-Использование канцеляризм	-Частое использование юридических и оперативно-розыскных терминов и профессионализмов	-Использование неюридических терминов и профессионализмов

Результаты сравнительного анализа, приведенные в таблице 15, показывают, что в протоколах допросов свидетеля Дряхлых и прокурора Темпалова присутствуют как совпадающие, так и различающиеся признаки. Совпадения, главным образом, касаются лексико-семантического и синтаксического оформления текстов, а также части семантических уточнений.

Ряд лексико-семантических совпадений обусловлен общей темой протоколов.

Различия лексико-семантических, стилистических признаков и семантических уточнений отражают разную роль информантов в описываемой ситуации, и, соответственно, разную степень и разные аспекты знания ситуации. Также различие стилистических признаков отражает разную сферу деятельности информантов.

Совпадение семантических уточнений касается, главным образом, совпадения низкоинформативных типов, что может быть показателем жанра, темы и общего составителя текстов. Существенные различия регулярных высокоинформативных уточнений показывают не только разную роль в описываемых событиях, но и разную расстановку акцентов, следовательно, разных информантов.

Интерес представляет также характер неоднородности авторской речи в тексте протокола допроса Дряхлых в сравнении с идентификационными признаками речи прокурора Темпалова. Употребление канцеляризмов в протоколе допроса Дряхлых сходно с его употреблением в протоколе допроса Темпалова, синтаксический и пунктуационный уровень текста схож с тем, который характерен для речи Темпалова, а отдельные предложения соответствуют стилю именно прокурора Темпалова.

Проведенный сравнительный анализ идентификационных признаков в комплексе с анализом признаков неоднородности авторской речи показывает, что текст протокола допроса свидетеля Дряхлых подвергался частичной синтаксической и лексико-стилистической обработке прокурором Темпаловым, однако значительный объем и высокоинформативный характер различий лексического уровня и уровня семантических уточнений, неоднородность авторской речи в протоколе допроса Дряхлых в противоположность однородности авторской речи в протоколе допроса прокурора Темпалова позволяют утверждать, что протокол допроса свидетеля Дряхлых составлен с опорой на речь информанта и не принадлежит единоличному авторству прокурора Темпалова.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Идентификационные признаки протокола допроса включают открытое множество языковых черт двух типов: жанровых, то есть, представляющих собой конкретную реализацию тех или иных языковых признаков жанра протокола допроса, и авторских, не характерных для жанра, привносимых из речевых привычек автора. Признаки выделяются на орфографическом, пунктуационном, лексико-семантическом (включая подуровень семантических уточнений), синтаксическом, стилистическом, эмотивном и прагматическом уровнях. Первые два - показатели уровня грамотности составителя и, соответственно, содержат только авторские признаки. Остальные уровни характеризуют речь как в аспекте жанровых, так и в аспекте собственно авторских языковых черт.

2. В рамках идентификационной автороведческой экспертизы протокола допроса возможно решение, главным образом, двух задач: определения принадлежности нескольких текстов одному лицу и верификация авторства текста. Первая предполагает определение тождества навыков письменной речи, отраженных в разных текстах, вторая – установление совпадения навыка письменной речи, отраженного в спорном тексте, с навыком, который представлен в образцах речи предполагаемого автора.

3. Определение принадлежности нескольких текстов одному лицу включает этап предварительной оценки текстов с точки зрения принципиальной возможности их исследования, а также двухэтапный анализ. Первый этап анализа – раздельное исследование текстов – предполагает определение границ исследуемого текста, основных жанровых черт, анализ идентификационных признаков, анализ признаков неоднородности авторской речи. Второй этап – сравнительный анализ – заключается в сравнении идентификационных признаков, признаков неоднородности, анализе дословных совпадений и определении наличия в тексте признаков переработки другого текста.

4. Верификация авторства представляет собой одну из задач сравнения по образцу и, помимо этапа предварительной оценки, также включает два этапа: раздельный и сравнительный анализ. Первый этап анализа совпадает с первым этапом исследования при решении предыдущей задачи. Второй этап включает сравнение идентификационных признаков, признаков неоднородности и сопоставление найденных в спорном тексте признаков неоднородности с идентификационными признаками текста-образца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня подходы и методы установления авторства текстов официально-делового стиля все больше нуждаются в изменении. Тексты, обслуживающие разные сферы жизни, играющие разные роли в социальной коммуникации требуют учитывать при определении авторства их жанровую природу, следовательно, анализ таких текстов в автороведческой экспертизе необходимо строить не только с учетом стилевых, но и с учетом жанровых характеристик. Методы теории речевого жанра могут стать эффективным средством обновления базы автороведческой экспертизы документных текстов. В настоящем исследовании применение теории речевых жанров в автороведческой экспертизе было продемонстрировано на примере жанра протокола допроса.

Для решения задач идентификационной автороведческой экспертизы была составлена модель речевого жанра протокола допроса, включающая структуру текста, многокомпонентную систему «автор-адресат» и языковую организацию жанра. Каждый компонент играет свою роль в установлении авторства протокола допроса, объясняя отдельные моменты и намечая пути решения имеющихся трудностей.

Структура текста представляет собой совмещение жесткого шаблона в первой и последней части и относительно свободного изложения во второй части. Это позволяет при автороведческом анализе четко определить границы текста, подлежащего исследованию, исключив из него неинформативный шаблонный текст.

Система «автор-адресат» представляет собой сложную совокупность двух коммуникативных ситуаций и специфических для каждой ситуации автора и адресата. Внешняя коммуникативная ситуация протокола допроса – это взаимодействие составляющего протокол следователя (автора) с уполномоченными лицами (прежде всего, судом), которые и являются конечным адресатом протокола. Внутренняя коммуникативная ситуация, связанная с вторичным характером речевого жанра протокола допроса, – отражение в тексте взаимодействия следователя и лица, которое он допрашивает. В этом взаимодействии роли автора и адресата не статичны, а постоянно меняются, что обусловлено диалогической формой жанра допроса. В тексте протокола находит отражение как внешняя коммуникативная ситуация интрапрофессионального кооперативного общения, так и внутренняя – некооперативного общения лиц, одно из которых находится в некомфортной для него коммуникативной обстановке в силу самой ситуации допроса и может иметь свои коммуникативные цели, отличные от целей допрашивающего.

Совмещение двух коммуникативных ситуаций, одна из которых связана с некооперативной коммуникацией, требования закона передавать речь допрашиваемого максимально точно, ограниченное время составления протокола допроса влияют на ход коммуникации и позволяют обнаружить в тексте протокола следы речи информанта, формирующие неоднородность авторской речи в тексте. Эти следы обнаруживаются как на эксплицитном, так и на имплицитном уровне, что дает возможность судить о том, насколько сильной обработке со стороны составителя подвергся текст, насколько соблюдено требование максимально точной передачи речи информанта. Значительное количество признаков неоднородности говорит о том, что протокол составлен со слов допрашиваемого с минимальной обработкой, полное отсутствие признаков неоднородности может говорить либо о собственноручном составлении протокола информантом, либо о создании его составителем без участия информанта и, вероятно, даже без самого допроса.

Неоднозначность образов автора и адресата в тексте протокола, присутствие речи допрашиваемого лишь в виде отдельных следов, маленький объем текстов и ряд других факторов ограничивают круг задач идентификационной автороведческой экспертизы, главным образом, двумя: определением принадлежности нескольких текстов одному лицу и верификацией автора. В первом случае речь идет о проверке того, принадлежат ли несколько протоколов одному лицу, сюда относятся случаи самостоятельного написания следователем протоколов по делу и переписывания из другого источника с незначительной переработкой. Во втором случае вопрос, как правило, ставится о принадлежности текста протокола единоличному авторству составителя, чьи образцы письменной речи представляют на исследование вместе со спорным текстом протокола допроса. Задача собственно идентификации практически не ставится для текстов протокола допроса.

Третий компонент модели речевого жанра протокола допроса – языковая организация – представляет собой описание наиболее характерных для текстов этого жанра языковых средств как на традиционных для автороведения лексико-семантическом, синтаксическом и стилистическом уровнях, так и на прагматическом уровне и подуровне семантических уточнений. Семантические уточнения, впервые выделенные в нашем исследовании, представляют собой компонент смысла высказывания, носящий дополнительный, факультативный характер. Как показал анализ массива текстов протоколов допроса, этот компонент регулярно проявляется в текстах и имеет большое количество разновидностей, часть которых связана с жанровой принадлежностью и темой текста, часть – с речевыми привычками и коммуникативными целями составителя, часть –

с речевыми привычками и целями информанта. На основе типа уточняемого объекта уточнения можно разделить на темпоральные, пространственные, уточнения объекта, субъекта, уточнения отношения говорящего к описываемым событиям, логические уточнения. Каждый тип содержит от 3 до 8 подтипов, описывающих разные оттенки значений и синтаксическую структуру уточнения. Все уточнения, в зависимости от того, что инициирует их появление в тексте, были расположены между полюсами «низкоинформативные» (отражающие жанровую принадлежность и тематическую обусловленность) и «высокоинформативные» (отражающие речевые привычки составителя и допрашиваемого). Анализ типов уточнений в текстах протоколов с учетом их информативности позволяет повысить точность автороведческой экспертизы.

На основе анализа языковой организации составляется классификация идентификационных признаков – языковых особенностей, наиболее полно характеризующих языковую личность автора текста. Идентификационные признаки строятся, с одной стороны, на выделении авторского инварианта жанровых черт, с другой, на определении черт речи, не характерных для жанра протокола допроса. Кроме того, классификация идентификационных признаков учитывает уровень грамотности и степень эмоциональности текстов, поэтому число языковых уровней в классификации больше, чем в модели речевого жанра. На жанровых чертах построены такие уровни идентификационных признаков, как лексико-семантический (включая семантические уточнения), синтаксический, стилистический и прагматический; грамотность составителя отражают орфографический и пунктуационный уровни, эмоциональность текста – эмотивный уровень.

Построение модели речевого жанра протокола допроса и анализ выделенных на ее основе границ пригодного для исследования текста, идентификационных признаков и признаков неоднородности авторской речи позволяет разработать методику автороведческого анализа для решения каждого из типов идентификационных задач. Наибольшую сложность при разработке методики составляет этап оценки пригодности текстов. Одним из основополагающих факторов определения пригодности текста является его достаточный объем. В случае с протоколом допроса объем зависит от ряда факторов (опыт, привычки составителя, уровень языковой компетенции составителя и допрашиваемого, процессуальная роль допрашиваемого и т.п.), которые невозможно точно просчитать и учесть, поэтому однозначно определить нижнюю границу объема протокола допроса, пригодного для автороведческого исследования, достаточно трудно. Что касается других этапов, - раздельного и сравнительного анализа и оценки результатов, их наполнение немного различается в зависимости от решаемой задачи.

Для решения задачи определения принадлежности нескольких текстов одному лицу на этапе отдельного анализа 1) определяются границы исследуемого текста; 2) анализируются жанровые черты, определяется соответствие текста заявленному жанру; 3) анализируются идентификационные признаки; 4) определяются признаки неоднородности авторской речи. На этапе сравнительного анализа 1) сравниваются наборы идентификационных признаков; 2) сравниваются признаки неоднородности авторской речи; 3) анализируются дословные совпадения в исследуемых текстах; 4) определяется наличие или отсутствие в тексте признаков переработки другого текста.

Для задачи верификации первый этап состоит из тех же шагов, а этап сравнительного анализа, помимо указанных для предыдущей задачи, содержит сравнение выделенных в спорном тексте признаков неоднородности речи с идентификационными признаками текстов-образцов.

Оценка результатов для обеих задач построена на определении совпадения или несовпадения не только идентификационных признаков, но и признаков неоднородности авторской речи, а для задачи определения принадлежности нескольких текстов одному лицу – еще и объема, качества и места дословных совпадений в исследуемых текстах, признаков переработки другого текста.

Использование методов диагностической автороведческой экспертизы (определение неоднородности авторской речи) позволяет говорить о смешанном характере задач, решаемых при проведении автороведческой экспертизы протоколов допросов.

Таким образом, использование методов теории речевых жанров, построение модели сложных для автороведческого исследования жанров действительно позволяет выявить корень проблемы и предложить пути решения. На основе модели речевого жанра, учитывающей важные для автороведческой экспертизы параметры, возможно разработать классификацию идентификационных признаков, которые будут релевантны именно для данного жанра, а также создать методику анализа текстов этого жанра. Кроме того, построение модели позволяет четко определить круг идентификационных задач, которые возможно решать для текстов конкретного жанра официально-делового стиля.

Заявленный в настоящем исследовании подход предполагает дальнейшую научную разработку методов автороведческого анализа официально-деловых текстов.

Во-первых, описанная модель речевого жанра содержит детальную характеристику языковых черт протокола допроса, что может стать основой для разработки разметки и создания корпуса текстов этого жанра. Увеличение объема материала и частичная автоматизация выделения жанровых черт позволит повысить точность и скорость

автороведческого анализа, уточнить предложенную в настоящем диссертационном исследовании модель и методику анализа.

Во-вторых, возможна дальнейшая разработка жанровых методик автороведческого анализа для текстов официально-делового стиля. Построение модели разных проблемных для автороведческой экспертизы жанров позволит описать круг решаемых для каждого жанра автороведческих задач, определить причину возникающих проблем, разработать набор идентификационных признаков и методику анализа. Со временем это может способствовать созданию единого жанрового подхода к решению разных задач идентификационной автороведческой экспертизы текстов официально-делового стиля.

В-третьих, построение модели речевого жанра на основаниях, важных для другой области лингвистики, позволяет расширить границы теории речевых жанров, открывает новый аспект жанроведческих исследований. Кроме того, проведенное исследование выявило отсутствие четких границ между первичными и вторичными жанрами, их взаимное влияние. Дальнейшее рассмотрение этой проблемы на материале других жанров позволит уточнить понятийный аппарат теории речевых жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза : Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – М. : НОРМА, 2009. – 480 с.
2. Аверьянова, Т. В. Криминалистика. / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Российская. – Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. – М. : НОРМА, 2000. – 990 с.
3. Антонова, С. М. Протокол как паспорт языкового сознания: опыт двух лингвистических экспертиз / С. М. Антонова // Юрислингвистика. – 2010. – С. 163 – 176.
4. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: Т.1. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 481 с.
5. Апресян, Ю. Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов / Ю. Д. Апресян // Проблемы типологии и общей лингвистики. – СПб., 2006. – С. 15 – 27.
6. Ария, С. Л. Язык и стиль процессуальных документов / С. Л. Ария // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – №1 (1). – 2 014. – С. 154 – 157.
7. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. – С. 21–38.
8. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1988. – 340 с.
9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека: монография / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 911 с.
10. Бабаева, Э. У. Криминалистическое исследование анонимных документов с целью идентификации личности по признакам письменной речи : автореф. дисс... канд. юр. наук.: 12.00.09 / Э. У. Бабаева. – Л.,1970. – 18 с.
11. Баранов, А. Г. Когнитивность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) / А. Г. Баранов // Жанры речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 4 – 12.
12. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие / А. Н. Баранов. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 360 с.
13. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика. 5-е издание / А. Н. Баранов. – М. : Флинта: Наука, 2013. – 592 с.
14. Баранов, А. Н. Теория лингвистических экспертиз как направление прикладной лингвистики / А. Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и

интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – М. : Наука, 2004. – С. 27–31.

15. Батура, Т. В. Формальные методы определения авторства текстов / Т. В. Батура // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. – 2012. – Т. 10, Вып. 4. – С. 81 – 94.

16. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества – М., 1979. – С. 281 – 307.

17. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. – М, 1996. – С. 428 – 472.

18. Башкова, И. В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике: монография / И. В. Башкова. – Красноярск: Издательство Сибирского федерального университета, 2011. – 472 с.

19. Башкова, И. В. Лингвоперсонология / И. В. Башкова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). – Красноярск, 2014. – С. 281 – 282.

20. Башкова, И. В. Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира / И. В. Башкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. - № 4. – С. 112 – 116.

21. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. — М. : Издательство НОРМА, 2001. — 240 с.

22. Бельчиков, А. Ю. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов в СМИ: сборник материалов / А. Ю. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. - М.: ИПК "Информкнига", 2010. – 208 с.

23. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.

24. Бринев, К. И. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции / К. И. Бринев // Юрислингвистика-9. Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С . 232 – 249.

25. Братенькова, Е.В. Языковая личность в условиях речевого конфликта (на материале интернет-коммуникации) / Е. В. Братенькова, Т. В. Чернышова // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – № 14. – 2017. – С. 163 – 166.

26. Будаев, Э.В. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Н. Б. Руженцева. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2017. – 201 с.
27. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – М. : Добросвет-2000, 2003. – 544 с.
28. Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М. : Издательство Московского университета 1974 г. – 264 с.
29. Будагов, Р. А. Литературные языки и языковые стили / Р. А. Будагов. – М. : Высшая школа, 1967. – 376 с.
30. Будагов, Р. А. Язык и речь в кругозоре человека / Р. А. Будагов. – М. : Добросвет-2000, 2000. – 302 с.
31. Будагов, Р. А. Как мы говорим и пишем / Р. А. Будагов. – М. : Издательство МГУ, 1988 г. – 79 с.
32. Бутакова, Л.О. Автороведческая экспертиза: трудности идентификации / Л.О. Бутакова // Юрлингвистика. – 2019. – №12 (23). – С. 22 – 28.
33. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 1993. – 504 с.
34. Валгина, Н. С. Функциональные стили русского языка / Н. С. Валгина. – М. : ИЛЕКСА, 2011. – 223 с.
35. Валгина, Н.С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 173 с.
36. Васюков, Н. С. Модели определения авторства текста / Н. С. Васюков, Р. В. Мещеряков // Измерения, автоматизация и моделирование в промышленности и научных исследованиях : Межвузовский сборник. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. – С. 25 – 29.
37. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. – С. 251—275.
38. Вежбицкая, А. Речевые жанры / А. Вежбицкая // Жары речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 99 – 111.
39. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. - М. : Школа "Языки русской культуры", 1999. – 790 с.
40. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. - Перевод с английского. Ответственный редактор М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
41. Верховин, С. С. К вопросу о лингвотеретических основах методик авторизации текста / С. С. Верховин // Ученые записки Забайкальского государственного

университета. Серия : Филология, история, востоковедение. – 2013. – Вып. № 2 (49). – С. 22 – 27.

42. Винберг, А. И. Криминалистическая экспертиза письма / А. И. Винберг; под ред. М.С. Строговича. – М. : Воен.-юрид. акад. Кр. армии, 1940. – 160 с.

43. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. – 255 с.

44. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур – М. : Наука, 1993. – 172 с.

45. Ворончак, Е. Методы вычисления показателей лексического богатства текстов / Е. Ворончак // Лотман Ю.М., Петров В.М. Искусствоведение: Методы точных наук и семиотики (сборник работ). – М. : ЛКИ, 2007. – С. 232 – 249.

46. Вул, С. М. Об использовании признаков письменной речи в криминалистической экспертизе письма / С. М. Вул // Криминалистика и судебная экспертиза: сб. науч. работ. – Киев, 1969. – Вып. 6. – С. 217 – 223.

47. Вул, С. М. Понятие и классификация идентификационных признаков письменной речи / С. М. Вул // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1973. – Вып. 10. – С. 257 – 264.

48. Вул, С. М. Методика статистического анализа признаков языковых навыков письменной речи / С. М. Вул // Применение методов исследования, основанных на вероятностном моделировании, в судебно-почерковедческой экспертизе. – М. : ВНИИСЭ, 1976. – С. 339 – 357.

49. Вул, С. М. Оценка идентификационной значимости признаков письменной речи в судебно-автороведческой экспертизе / С. М. Вул // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1978. – Вып.17. - С. 104 – 108.

50. Вул, С. М. Качественные и количественные характеристики текстов, выполненных лицами с различным образовательным уровнем (высшее, среднее, начальное образование) / С. М. Вул, А. Т. Гулак, Л. М. Черняк // Криминалистика и судебная экспертиза: сб. науч. работ. – Киев, 1985. – Вып. 30. – С. 43 – 50.

51. Вул, С. М. Особенности методики диагностирования образовательного уровня автора документа / С. М. Вул // Криминалистика и судебная экспертиза: сб. науч. работ. – Киев, 1985. – Вып. 31. – С. 64 – 74.

52. Вул, С. М. Дифференциация авторства документов на основе количественных параметров тестов / С. М. Вул, И. С. Кравчук // Криминалистика и судебная экспертиза: сб. науч. работ. – Киев, 1988. – Вып. 37. – С. 57 – 62.

53. Вул, С. М. О возможностях диагностирования пола автора документа / С. М. Вул // Криминалистика и судебная экспертиза: сб. науч. работ. – Киев, 1993. – Вып. 46. – С. 70 – 73.
54. Вул, С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: Методическое пособие / С. М. Вул. — Харьков : ХНИИСЭ, 2007. — 64 с.
55. Вул, С. М. О классификации идентификационных признаков письменной речи в судебно-автороведческой экспертизе / С. М. Вул // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 54 (57). – С. 213 – 217.
56. Гайда, С. Жанры разговорных высказываний / С. Гайда // Жанры речи. – 1999. – Вып. 2. – С. 103 – 112.
57. Галяшина, Е. И. Основы судебного речеведения / Е. И. Галяшина – М. : СТЭНСИ, 2003. — 236 с.
58. Галяшина, Е. И. Протоколы следственных действий как объекты судебной автороведческой экспертизы / Е. И. Галяшина // Материалы международной научно-практической конференции «Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее». – СПб., 2018. – С. 68 – 72.
59. Галяшина, Е. И. Судебная автороведческая экспертиза и феноменология коммуникации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / Е. И. Галяшина // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. - №3. – С. 100 – 105.
60. Галяшина, Е. И. Судебная автороведческая экспертиза: новые задачи и возможности по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков / Е. И. Галяшина // Вестник криминалистики. – 2017. – № 1 – 2 (61 – 62). – С. 125 – 133.
61. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А.Н. Гвоздев – М. : Просвещение, 1965. – 407 с.
62. Голев, Н. Д. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы / Н. Д. Голев // Вопросы лингвоперсонологии : Межвуз. сборник научных трудов. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2007. – Ч.1. – С.7-11.
63. Голев, Н. Д. Сравнительное лингвистическое и автороведческое исследование трех текстов / Н. Д. Голев // Юрислингвистика. – 2010. – № 10. – С. 382 – 389.
64. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. – С. 217 – 237.
65. Грачев, М. А. Идентификация и определение психолого-физиологических особенностей личности при проведении речеведческих экспертиз / М. А. Грачев //

Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. – 2015. – №2 (часть 2). – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21817>.

66. Грачев, М. А. Лингвокриминалистика / М. А. Грачев. – Нижний Новгород : Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 280 с

67. Грачев, М. А. Проблемы становления и формирования лингвокриминалистики как науки / М. А. Грачев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Лингвистика. – 2010. – № 4 (2). – с. 497 – 500.

68. Грачев, М. А. Судебно-лингвистическая экспертизы / М. А. Грачев. – М. : Флинта: Наука, 2019. – 360 с.

69. Грачев, М. А. Современные проблемы лингвокриминалистики как науки / М. А. Грачев, А. М. Грачев // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – №1. – С. 26 – 29.

70. Громова, А. В. Автороведческая экспертиза текста: опыт диагностики признаков соавторства (на материале переписки в мессенджере) / А. В. Громова // Русская речевая культура и текст. Материалы X Международной научной конференции, посвященной 25-летию кафедры русского языка. Под общ. ред. Н.С. Болотновой. – 2018. – С. 75 – 83.

71. Дейк, Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 153 – 212.

72. Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В.Н. Хаусов. М.: МФД, 2012. – 752 с.

73. Дементьев, В. В. Вторичные речевые жанры (онтология непрямо́й коммуникации) / В. В. Дементьев. // Жанры речи. – 1999. – Вып. 2. – С. 31 – 46.

74. Дементьев, В. В. Актуальные проблемы теории речевых жанров: об одном из подходов к составлению энциклопедии речевых жанров / В. В. Дементьев // Проблемы речевой коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции, 2008. – С. 417 – 429.

75. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи / В. В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 2015. – №6. – С. 78 – 107.

76. Демьянков, В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы (обзор направлений) / В. З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 223 – 235.

77. Дённингхаус, С. Теория речевых жанров М.М. Бахтина в тени прагмалингвистики / С. Дённингхаус // Жанры речи. – 2002. – Вып. 3. – С. 104 – 117.

78. Долинин, К. А. Речевые жанра как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин // *Жары речи*. – 1999. – Вып 2. – С. 7 – 13.
79. Дубровская, Т. В. Решение арбитражного суда как жанр судебного дискурса // *Языки для специальных целей: проблемы, методы, перспективы: монограф.* Под ред. Т. В. Дубровской, А. И. Жолнерик, ОВ. Дроновой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – С.29 – 54.
80. Ионова, С. В. О двух моделях построения вторичных текстов / С. В. Ионова // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание*. – 2006. - №5 – С. 69 – 76.
81. Кантурова, М. А. Образование вторичного речевого жанра как деривационный процесс (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) / М. А. Кантурова // *Сибирский филологический журнал*. – 2011. – №2. – С. 222 – 226.
82. Кантурова, М. А. Производность и вариативность речевых жанров: монография / М. А. Кантурова, Т. И. Стеклова. – Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2019. – 128 с.
83. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. - М. : Наука, 1987. – 261 с.
84. Ким, Л. Г. Кто автор жалобы / Л. Г. Ким // *Юрислингвистика*. – 2013. – № 2 (13). – С. 97 – 103.
85. Киреева, Е. З. «Следы» автора в тексте документа, или к проблеме прагматического анализа текста / Е. З. Киреева // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. – 2016. – № 1 (30). – С. 44 – 52.
86. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева - М. : Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
87. Кожина, М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) / М. Н. Кожина // *Жанры речи*. – 1999. – Вып. 2. – С. 52 – 61.
88. Комаринец, Б. М. Признаки письменной речи и их значение для розыска и установления автора документа / Б. М. Комаринец // *Сборник работ по криминалистике*. - 1957. – № 3. – с.
89. Комиссаров, А. Ю. Криминалистическое исследование письменной речи с использованием ЭВМ: дисс... канд. юр. наук: 12.00.09 / А. Ю. Комиссаров. – М, 2001. – 225 с.
90. Копаева, Е. В. Эмотивные средства языка как способ вербализации критического отношения к действительности (на материале англоязычных текстов жанра эссе) / Е. В. Копаева // *Вестник МГЛУ. Стилистика в современных лингвистических исследованиях*. – 2012. – Вып. 17 (650). — С. 108–130.

91. Косова, М. В. Документный текст в коммуникативно-жанровом аспекте / М. В. Косова // Документ как текст культуры: Международный сборник научных трудов. – Тула: Арт-Принт, 2011. – Вып. 4. – С. 5 – 8.
92. Косова, М. В. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях: содержание и цели / М. В. Косова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2016. – №1 (30). – С. 7 – 17.
93. Косова, М. В. Системность как свойство документного текста / М. В. Косова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 7–11.
94. Косова, М. В. К проблеме речевой организации документного текста // М. В. Косова, К. А. Белоконева // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. – 2011. – № 6 – 2. – С. 319 – 323.
95. Костомаров, П. И. Трактовка речевого жанра в работах отечественных исследователей / П. И. Костомаров // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 2. – Т. 1. – С. 181 – 185.
96. Краснова, О. Н. Композиционно-речевая организация научного документа (на материале авторефератов диссертаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. Н. Краснова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – 24 с.
97. Красса С.И. Методика и инструментарий атрибуции текста в автороведческой экспертизе / С.И. Красса // Альманах современной науки и образования. – 2013. - №10(77). – С. 106 – 108.
98. Кронгауз, М. А. Семантика : учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений / М. А. Кронгауз. 2-е издание, исправленное и дополненное. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
99. Кушнерук, С. П. Документная лингвистика : учебное пособие / С. П. Кушнерук – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. – 313 с.
100. Кушнерук, С. П. Лингвистика документной коммуникации: теоретические аспекты / С. П. Кушнерук. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2007. – 276 с.
101. Кушнерук, С. П. Аксиоматика современной документной коммуникации: документный текст / С. П. Кушнерук // Вестник Тамбовского университета. Серия "Гуманитарные науки". – 2008. – № 6. – С. 84 – 90.
102. Кушнерук, С. П. Современный документный текст: создание и исследование: научно-методическое пособие / С. П. Кушнерук. – М. : Либерия-Бибинформ, 2009. – 192 с.

103. Кушнир, О. Н. О взаимообусловленности текстов ведомственных правовых актов и внутренних документов организации / О. Н. Кушнир // Деловой и публицистический стили в истории русского языка и культуры: сборник докладов II международной научной конференции / отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск, 2015. – С. 158 – 163.
104. Кушнир, О. Н. Виды лингвистической экспертизы документного текста / О. Н. Кушнир, И. А. Мартюшев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017 – № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. – С. 114.
105. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 397 с.
106. Лебедева, Н.Б. Жанры естественной письменной речи / Н. Б. Лебедева // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 116 – 124.
107. Лебедева, Н. Б. Методология жанрового описания письменно-речевой личности / Н. Б. Лебедева // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник научных статей. – Бийск : Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, 2014. – С. 33 – 39.
108. Лебедева, Н. Б. «Наивный автор» как лингвоперсона: жанровый аспект / Н. Б. Лебедева, Е. А. Корюкина // Культура и текст. – 2013. - №2 (15). – С. 251 – 265.
109. Лебедева, Н. Б. Жанровое имя как фактор стабилизации речевого жанра / Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко // Вестник Томского государственного университета. – 2018. - № 437. – С. 29 – 35.
110. Леонтьев, А. А. Речь в криминалистике и судебной психологии / А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович, В. И. Батов. – М, 1977.
111. Лингвистическая прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 16. – 1985.
112. Литвинова, Т. А. Установление в письменном тексте признаков намеренного искажения информации как одна из задач судебной лингвистики / Т. А. Литвинова // Современное право. – 2016. - № 8. – С. 115 – 119.
113. Логинова, К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху / К. А. Логинова // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М., 1968. – С. 186 – 230.
114. Марков, А. А. Пример статистического исследования над текстом "Евгения Онегина", иллюстрирующий связь испытаний в цепь / А. А. Марков // Известия Импер. Акад. наук. 1913. – Серия VI, Т.Х. – №3. – с. 153.

115. Марков, А. А. Об одном применении статистического метода / А. А. Марков // Известия Имп. Акад. наук. 1916. – Серия VI, Т.Х. – №4. – С. 239.
116. Маркова, Г. Д. Идентификационные признаки письма в советской криминалистической экспертизе: дисс... канд. юр. наук: 12.00.09 / Г. Д. Маркова. – Харьков, 1956. – 341 с.
117. Мартыненко, Г. Я. Основы стилеметрии / Г. Я. Мартыненко. – Л. : ЛГУ, 1988. – 170 с.
118. Мартыненко, Г. Я. Семиотика описательных текстов: Типологический аспект / Г. Я. Мартыненко. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 423 с.
119. Мартыненко, Г. Я. Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия / Г. Я. Мартыненко // Структурная и прикладная лингвистика. – 2015. – № 11. – С. 9 – 28.
120. Мартыненко, Г. Я. Типология лингвостатистических распределений / Г. Я. Мартыненко // Лингвостатистика и вычислительная лингвистика. – 1982. – № 628. – С. 103 – 170.
121. Марусенко, М. А. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами теории распознавания образов / М. А. Марусенко. – Л. : ЛГУ, 1990. – 164 с.
122. Месропян, Л. М. Лингвистическая экспертиза протоколов допроса: речевая идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений / Л. М. Месропян // Процессуальные действия вербального характера. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. Под общей редакцией К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. – 2017. – С. 116 – 127.
123. Морозов, А. В. Автороведческая экспертиза текста договора / А. В. Морозов // Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. – 2004. – С. 290 – 297.
124. Морозов, Н. А. Лингвистические спектры: Средство для отличия плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора: Стилеметрический этюд / Н. А. Морозов // Известия Отделения рус. языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1915. – Т. XX. Кн.4. – С. 93–134.
125. Назарова Т.В. Актуальность модернизации аппаратно-программных и методических средств для производства фоноскопических, лингвистических и автороведческих экспертиз, обусловленная спецификой речи и текста как объекта исследования / Т. В. Назарова, А. В. Громова // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : Сборник статей по итогам международной

научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2018». – М., 2018. – 89 – 92.

126. Напреенко, Г. В. Идентификация текста по его авторской принадлежности на лексическом уровне (формально-количественная модель) / Г. В. Напреенко // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 17 – 23.

127. Напреенко, Г. В. Идентификационная лингвистика как аспект лингвоперсонологии / Г. В. Напреенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 – 4 (62). – С. 157 – 162.

128. Напреенко, Г. В. Лексико-квантитативное моделирование языковой личности в идентификационном аспекте (на материале русскоязычных Интернет-дневников): автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г. В. Напреенко. – Кемерово, 2015. – 26 с.

129. Напреенко, Г. В. О двух подходах к идентификационному моделированию текста / Г. В. Напреенко // Филология и человек. – 2015. – №2. – С. 143 – 151.

130. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. – М. : КомКнига, 2006. – 240 с.

131. Новиков, Л. А. Семантика русского языка. Учебное пособие / Л. А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.

132. Образцов, В. А. Криминалистика: избранные труды. Сборник научных трудов / В. А. Образцов. – М. : Проспект, 2016. – 447 с.

133. Огорелков, И. В. Автороведческая идентификация текстов политического дискурса: эволюция методов / И. В. Огорелков // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот : Материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург г: Изд-во УрГПУ, 2019. – С. 159 – 161.

134. Огорелков, И. В. Особенности автороведческого исследования анонимного документа на основании признаков, характеризующих искажение письменной речи за счет снижения уровня грамотности / И. В. Огорелков // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений : Материалы 3-й всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе: в 2-х т. – М., 2006. Т. 2. – С. 121 – 124.

135. Огорелков, И. В. Перспективы развития судебной автороведческой экспертизы / И. В. Огорелков // Вопросы экспертной практики. – 2019. – № S1. – С. 495 – 498.

136. Огорелков, И. В. Современное состояние и перспективы развития судебной автороведческой экспертизы / И. В. Огорелков // Международные и национальные

тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов международной научной конференции. – Н. Новгород : Издательство Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – С. 271 – 274.

137. Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М. : Наука, 1980. – 263 с.

138. Опись документов первого тома уголовного дела // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/hibinaud/home>.

139. Орлова, Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра / Н. В. Орлова // Жанры речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 51 – 56.

140. Орлова, Н. В. Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») / Н. В. Орлова // Жанры речи. – 1999. – Вып. 2. – С. 227 – 236.

141. Орлова, Н. В. Жар и тема: об одном основании типологии / Н. В. Орлова // Жанры речи. – 2002. – Вып. 3. – С. 83 – 92.

142. Орлова, Н. В. Языковая личность в нестандартной ситуации: выбор жанра / Н. В. Орлова // Жанры речи. – 2011. – Вып. 7. – С. 94 – 107.

143. Орлова, Н. В. Русскоязычный официально-деловой документ в восприятии адресата-неспециалиста / Н. В. Орлова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5(26). – С. 31 – 36.

144. Орлова, Н. В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей семантикой / Н. В. Орлова // Вестник Омского университета. – 2014. – № 4 (74). – С. 188 – 193.

145. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. - Вып. 17. — 1986. — С. 22 – 129.

146. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.

147. Палашевская, И. В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход / И. В. Палашевская // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – № 2. – 2012. – С. 146 – 151.

148. Палашевская, И. В. Жанры юридического дискурса: форматы, сценарии, тексты / И. В. Палашевская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 6 (50). – 2010. – С. 28 – 32.

149. Палашевская, И. В. Речевой жанр жалобы в юридическом дискурсе / И. В. Палашевская // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 4 (27). – 2010. – С. 48 – 51.
150. Палашевская, И. В. Судебный дискурс / И. В. Палашевская // Дискурс-Пи. - № 3 – 3 (20 – 21). – 2015. – С. 164 – 166.
151. Палашевская, И. В. Судебный нарратив / И. В. Палашевская // Дискурс-Пи. - № 3 – 3 (20 – 21). – 2015. – С. 166 – 169
152. Палашевская, И. В. Статусные характеристики участников судебного дискурса / И. В. Палашевская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 9 – 10 (104). – 2015. – С. 104 – 109.
153. Панина, Н. А. К вопросу о разграничении автора и исполнителя в аспекте судебной автороведческой экспертизы / Н. А. Панина // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Международной научно-практической конференции. – СПб. : РГ-Пресс, 2019. – С. 365 – 368.
154. Плотникова, А. М. Документный текст как объект судебной лингвистической и автороведческой экспертизы / А. М. Плотникова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2016 – Вып. 15, № 1. – С. 37 — 43.
155. Плотникова, А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики / А. М. Плотникова. – Екатеринбург, Москва: ТХТ, 2017. – 196 с.
156. Прияткина, А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения / А. Ф. Прияткина. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
157. Рабенко, Т. Г. Проблема речевых жанров первичности / вторичности в контексте современной лингвистики / Т. Г. Рабенко // Сибирский филологический журнал. – 2017. - № 2. – С. 235 – 248.
158. Рабенко, Т. Г. Русский речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личный дневник»): монография / Т. Г. Рабенко. – Кемерово: КемГУ, 2018. – 171 с.
159. Рабенко, Т. Г. К соотношению жанров естественного и художественного дискурсов: постановка проблемы (на примере жанра «письмо в редакцию») / Т. Г. Рабенко, Н. Б. Лебедева // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2016. – № 1 (39). – С. 50 – 61.
160. Рабенко Т. Г. Речевой жанр в фокусе вариантологической модели языка (на материале речевого жанра «личная записка») / Т. Г. Рабенко, Н. Б. Лебедева // Культура и текст. – 2018. – №1 (32). – С. 144 – 152.

161. Распопова, Т. А. Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования / Т. А. Распопова // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований – 2015 – № 1(6). – С. 133 – 144.
162. Рогов, А. А. Программный комплекс СМАЛТ / А. А. Рогов, Г. Б. Гурин, А. А. Котов, Ю. В. Сидоров, Т. Г. Суровцова // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: Труды X Всероссийской научной конференции «RCDL'2008». – Дубна, 2008. – С. 155 – 160.
163. Рогов, А. А. Автоматизированная система обработки и анализа литературных текстов СМАЛТ / А. А. Рогов, Ю. В. Сидоров, А. В. Король // Труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М. : МГУ, 2004. – С. 485 – 486.
164. Романов, А. А. Методика и программный комплекс для идентификации автора неизвестного текста: автореф. дисс... канд. техн. наук: 05.13.18 / А. А. Романов. – Томск, 2010. – 27 с.
165. Россинская, Е. Р. Криминалистика: Учебник / Е. Р. Россинская. — М. : Норма: ИНФРА-М, 2018. — 464 с.
166. Россинская, Е. Р. Современная судебно-экспертная деятельность и направления ее совершенствования / Е. Р. Россинская // Закон. – 2019. – №10. – С. 31 – 42.
167. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская – 3-е изд., доп. – М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2011. – 736 с.
168. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): Учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; Под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е изд., переработанное и дополненное – М. : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 368 с.
169. Россинская, Е. Р. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. – М. : Проспект, 2010. – 458 с.
170. Россинская, Е.Р. - Профессия – эксперт (Введение в юридическую специальность). – М. : Юристь, 1999. – 192 с.
171. Рубцова, И. И. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, А. И. Безруков, И. В. Огорелков. – М. : ЭКЦ МВД России, 2007. – 197 с.
172. Рыжаков, А. П. Допрос: основания и порядок производства / А. П. Рыжаков. – М. : Дело и сервис, 2017. – 192 с.

173. Сакун, Т. Н. Судебно-автороведческая экспертиза на современном этапе развития / Т. Н. Сакун // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2010. – №2 (28). – С. 176 – 183.
174. Седов, К. Ф. Анатомия жанров бытового общения / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики. – Саратов. – 1998. – Вып.27. Человек и текст. – С. 9 – 20.
175. Седов, К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи. – 1999. – Вып. 2. – С 14 – 28.
176. Седов, К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К. Ф. Седов // Жанры речи. – 2002. – Вып. 3. – С. 40 – 52.
177. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. Пер. с англ. Перцова Е.Н.; общая ред. Е.А. Кибрик. – М. : «Прогресс», 1993. – 656 с.
178. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 170 – 194.
179. Татарникова, Н. М. Координация первичного и вторичного жанров в официально-деловом стиле речи (на примере речевых жанров допроса и протокола допроса): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. М. Татарникова. – Кемерово, 2004. – 23 с.
180. Тимофеева, М. К. О границах и содержании прагматики / М. К. Тимофеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 5–18
181. Тимофеева, М. К. Языковые шкалы: направления современных исследований / М. К. Тимофеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17. № 3. – С. 5 – 17.
182. Тупикова, С. Е. Когнитивно-прагматические характеристики речевых жанров конфликтной направленности на примере речевых жанров «осуждение» и «обвинение» / С. Е. Тупикова // Вопросы прикладной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 92 – 102.
183. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – 1960 - Вып. 1. – С. 135 – 168.
184. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. - [Электронный ресурс] – 2007. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/793918>.
185. Федоров, А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики / А. В. Федоров. – М. : Высшая школа, 1971. – 196 с.

186. Федосюк, М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М. Ю. Федосюк // // Жары речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 66 – 88.
187. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 10. – 1981. – С. 369 – 495.
188. Хайрулова, Э. Т. К вопросу об установлении автора (исполнителя) спорного текста при производстве автороведческих экспертиз / Э. Т. Хайрулова // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы международной научно-практической конференции. – СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 343 – 346.
189. Хмелев, Д. В. Распознавание автора текста с использованием цепей А. А. Маркова / Д. В. Хмелев // Вестник МГУ, Сер. 9. Филология. 2000. – № 2. – С. 115 – 126.
190. Чернышова, Т. В. Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике / Т. В. Чернышова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – Т. 12. – № 3. – 2016. – С. 335 – 350.
191. Чернышова, Т. В. Прикладные аспекты изучения официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов / Т. В. Чернышова // Филология и человек. – № 2. – 2016. – С. 177 – 191.
192. Чернышова, Т. В. Стилистический анализ текста и возможности его использования в лингвоэкспертной практике / Т. В. Чернышова // Актуальные проблемы стилистики. – № 2. – 2016. – С. 115 – 122.
193. Чурилина, Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте: монография / Л. Н. Чурилина. – 7-е изд., стер. – М. : Флинта, 2017. – 239 с.
194. Шарипова, Р. Р. Композиционно-речевая организация регламента как регулирующего документа / Р. Р. Шарипова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание – 2014. – №2 (21). – С. 82 – 87.
195. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 191 с.
196. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 278 с.
197. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 88 – 98.
198. Эксархопуло, А. А. Криминалистика в схемах и иллюстрациях: учебное пособие / А. А. Эксархопуло. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 450 с.

199. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. – М. : Ленанд, 2014. – 640 с.
200. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч.2 / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник. – М. : URSS, 2016. – 432 с.
201. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: "за" и "против" (сборник статей). – М., 1975. – С. 193 – 230.
202. Dittenberger, W. Sprachliche Kriterien für die Chronologie der Platonische Dialoge // Hermes, Zeitschrift für klassische Philologie. B. XVI. Berlin, 1881. – P. 321 – 345.
203. Dubrovskaya, T. Speech genres of negative evaluation in Russian Culture // Young Scholars' Developments in Linguistics / T. Dubrovskaya, Y. Lobina (eds). – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 60 – 82.
204. Grice, H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics. – N.Y., 1975. – P. 41 – 58.
205. Levinson, St. Pragmatics / St. Levinson. – Cambridge: Cambridge university press, 2011. – 420 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Структура протокола допроса

Рис. 1

Шаблон протокола допроса свидетеля.

ПРОТОКОЛ допроса свидетеля

« _____ » _____ 20 ____ г.
(место составления)

Допрос начал в _____ ч _____ мин
Допрос окончен в _____ ч _____ мин

(подпись, наименование, должность)

Клировый чин или звание, фамилия, инициалы _____
в должности _____ (полное название)
в соответствии со ст. 189 и 190 (191) УПК РФ допросил по уголовному делу № _____
в качестве свидетеля:

1. Фамилия, имя, отчество _____
2. Дата рождения _____
3. Место рождения _____
4. Место жительства и (или) регистрации _____
телефон _____
5. Гражданство _____
6. Образование _____
7. Семейное положение, состав семьи _____
8. Место работы или учебы _____
телефон _____
9. Отношение к воинской обязанности _____
(для мужчин, не
воинском учете)
10. Наличие судимости _____
(полном и сокращенном виде, освобожден,
по какой статье УК РФ, вид и размер
наказания, когда освобожден)
11. Паспорт или иной документ, удостоверяющий личность свидетеля _____
12. Иные данные о личности свидетеля _____

с участием _____
(полное название, должность, фамилия, имя, отчество каждого лица,
участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях его адрес и данные данных о его личности)
Лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о
привлечении при производстве следственного действия технических средств
(каждое по отдельности)

Перед началом допроса мне разъяснены права и обязанности свидетеля, предусмотренные частью четвертой ст. 56 УПК РФ:

- 1) отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ. При согласии дать показания я предупреждаю о том, что мои показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае моего досрочного отказа от них; показания;
- 2) давать показания на родном языке или языке, которым я владею;
- 3) пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- 4) отказаться от дачи показаний, участвующему в допросе;
- 5) отказаться от дачи показаний и проявлять злобу на действия (бездействия) и решения должностных лиц, следователя, прокурора и суда;
- 6) являться на допрос с адвокатом в соответствии с частью пятой ст. 189 УПК РФ;
- 7) ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных частью третьей ст. 11 УПК РФ.

Об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ предупрежден

Свидетель _____ (подпись)

По существу уголовного дела могу показать следующее: _____
(использовать сокращения, оговорки)

а также поставленные перед ним вопросы и ответы на них

Свидетель _____ (подпись)

Перед началом, в ходе либо по окончании допроса свидетеля от участвующих лиц _____

_____ (не предоставлять, положение, фамилия, инициалы)
названия _____ Содержание заявления _____
(подпись, не поставил)

Свидетель _____ (подпись)

Иные участвующие лица: _____ (подпись)

_____ (подпись)

Протокол прочтен _____ (полное имя, место, наименование, наименование)

Замечания к протоколу _____ (согласен, замечаний, либо указания
на их отсутствие)

Свидетель _____ (подпись)

Иные участвующие лица: _____ (подпись)

_____ (подпись)

Следователь (ознаватель) _____ (подпись)

Пример диалогической формы описательной части протокола допроса. Протокол допроса Берии.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1953 года, июля 8 дня, Генеральный Прокурор Союза ССР Руденко допросил арестованного БЕРИЯ Л.П., который показал:

БЕРИЯ Лаврентий Павлович, 1899 года рождения, уроженец сел. Мерасули Сухумского района Грузинской ССР.

ВОПРОС: Вы арестованы за антисоветскую заговорщическую деятельность против Партии и Советского государства. Намерены ли вы рассказать следствию о своей преступной деятельности.

ОТВЕТ: Это я категорически отрицаю.

ВОПРОС: Уточним некоторые данные вашей деятельности в прошлом. Почему в июне 1917 года в момент ожесточенной борьбы большевиков в Баку против внутренней и международной контрреволюции вы добровольно поступаете техником-практикантом в гидротехническую организацию армии и уезжаете на румынский фронт?

ОТВЕТ: Действительно в июне или в другом месяце 1917 года я добровольно вступил техником-практикантом в гидротехническую организацию армии вместе с Чекрыжевым, который учился вместе со мной в Баку в техническом училище. Почему я не остался в Баку для участия в подпольной работе — я над этим не задумывался.

ВОПРОС: Когда вы возвратились в Баку?

ОТВЕТ: Возвратился в 1917 году, в октябре месяце и продолжил учебу в техническом училище.

ВОПРОС: Чем занимались в Баку в период оккупации турками?

ОТВЕТ: Продолжал учиться и был в ячейке этого училища и выполнял отдельные небольшие поручения.

ВОПРОС: Вы в автобиографии, написанной 22 октября 1923 г., указываете: «Осенью 1919 года от партии “Гуммет” поступаю на службу в контрразведку». Правильно это?

ОТВЕТ: Да, правильно.

ВОПРОС: Ответьте, от кого именно вы получили задание поступить в контрразведку?

ОТВЕТ: Задание получил от одного из руководителей «Гуммет» — Мирзадауда Гуссейнова. Контрразведка эта находилась при муссаватистском правительстве и состояла из левых элементов коммунистов и муссаватистов и вначале своей деятельности должна была вести борьбу с белогвардейцами. Имела ли отношение к этой контрразведке английская контрразведка — я ничего не могу сообщить.

ВОПРОС: Расскажите подробно о вашей деятельности в контрразведке?

ОТВЕТ: В основном моя деятельность свелась к ознакомлению с письмами граждан, которые поступали в контрразведку. Эту работу я проводил под руководством Измайлова, который был тогда коммунистом. Работа моя в контрразведке продолжалась месяца три-четыре, а может быть больше, сейчас не помню.

ВОПРОС: Кто такой Муссеви?

ОТВЕТ: Муссеви левый коммунист. Еще до меня он получил задание работать в контрразведке, как это мне было известно от Гуссейнова, причем он был заместителем начальника контрразведки, а начальником контрразведки был Ших-Заманов. От Гуссейнова я имел поручение контактировать работу с Муссеви.

Муссеви давал задание Измайлову, а через него мне знакомиться с письмами и при надобности ориентировать его, Муссеви, о письмах, заслуживающих внимания.

Пример монологической формы описательной части протокола допроса. Протокол допроса обвиняемого Людвигова по делу Берии.

По существу дела показал:

В дополнение к ранее данным показаниям хочу следствию сообщить, что, начиная с марта этого года поведение Берия резко изменилось. С его стороны часто стали проявляться факты, свидетельствующие о его внутренней фальши и лицемерии. Берия буквально зарвался. Следует отметить, что после марта 1953 г. Берия совершенно переродился. Он резко критиковал руководителя партии в моем присутствии и в присутствии Шария и Ордынцева. Высмеивал Шария за то, что он с восхищением отзывался о некоторых трудах руководителя партии.

Характерно отметить, что Берия во всех вопросах всегда стремился показать свою особую роль в решении государственных вопросов. Из его высказываний и поведения явствовало, что Берия считал себя наиболее влиятельным государственным деятелем страны. Это можно проиллюстрировать на таком факте.

В июне этого года, когда Президиум ЦК КПСС принял решение по Украине и освободил Мельникова с поста секретаря ЦК КП Украины, Берия в присутствии меня, Ордынцева и Шария заявил, что это он, Берия с треском выгнал Мельникова, точнее — Мельников, дескать, был убран по его, Берия, требованию.

Разительным примером мании величия со стороны Берия служит следующий факт: после издания Указа об амнистии Берия не раз заявлял: «Я освободил миллион», «Я освобождаю миллион людей». Это Берия говорил в присутствии Шария, Ордынцева.

Об этом также может быть известно Круглову.

Берия иронически и свысока отзывался о некоторых руководителях нашего государства. Так, например, по вопросу о перегибах в Западной Украине, Берия в проекте записки и проекте постановления в Президиум ЦК КПСС указывал, что массовые репрессии и другие операции вызывались создавшейся так обстановкой, а устно комментировал в ироническом тоне, что в то, мол, время на Украине работал Н.С. Хрущев.

В погоне за большей популярностью Берия не отличался скромностью. Подтверждением этого обстоятельства могут служить факты следующего порядка. Представляемые Министерством внутренних дел записки в Президиум ЦК КПСС по конкретным вопросам он часто сопровождал требованием обязательно рассылать свои записки, наряду с решениями ЦК, секретарям ЦК республик, краев и областей.

Неоднократно были случаи, когда Берия принимал в МВД секретаря ЦК КП Литвы Снечкуса, секретаря ЦК КП Эстонии Кэбина, которого я лично видел в кабинете Берия в МВД. Однажды Берия собирался принять в МВД Зимянина из Белоруссии и приказал Ордынцеву напомнить ему об этом приеме. Ордынцев забыл напомнить, точнее, не смог напомнить Берия и за это получил от него нагоняй.

С целью своей популяризации среди сотрудников МВД, Берия, как только пришел в Министерство, многим руководящим работникам МВД заявлял, что он скоро проведет закон о выплате сотрудникам МВД денег за воинские звания.

Как я уже отмечал, Берия после марта 1953 года совсем распоясался. Не сдерживая себя, он оскорблял не только своих помощников, но и многих руководящих работников: Серова, Круглова, Стаханова и других, бесцеремонно обзывая их всякими словами. Берия чувствовал себя вельможей. Меня он также часто ругал и оскорблял, называя балдой, курной головой. Если я возмущался, он кричал: «Что на меня смотришь, как баран».

*Пример смешанной фиксации протокола. Протокол допроса обвиняемого по делу
«Linkoln-88»*

Я признаю свою вину в предъявленном мне обвинении частично, я признаю свою вину лишь в том, что принимал участие в нападении на мужчин не славянской внешности. Свое участие в организованной преступной группе под руководством Линка Андрея я не признаю, я не входил в его группировку.

Вопрос следователя: «Вам предъявляется для просмотра видеозаписи с названием «2 хача в метро» и «Шафки», скопированные с жесткого диска компьютерного системного блока, изъятого в ходе обыска 07.12.2007г. по месту жительства Милованова Ярослава по адресу: Санкт-Петербург, Светлановский пр., д.** к.1 кв.**. На видеозаписи «2 хача в метро» изображено нападение на двух мужчин, а именно несколько парней бьют одного из мужчин ногами. Что Вы можете пояснить по просмотренным видеозаписям «2 хача в метро» и «Шафки»?»

Ответ обвиняемого: «Я просмотрел с названием «2 хача в метро» и «Шафки». Ранее я видел только видеозапись «2 хача в метро», непосредственно в тот же день, в который она была сделана, эту видеозапись снимал на видеокамеру Иванов Андрей (его фамилию я узнал в ходе следствия по уголовному делу №546108, где я являюсь обвиняемым). В нападении, которое записано на видеозаписи «2 хача в метро» я тоже принимал участие.

Это нападение было в конце августа 2007 года (точную дату не помню), вроде это был будний день, около 14 часов мне позвонил на мобильный телефон Иванов Андрей и предложил встретиться у станции метро «Невский проспект» чтобы подраться с парнями из движения «антифа» (то есть антифашисты), которые после концерта этого движения, пойдут домой. Около 19 часов (точное время не помню) я приехал на станцию метро «Невский проспект», где возле Казанского собора встретился с Ивановым и остальными парнями. Всего нас было не меньше 30 человек, среди них были Линок Андрей, Иванов Андрей, парень по кличке «Гегеншлаг» (я виделся с ним несколько раз в спортивном зале на Дрезденской), Носко Виталик, с остальными я лично не был знаком.

В тот день проходил в центре города какой-то концерт движения «антифа» (антифашистов), которых мы собирались после концерта побить. На второй видеозаписи под названием «Шафки» изображено, как раз как мы, ходили по центру города вдоль канала Грибоедова и убегали от парней из движения «антифа». Но в этот день мы так и не побили никого из «антифа». Это все снимал на свою видеокамеру Иванов Андрей. После этого я вместе с несколькими парнями (среди них были Линок Андрей, Иванов Андрей и парень по кличке «Гегеншлаг», с остальными я лично не знаком), всего нас было около 6-7 человек, сразу зашли в метро и поехали от станции метро «Гостиный двор» в сторону станции метро «Сенная площадь». В перегоне между этими станциями в вагоне метро мы увидели двух молодых мужчин не славянской внешности (один был в белой рубашке, один в оранжевой футболке), один из нас (парень в джинсах и сине-серой кофте) сразу подошел к мужчине в белой рубашке и ударил его кулаком в лицо, завязалась драка, Линок и еще кто-то из наших стали бить мужчину в оранжевой футболке.

Когда мужчина в оранжевой футболке попытался меня ударить, я отклонил руку мужчины и захватом захватил его за шею, после чего меня оттеснили в сторону, а Линок, парень по кличке «Гегеншлаг» и другие парни из нашей компании стали снова бить мужчину в оранжевой футболке. В процессе нападения Линок Андрей стал орать что-то вроде: «Вали говно! Слава России!». Затем я достал из

Пример последовательного изложения событий в протоколе допроса. Протокол допроса обвиняемого по ст. 282, дело «Lincoln-88».

По поводу совершенных мной преступлений могу пояснить следующее:

22 сентября 2007 года, днем я вместе со своим отчимом Андреевым Федором Владимировичем и Чижовым Богданом приехал на станцию метро «Горьковская» в Санкт-Петербурге, на праздник «урожая». У станции метро собралось большое количество народу, среди которого были мои знакомые Ленок Андрей по кличке «Линкольн», Иванов Андрей, парень по имени Дима, Паша из Колпино, парень по кличке «Гегеншлаг», парень по кличке «Хренос», парень в темно-серой кофте с капюшоном (ранее я видел его пару раз в спортивном зале, расположенном около станции метро «Удельная»), парень в белой кепке-бейсболке в светло-зеленой длинной куртке (как его зовут, я не знаю, видел его тоже в спортивном зале). После сбора мы прошли шествием до стрелки Васильевского острова.

После окончания шествия Ленок А. предложил всем поехать в город Сестрорецк на день города «поакционировать» (совершить нападения на лиц не славянской внешности с целью их избития). Я согласился поехать в город Сестрорецк вместе с Линком Андреем. Иванов Андрей (у него с собой была видеокамера), парень по имени Дима, Паша из Колпино, парень по кличке «Гегеншлаг», парень по кличке «Хренос», парень в темно-серой кофте с капюшоном, парень в белой кепке-бейсболке в светло-зеленой куртке, и еще около 2-3 человек, из тех, кто был на шествии, всего нас было около 10 человек (я всех не знаю, поэтому точное количество не могу назвать), также согласились поехать в город Сестрорецк с Линком Андреем для проведения «акций».

Для того, что бы доехать до Сестрорецка, мы вернулись на станцию метро «Горьковская», зашли в вестибюль станции. Когда мы стали спускаться на эскалаторе, то нам встретился мужчина не славянской внешности одетый в куртку «Лоне Деил», мы стали «прикалываться» над этим мужчиной, спрашивать у него является ли он «скинхедом». Парень в белой кепке, снимал мужчину на цифровой фотоаппарат, за это его чуть не задержал сотрудник метрополитена, но мы ему помешали.

На метро мы доехали до станции «Старая деревня», вышли из метро и прошли на железнодорожную платформу, для того, что бы сесть в электричку до города Сестрорецка. В электричку сели я, Ленок Андрей, Иванов Андрей, парень по имени Дима, Паша из Колпино, парень по кличке «Гегеншлаг», парень по кличке «Хренос», парень в темно-серой кофте с капюшоном, парень в белой кепке-бейсболке в светло-зеленой куртке, и еще 2-3 человека, всего нас было около 10 человек.

Около 15 часов мы приехали в город Сестрорецк, вышли из электрички на железнодорожную платформу, спустились с нее и пошли вначале на рынок, для того чтобы найти лиц не славянской внешности и их избить. Потом, немного походили по дворам, затем вышли на какую-то улицу, перешли через дорогу к берегу озера и вдоль берега озера дошли до площади возле административного здания. На площади ничего не происходило, и мы решили идти обратно к железнодорожной платформе тем же маршрутом (вдоль берега озера).

Когда мы подошли к берегу озера к нам присоединились два парня славянской внешности, с которыми была девушка. Один из этих парней был одет в черную куртку и зеленые камуфляжные брюки. Насколько я понял, данные парни были из города Сестрорецка, они подошли к нам и сказали, что полностью нас поддерживают, типа «черных надо бить!», что они хотят пойти с нами бить не русских, которым в России не место.

Далее мы все вместе (я, Ленок Андрей, Иванов Андрей, парень по имени Дима, Паша из Колпино, парень по кличке «Гегеншлаг», парень в темно-серой кофте с капюшоном, парень в белой кепке-бейсболке в светло-зеленой куртке, и еще 2-3 человека, два парня из Сестрорецка) пошли вдоль берега озера в сторону железнодорожной станции. Рядом с нами прошли два парня славянской внешности одетых в стиле «эмо» (это такое

Последовательность событий в протоколе, заполненном допрашиваемым собственноручно. Протокол допроса свидетеля Брусницына Н. по делу о гибели экспедиции Дятлова.

Контрольный срок группы истекал 12-13 февраля. Учитывая просьбы Дятлова, переданную с вернувшимся Юдиным, в перенесении контрольного срока на 16-17, и метель в конце февраля, о которой сообщил Ю.Блинов, вернувшийся из похода, которая могла задержать продвижение группы Дятлова, меры были приняты только числа 18. – В Ивдель вылетел А.С.Гордо и Ю.Блинов. 21 февраля была организована наша группа под руководством Б.Слобцова. Утром 22 февраля мы вылетели в Ивдель.

Лист 364

3

В район происшествия были заброшены только 23 февраля, двумя группами. Вторая группа была на месте только во второй половине дня. Массив горы Отортен имеет три отдельные вершины, мало чем отличающиеся друг от друга. В условиях плохой видимости летчики высадили нас ошибочно под восточную вершину массива. В данный момент перед нами стояла задача: установить, была ли на вершине группа, или нам спускаться на юг в долину реки Лозьвы, откуда по нашим предположениям должен был начать свой штурм вершины группа Дятлова.

На вершине, под которую нас высадили летчики, никаких следов обнаружено не было. Следующий день был посвящен безрезультатным поискам следа по реке Лозьве. В этот же день (24) мы спустились в реку Ауспия, где по проекту Дятлов должен был устроить свой продовольственный склад. На левом берегу реки был обнаружен старый лыжный след на данном участке почти неразличимый. Несмотря на приближение вечера, группа разбилась на 2 половины. Одна направилась вниз по течению, другая – вверх. Нижняя группа в км 5 от нашей стоянки обнаружила ночевку группы Дятлова. Никаких следов, говорящих о дне ночевки и складе продуктов обнаружено не было. Верхняя группа потеряла след.

Лист 365

4

На следующий день мы решили отыскать выход группы из долины реки. Для решения этой задачи разбились на три отряда. Один должен был отыскать затерянный след или установить его направление. Другие искали продовольственный склад и выход группы Дятлова из долины реки Ауспия на юг.

**Приложение 2. Идентификационные признаки протоколов допросов Свидетелей №2
и №3**

Идентификационные признаки протокола допроса Свидетеля №2

Орфографические признаки

Ошибки отсутствуют

Пунктуационные признаки

1. Отсутствие запятой перед союзом «и» между частями сложного предложения

- часто

- регулярно

Примеры: *«По работе у меня периодически возникали проблемы с тем, что некому было работать и меня не хотели отпускать на учебу», «Я согласился и мы договорились, что я переведу ей деньги на банковскую карту».*

2. Отсутствие запятой между частями сложноподчиненного предложения

- часто

- регулярно

Примеры: *«Как следует из представленной мне справки из банка по карте Слудковой это было 28.09.2016», «О том, что деньги за проставление отметок идут именно ему я не знал», «Вообще кто такая Татьяна и как она решала вопросы по отметкам я не знаю».*

3. Лишнее двоеточие перед перечислением предметов

- редко

- нерегулярно

Примеры: *«отметки за экзамены по предметам: «Экономика», «Управление на транспорте», «Безопасность на транспорте» ...».*

4. Необословление вводного слова

- редко

- нерегулярно

Примеры: *«Соответственно в октябре 2016 года на сессию я ходил только на те предметы, которые сдавал сам».*

5. Постановка лишнего знака препинания в конструкции с однородными членами

- редко

- нерегулярно

Пример: *«...я по телефону опять обратился к Слудковой и, также попросил...».*

Лексико-семантические признаки

Жанровые признаки

1. Предметные номинации с конкретным значением:

- часто
- регулярно

Из трех лексико-семантических парадигм:

- Самая большая по набору и частоте лексики - парадигма «обучение в ВУЗе»: *поступить в университет, заочный факультет, специальность, сессия, зачеты, экзамены, учиться в одной группе, проставить отметки о сдаче зачетов и экзаменов, зачетная книжка.*

- Менее разнообразна и частотна парадигма «денежные средства»: *за деньги, перевести деньги, банковская карта, банкомат, выписка по карте, онлайн сервис ВТБ и т.п.*

- Отдельные термины и номинации предметов из сферы «железнодорожный транспорт»: *«Эксплуатация железных дорог», составитель поездов, дежурный по станции и т.п.*

2. Гипонимы, уточняющие или заменяющие конкретные гиперонимы

- редко
- регулярно

Название конкретных предметов для уточнения родовой номинации «наименования учебных курсов»: *«Она сказала, что сможет помочь поставить отметки за зачеты и экзамены по некоторым предметам, то есть отметки по предметам «Экономика», «Безопасность на транспорте», «Основы транспортного бизнеса» ...».*

3. Имена собственные

- часто
- регулярно

Несколько классов собственных имен:

- Имена и фамилии участников описываемых событий: *Слудкова, Тимирязев;*
- Наименования учебных курсов: *«Экономика», «Безопасность на транспорте», «Транспортное право» и т.п.;*
- Наименования организаций: *вокзал «Экспресс-пригород», банк ВТБ;*
- Наименование улиц: *ул. Ленина, пр. Маркса и т.п.*

4. Декриптивные слова

- редко
- регулярно

Слова, называющие признак по образу действия. Например, *«Соответственно на сессию я ходил только на те предметы, которые сдавал сам. На предметы, за которые я заплатил, я не ходил и экзамены эти не сдавал».*

5. Точные указания даты, места, наименования и т.п.

- часто

-регулярно

-Указание даты: *это было 28.09.2016; это было 07.01.17; в конце января;*

-Указание суммы: *должен заплатить 45 000 рублей;*

- Указание наименований предметов: *«Транспортное право», «Безопасность на транспорте», «Эксплуатация железных дорог».*

6. Лексика со значением неуверенности, неосведомленности говорящего

- часто

- регулярно

- Значение отсутствия у допрашиваемого полной картины событий: *Где точно, я не помню; в конце января, когда точно я не помню;*

- значение неосведомленности: *С кем именно она договаривалась я не знаю; Что деньги за проставление отметок шли именно ему я не знал.*

7. Слова с указательным значением:

- часто

- регулярно

- местоимение, указывающее на ранее употреблявшееся существительное: *«в этот день», «в ту сессию».*

8. Глаголы физического действия

- часто

- регулярно

Примеры: *передать зачетную книжку, положить деньги, проставить отметки, забрать зачетную книжку.*

9. Личные местоимения первого лица единственного и множественного числа

- часто

- регулярно

-Единственного числа: *«Я позвонил Слудковой», «Я перевел деньги»;*

-Множественного числа: *«мы договорились», «мы встретились».*

10. Числительные

- редко

- регулярно

Примеры: *28.09.2016, в ноябре 2016 года.*

11. Наречия со значением последовательности действий:

- единичны

Примеры: *Сначала я обучался в группе 13-Д, потом в группе 13-УД.*

12. Глаголы действительного залога

- часто

- регулярно

Примеры: *не мог посещать, позвонил и попросил, перевести деньги и т.п.*

13. Глаголы прошедшего времени

- часто

- регулярно

Примеры: *я попросил, передал, забрал и т.п.*

14. Лексический повтор

- часто

- регулярно

Примеры: *«...за деньги проставить отметки о сдаче экзаменов и зачетов без их фактической сдачи и посещения», «...должна была быть очередная сессия. Меня также не хотели отпускать с работы на всю сессию».*

15. Тавтология

- часто

- регулярно

Примеры: *«По работе у меня периодически возникали проблемы с тем, что некому было работать...», «...банковскую карту банка ВТБ...».*

Авторские признаки

1. Оценочная лексика

- редко

- нерегулярно

Пример: *это незаконно.*

2. Лексика со значением регулярности действий или событий:

- редко

- нерегулярно

Примеры: *меня опять не отпускали с работы, я снова позвонил.*

3. Контекстные синонимы

- часто

- регулярно

Из сферы обучения в ВУЗе: *«покупать»* отметки - платят деньги за то, чтобы им проставили отметки; не сама - через кого-то.

4. Антонимы:

- часто

- регулярно

Примеры: *сначала - потом; работа - учеба, сама – через кого-то.*

5. Нарушение лексической сочетаемости

- редко

- регулярно

Примеры: *сможет по мне также договориться.*

Семантические уточнения

В протоколе допроса Свидетеля №2 было обнаружено 5 типов семантических уточнений.

1. Пояснение термина или понятия: *«Сначала я обучался в группе 13-Д, потом 13-УД (УД означает ускоренное обучение)», «...некоторые студенты «покупают» отметки..., то есть платят деньги за то, чтобы им проставили отметки...».*

2. Уточнение объекта речи: *«От старосты своей группы Слудковой мне было известно...», «сможет помочь поставить отметки за зачеты и экзамены по предметам: «Основы транспортного бизнеса» у преподавателя Ковалевой, «Техническая эксплуатация железных дорог» у преподавателя Квашина...», «В эту же сессию Слудкова передала мне зачетную книжку с проставленными отметками по предметам: «Основы транспортного бизнеса» у преподавателя Ковалевой, «Техническая эксплуатация железных дорог» у преподавателя Квашина...»*

3. Уточнение причины: *«... я переведу ей деньги на ее банковскую карту, т.к. мы живем в разных городах», «О том, что деньги за проставление отметок передавались именно Квашину я не знал, т.к. мне это было безразлично...»*

4. Указание на неуверенность или неосведомленность автора в достоверности сообщаемой информации: *«Зачетную книжку я привез ей в Новосибирск также перед сессией, точную дату и обстоятельства передачи не помню»*

5. Уточнение качественной характеристики объекта речи: *«В январе-феврале у нас должна была быть последняя преддипломная сессия».*

Все проанализированные типы представлены в виде таблицы с разделением на низкоинформативные и высокоинформативные и градацией расположения от наиболее частотных до тех, которые встречаются единично (Таблица 16).

Таблица 16

Типы уточнений в протоколе допроса Свидетеля №2

Низкоинформативные уточнения	Высокоинформативные уточнения
Пояснение термина или понятия	Уточнение причины
Указание на неуверенность или неосведомленность автора в достоверности сообщаемой информации	
Уточнение объекта речи	
Уточнение качественных характеристик объекта речи	

Как видно из таблицы, уточнения в протоколе допроса Свидетеля №2 носят преимущественно низкоинформативный характер.

Синтаксические признаки

Жанровые признаки

1. Прямой порядок слов

- редко

- регулярно

Примеры: *Соответственно на сессию я ходил только на те зачеты и экзамены, которые сдавал сам.*

2. Преобладающие типы предложений:

Преобладают сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным:

Через несколько дней она перезвонила мне и сказала, что Татьяна сможет мне помочь.

3. Осложнение предложений:

- редко

- регулярно

- Однородными дополнениями: *поставить отметки за зачеты и экзамены*

4. Уточняющие и поясняющие конструкции

- часто

- регулярно

Примеры: *сдать деньги за проставление отметок по зачетам и экзаменам.*

Авторские признаки

1. Парцелляция

- часто
- регулярно

Примеры: *...студенты платят деньги чтобы им проставили отметки о сдаче зачетов и экзаменов без их фактической сдачи и посещения. Поэтому, в сентябре 2016 года я позвонил Слудковой...».*

2. Обратный порядок слов

- часто
- регулярно

Примеры: *В 2013 году я поступил...; По работе у меня периодически возникали проблемы....*

4. Использование придаточного предложения как самостоятельного

- однократно

Пример: *Меня опять не отпускали с работы на всю сессию. Поэтому я снова позвонил Слудковой.*

Стилистические признаки

Жанровые

1. Аббревиатуры

- однократно

Сокращенное название организаций: *банк ВТБ*

2. Юридические и оперативно-розыскные профессионализмы и терминология

- часто
- регулярно

Примеры: *«обстоятельства передачи», «передал лично».*

Авторские

1. Неюридическая профессиональная терминология:

- часто
- регулярно

Из финансовой сферы: *«банковская карта», «банк», «справка из банка», «банкомат», «сервис ВТБ-онлайн», «деньги», «переводить на карту»*

Из сферы обучения в ВУЗе: *«зачетная книжка», «отметки за зачеты и экзамены», «зачет», «экзамен», «группа», «заочный факультет», «специальность».*

Эмотивные признаки

1. Использование лексики, выражающей отношение к сообщаемому

-однократно

Пример: *Я понимал, что это незаконно.*

Прагматические признаки

1. Нарушение максимы количества – сообщение излишне подробной информации

- часто

- регулярно

- Дублирование информации или излишняя детализация: *«... есть такая практика, когда некоторые студенты «покупают» отметки о сдаче зачетов и экзаменов, то есть платят деньги за то, чтобы им поставили отметки о сдаче зачетов и экзаменов без их фактической сдачи и посещения».*

2. Нарушение максим релевантности

- часто

- нерегулярно (при описании однотипной ситуации)

- Уточнения и разъяснения деталей, вставленные в повествование о передаче денежных средств: *«В начале сентября я перевел ей эти деньги через банкомат... Как следует из предъявленной мне справки из банка ВТБ по карте Слудковой это было 28.09.16. После того как я перевел ей деньги, я привез ей зачетную книжку».*

- Уточнения отсутствия у допрашиваемого информации о побочном предмете речи: *«Слудкова сказала, что сама собирается платить деньги, чтобы проставить отметки по зачетам и экзаменам без их фактической сдачи и посещения. С кем именно она договаривалась, я не знаю, но думаю, что она делала это не сама, а через кого-то».*

3. Нарушение максимы способа

- часто

- регулярно

Слияние нескольких предложений в одно, нарушение максимы релевантности, парцелляция и лексические и синтаксические ошибки приводят к усложнению пониманию и возникновению неоднозначных толкований.

Признаки неоднородности авторской речи

Прямых цитат из речи допрашиваемого в тексте протокола допроса не обнаружено.

Межуровневые несоответствия отсутствуют: значительное количество пунктуационных ошибок согласуется с однообразным синтаксисом, обилием инверсии и парцелляции, синтаксическими и частыми лексическими ошибками, в том числе частым

лексическим повтором. Отсутствие орфографических ошибок может свидетельствовать о привычности используемых слов для речи автора.

Прагматический уровень отражает скорее речь составителя, чем речь допрашиваемого, поскольку нарушения коммуникативных максим имеют лексическое наполнение, характерное для официально-деловой коммуникации и розыскной деятельности.

Идентификационные признаки протокола допроса Свидетеля №3

Орфографические признаки

1. Несогласованность существительного с предлогом в конструкциях со значением года
 - часто
 - регулярно

Примеры: *«после выхода замуж в 2015 года», «в зачетной книжке за 2016 году».*

Пунктуационные признаки

1. Необособление уточнений

- редко
- нерегулярно

Пример: *... я подала сведения позднее примерно в 2017 году, поэтому в зачетной книжке у меня старая фамилия.*

2. Лишние запяты

- однократно

Пример: *Поэтому, в сентябре 2016 года....*

3. Лишнее двоеточие перед перечислением предметов

- редко
- нерегулярно

Пример: *«... вернула мне зачетную книжку с проставленными отметками по предметам: «Экономика», «Транспортное право» ...».*

4. Необособление вводного слова

- редко
- нерегулярно

Примеры: *«Соответственно в октябре 2016 года на сессию я ходила только на те предметы, которые сдавала сама».*

Лексико-семантические признаки

Жанровые признаки

1. Предметные номинации с конкретным значением:

- часто
- регулярно

Из трех лексико-семантических парадигм:

- Самая большая по набору и частоте лексики - парадигма «обучение в ВУЗе»: *поступить в университет, заочный факультет, специальность, учиться на последнем курсе, сессия, зачеты, экзамены, учиться в одной группе, проставить отметки о сдаче зачетов и экзаменов, зачетная книжка;*

- Менее разнообразна и частотна парадигма «денежные средства»: *за деньги, перевести деньги, банковская карта, банкомат* и т.п.;

- Отдельные термины и номинации предметов из сферы «железнодорожный транспорт»: *«Эксплуатация железных дорог», железная дорога, «Транспортное право»* и т.п.

2. Гипонимы, уточняющие или заменяющие конкретные гиперонимы

- редко
- регулярно

Название конкретных предметов для уточнения родовой номинации «наименования учебных курсов»: *«Она сказала, что сможет помочь поставить отметки за зачеты и экзамены по некоторым предметам, то есть отметки по предметам «Экономика», «Безопасность на транспорте», «Основы транспортного бизнеса» ...».*

3. Имена собственные

- часто
- регулярно
- Имена и фамилии участников описываемых событий: *Слудкова, Тимирязев;*
- Наименования учебных курсов: *«Экономика», «Безопасность на транспорте», «Транспортное право»* и т.п.;

- Наименования организаций: *банк ВТБ;*
- Наименование улиц: *ул. Ленина, пр. Маркса* и т.п.

4. Декриптивные слова

- редко
- регулярно

Слова, называющие признак по образу действия: *Соответственно на сессию я ходила только на те предметы, которые сдавала сама.*

5. Точные указания даты, места, наименования и т.п.

- часто

- регулярно
- Указание даты: *это было 12.09.2016*
- Указание суммы: *надо будет заплатить 45 000 рублей;*
- Указание наименований предметов: *«Транспортное право», «Безопасность на транспорте», «Эксплуатация железных дорог».*

6. Лексика со значением неуверенности, неосведомленности говорящего

- часто
- регулярно
- Значение отсутствия у допрашиваемого полной картины событий: *«в начале сентября, точную дату я не помню»;*
- значение неосведомленности: *«О том, что деньги за проставление отметок идут именно ему я не знала».*

7. Слова с указательным значением:

- часто
- регулярно
- Местоимение, указывающее на ранее употреблявшееся существительное: *«в этот день», «в ту сессию».*

8. Глаголы физического действия

- часто
 - регулярно
- Примеры: *передать зачетную книжку, перевести деньги, проставить отметки, забрать зачетную книжку.*

9. Личные местоимения первого лица единственного и множественного числа

- часто
- регулярно
- Единственного числа: *«Я позвонила Слудковой», «Я положила деньги», «Я не посещала зачеты и экзамены»;*
- Множественного числа: *«мы договорились», «мы встретились».*

10. Числительные даты

- редко
- регулярно

Примеры: *12.09.2016, в ноябре 2016 года.*

11. Глаголы действительного залога

- часто
- регулярно

Примеры: *я находилась в декретном отпуске по уходу за ребенком, не могла посещать, позвонила и сказала.*

12. Глаголы прошедшего времени

- часто

- регулярно

Примеры: *я попросила, передала, забрала, поставила* и т.п.

13. Лексический повтор

-часто

- регулярно

Примеры: *«Ранее у меня была фамилия Авдеева, после выхода замуж в 2015 года я сменила фамилию на Коврова, в зачетной книжке и в иных документах СГУПС я подала сведения позднее примерно в 2017 году, поэтому в зачетной книжке за 2016 году у меня старая фамилия».*

Авторские признаки

1. Лексика со значением регулярности действий или событий:

- редко

- нерегулярно

Примеры: *я снова позвонила Слудковой.*

2. Контекстные синонимы

- однократно

Пример: *решить вопрос - договориться*

3. Антонимы:

- часто

- регулярно

Примеры: *ранее - после, ходила – не присутствовала.*

4. Оксюморон

- однократно

Пример: *декретный отпуск по уходу за ребенком.*

Семантические уточнения

В протоколе допроса Свидетеля №3 было обнаружено 4 типа уточнений.

1. Уточнение даты: *... после выхода замуж в 2015 году я сменила фамилию на Коврова, в зачетной книжке и в иных документах ВУЗа я подала сведения позднее примерно в 2017 году, поэтому в зачетной книжке у меня старая фамилия...»*

2. Указание на неуверенность или неосведомленность автора в достоверности сообщаемой информации: *«... в сентябре 2016 года, точную дату я не помню, я по телефону созвонилась с Симоновой и попросила помочь решить вопрос таким образом», «Зачетную книжку я передала Симоновой через кого-то из знакомых, точно через кого не помню»*

3. Уточнение объектов речи: *«Насколько я помню это были следующие предметы: «Основы транспортного бизнеса», «Техническая эксплуатация железных дорог...»»*

4. Уточнение-присоединение: *«Исходя из предъявленной справки из банка это было 12.09.2016. Причем переводила я с карты своего мужа».*

Все проанализированные типы были представлены в виде таблицы с разделением на низкоинформативные и высокоинформативные и градацией расположения от наиболее частотных до тех, которые встречаются единично (Табл. 17).

Таблица 17

Типы уточнений в протоколе допроса Свидетеля №3

Низкоинформативные уточнения	Высокоинформативные уточнения
Уточнение даты	Уточнение-присоединение
Уточнение объектов	
Указание на неуверенность или неосведомленность автора в достоверности сообщаемой информации	

Как видно из таблицы, уточнений в протоколе допроса Свидетеля №3 мало, большая их часть относится к низкоинформативным.

Синтаксические признаки

Жанровые признаки

1. Прямой порядок слов

- редко

- регулярно

Примеры: *Соответственно на сессию я ходила только на те зачеты и экзамены, которые сдавала сама.*

2. Преобладающие типы предложений:

Преобладают сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным:
Через старосту своей группы Слудкову я узнала, что можно заплатить деньги...; Она сказала, что перезвонит мне.

3. Осложнение предложений:

- редко
- регулярно

Однородными дополнениями: *поставить отметки за зачеты и экзамены.*

4. Уточняющие и поясняющие конструкции

- часто
- регулярно

Примеры: *сдать деньги за проставление отметок по зачетам и экзаменам.*

Авторские признаки

1. Парцелляция

- часто
- регулярно

Примеры: *Слудкова сказала, что сможет договориться по некоторым предметам. Насколько я помню, это были следующие предметы...*

2. Обратный порядок слов

- редко
- регулярно

Примеры: *В 2013 году я поступила...; мне это было безразлично.*

Стилистические признаки

1. Аббревиатуры

- однократно

Сокращенное название организаций: *банк ВТБ*

2. Юридические и оперативно-розыскные профессионализмы и терминология

- часто
- регулярно

Примеры: *обстоятельства передачи, в ходе телефонного разговора, передала лично.*

Авторские признаки

1. Неюридическая профессиональная терминология:

- часто

- регулярно

Из финансовой сферы: *банковская карта, банк, справка из банка, банкомат, деньги, переводить на карту.*

Из сферы обучения в ВУЗе: *зачетная книжка, отметки за зачеты и экзамены, зачет, экзамен, заочный факультет, специальность.*

Эмотивные признаки

1. Использование лексики, выражающей отношение к сообщаемому

-однократно

Пример: *Мне было неудобно ехать на всю сессию в другой город; мне это было безразлично.*

Прагматические признаки

Текст крайне малого объема, поэтому выделить устойчивые нарушения коммуникативных максим не представляется возможным.

Признаки неоднородности авторской речи

Прямых цитат из речи допрашиваемого в тексте протокола допроса не содержится.

Межуровневые несоответствия отсутствуют: значительное количество пунктуационных ошибок согласуется с однообразным синтаксисом, обилием парцелляции, синтаксическими и частыми лексическими ошибками, в том числе частым лексическим повтором.

Прагматический уровень проанализировать на малом объеме не представляется возможным.